ТОНЪ НА ВОСТОКЪ

Н. С. ЛЫКОШИНЪ

„ХОРОШІЙ ТОНЪ" НА ВОСТОКѢ

Къ полувѣковому юбилею завоеванія русскими туркестанскаго края

Цѣна 1 руб.

Складъ у В. А. Березовскаго
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
ПЕТРОГРАДЪ, КОЛОКОЛЬНАЯ, 14
1915

Князь МАКСУТОВЪ.

Исторія Древняго Востока.

Культурно-политическая и военная съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи Македонскаго завоеванія.

Томъ I. Книги I—IV. Египетъ и Финикія. 1905 г. . . 6
Томъ II. Кн. V—VIII. Ассиро-Халдея и Персія. 1905 г. . 5

Требующіе оба тома сразу за пересылку не платятъ.

...Должно признать, что ни одинъ изъ упомянутыхъ во... ныхъ писателей не заходилъ такъ далеко въ отношеніи изуче... „культурно-политической" исторіи соотвѣтственныхъ государ... и народовъ, какъ это сдѣлалъ авторъ разсматриваемаго тру... и въ этомъ также его заслуга.

П. Гейсманъ. *Прил. къ „Русск. Инв."* 1905 г. № 30.

Къ числу достоинствъ „Исторіи" можно отнести лег... живой и изобразительный языкъ, столь непохожій на тотъ ...ской „штиль", которымъ пишутся подобнаго рода сочиненія.

„Вѣстн. О-ва Ревн. воен. зн." 1905 г. № 101.

По богатству эрудиціи и обстоятельности, сочиненіе князя Максутова представляетъ едва ли не лучшее пособіе по исторіи древняго востока на русскомъ языкѣ...

А. Б. *„Русь"* 1 ноября 190...

Оригинальность замысла, самостоятельность автора, продолжительное и довольно серьезное изученіе—вотъ его достоинства.

„Военный Сборникъ", январь 1906 г., стр. 213.

Авторъ даетъ широкое мѣсто очеркамъ религіи, письменности, науки, искусствъ, а также домашнему быту древнѣйшаго Востока.

„Вѣстн. Европы" 1905 г. № 11.

Н. С. ЛЫКОШИНЪ

„ХОРОШІЙ ТОНЪ" НА ВОСТОКѢ

КЪ ПОЛУВѢКОВОМУ ЮБИЛЕЮ ЗАВОЕВАНІЯ РУССКИМИ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ

Складъ у В. А. Березовскаго.
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
Петроградъ, Колокольная, 14
1915

4040

Тип. Б. Д. Брукера (Екатерин. кан., 94).

„Хорошій тонъ“ на Востокѣ.

Восточная культура несомнѣнно гораздо древнѣе западно-европейской и потому, еще въ сѣдой древности, на востокѣ возникали въ жизни такіе вопросы, которые только значительно позже сдѣлались достояніемъ широкихъ массъ населенія на Западѣ.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ приходится признать приличіе, вѣжливость, которой мы сами нерѣдко, для указанія высшей степени, придаемъ эпитетъ „восточной“.

Вотъ эта-то „восточная“ вѣжливость и служитъ предметомъ настоящаго очерка.

Всякаго, ближе входящаго въ жизнь нашихъ средне-азіатскихъ туземцевъ, поражаетъ особая солидность пріемовъ каждаго даже необразованнаго мусульманина, отсутствіе рѣзкихъ движеній, громкаго смѣха, повышенія голоса въ рѣчи, вообще отсутствіе всего, что могло-бы непріятно подѣйствовать на собесѣдника, поразить его несдержанностью и торопливостью.

То же самое замѣчается не только у взрослыхъ, но и у дѣтей съ того возраста, когда у нихъ впервые проявляются проблески сознанія.

Туземный мальчикъ 5—6 лѣтняго возраста уже умѣетъ себя держать при постороннихъ такъ, чтобы не доставить кому-нибудь непріятности. Онъ знаетъ свое мѣсто среди взрослыхъ, безцеремонно не лѣзетъ къ столу, не вмѣшивается въ разговоръ, умѣетъ по всѣмъ правиламъ высказать привѣтствіе входящимъ въ домъ и, даже, если къ нему обратятся съ вопросомъ, только шопотомъ произноситъ слова въ отвѣтъ, чтобы не обезпокоить слуха обратившаго на него вниманіе гостя.

Всѣ эти особенности обращенія нашихъ средне-азіатскихъ туземцевъ представляютъ результатъ вѣкового воспитанія массы, изъ поколѣнія въ поколѣніе передающагося сознанія, что общежитіе налагаетъ на членовъ общества извѣстныя обязанности, изъ коихъ главная—приличное обращеніе съ окружающими.

Туземцы хорошо понимаютъ это и всѣми силами стараются воспитать своихъ дѣтей въ этомъ культѣ приличія, придавая огромное значеніе исполненію всѣхъ тонкостей „адаба“ или приличія.

Если для европейца знаніе приличій необходимо и учтивость составляетъ достоинство и украшеніе всякаго порядочнаго человѣка, то на востокѣ, гдѣ сохраненіе чувства собственнаго достоинства привито самой религіей ислама, а знаніе приличій составляетъ долгъ каждаго, независимо отъ общественнаго положенія и происхожденія, ощущалась давно потребность собрать воедино и изложить въ системѣ тѣ пріемы и правила вѣжливости на всѣ случаи жизни мусульманина, какіе признаются наиболѣе отвѣчающими примѣру самого

Мухаммеда и его первыхъ послѣдователей. Задавшись цѣлью создать такого рода сборникъ, нѣкто Мухаммедъ Садыкъ, родомъ кашгарецъ, посвятилъ не мало труда на то, чтобы выбрать изъ разныхъ книгъ шаріата все, относящееся къ умѣнью держать себя, и изложить всѣ эти свѣдѣнія въ строгой послѣдовательности. Трудъ автора увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и книга „Адабъ-ус-салихынъ" (приличія мудрыхъ, или благочестивыхъ) среди туземцевъ Туркестанскаго края пользуется заслуженной извѣстностью. Въ сборникѣ этомъ предусмотрѣны разные случаи жизни, когда человѣкъ, не зная приличій, можетъ уронить себя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, и на каждый случай данъ подробный, часто даже слишкомъ подробный, совѣтъ, какъ слѣдуетъ вести себя.

Случайно встрѣтивъ въ книжной лавкѣ константинопольское литографированное изданіе „Адабъ-ус-салихынъ, я заинтересовался содержаніемъ сборника, по замыслу напоминающаго пресловутый „хорошій тонъ" Э. Гоппе и англійскія изданія подобнаго рода, а прочтя книгу, убѣдился, что переводъ труда Мухаммедъ Садыка можетъ быть полезенъ всякому, кто интересуется жизнью средне-азіатскихъ туземцевъ или просто пожелаетъ узнать, какіе манеры и пріемы кажутся „приличными" на взглядъ мусульманина.

Я постараюсь ниже коротко передать содержаніе помянутаго сборника, чтобы, не затрудняя читателя мелочными подробностями, ознакомить европейца съ тѣмъ, какъ ведетъ себя въ прилич-

номъ обществѣ мусульманинъ, проникнутый сознаніемъ необходимости держать себя съ достоинствомъ.

Конечно, очень трудно во всѣхъ положеніяхъ точно придерживаться мелочныхъ требованій „хорошаго тона“, но не мѣшаетъ знать эти требованія, чтобы по возможности, грубо не нарушить одного изъ правилъ учтивости.

ГЛАВА I.

Приличія, соблюдаемыя при посѣщеніи дома, въ привѣтствіяхъ, рукопожатіи и цѣлованіи.

Мы говоримъ: „по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“ на востокѣ-же и встрѣчаютъ и провожаютъ по знанію „адаба“, по учтивости.

Подходитъ человѣкъ къ дому, въ который онъ намѣренъ войти. На дверяхъ нѣтъ дощечки съ именемъ хозяина, нѣтъ и звонка. Въ большинствѣ случаевъ приходится входить въ ворота или въ калитку и сразу очутиться не въ передней, какъ у насъ, а во дворѣ наружной половины дома, такъ называемаго „ташкари“ (наружное), гдѣ обыкновенно проводитъ время хозяинъ съ своими гостями, но гдѣ, въ его отсутствіе, случайно могутъ быть дѣти и даже женщины, которыхъ видѣть постороннимъ лицамъ не дозволено.

Для того, чтобы не нарушить строго охраняемаго затворничества женщинъ и не преступить такимъ образомъ главнѣйшаго запрета религіи, подходя къ дому необходимо дать знать хозяевамъ, что къ нимъ хотятъ войти. Входящему рекомендуется постучатъ въ дверь или покашлять.

Когда въ домѣ обратятъ вниманіе на стукъ въ дверь или покашливаніе посѣтителя и отзовутся, входящему надлежитъ предварительно произнести общепринятое у мусульманъ привѣтствіе „ас-саляму-алейкюмъ“ и потомъ попросить разрѣшенія войти въ домъ.

Если сразу не послѣдуетъ приглашенія войти, посѣтитель долженъ до трехъ разъ повторить свою просьбу, но не подъ-рядъ, а съ нѣкоторыми промежутками между обращеніями къ хозяину, повторяя просьбу черезъ 2—3 минуты.

Можетъ случиться, что и послѣ троекратно произнесеннаго посѣтителемъ вопроса, изъ дома не послѣдуетъ отвѣта и приглашенія войти. Въ такомъ случаѣ посѣтителю, очевидно пришедшему не во время, слѣдуетъ, не настаивая болѣе, поскорѣе удалиться.

Иногда хозяинъ прежде, чѣмъ открыть дверь, спрашиваетъ, кто тамъ? Въ такомъ случаѣ посѣтитель долженъ назвать свое имя, а не прибѣгать къ уклончивымъ указаніямъ: вашъ другъ, вашъ покорный слуга и т. п., такъ какъ такой отвѣтъ не далъ бы спрашивающему опредѣленнаго понятія о томъ, кто къ нему пришелъ.

Бываетъ, однако, что не приходится спрашивать у хозяина разрѣшенія войти въ домъ. Это въ томъ случаѣ, если самъ хозяинъ ведетъ гостя къ себѣ въ домъ.

Весьма большое значеніе придаютъ мусульмане взаимнымъ привѣтствіямъ при встрѣчѣ, гораздо большее значеніе, чѣмъ европейцы.

Несомнѣнно, что Исламъ заимствовалъ при-

вѣтствіе и даже самую его форму отъ евреевъ родственныхъ арабамъ семитовъ.

Евреи привѣтствуютъ другъ друга словами „шалемъ-алехомъ“, а мусульмане—той же фразой означающей „миръ вамъ“, только иначе произносятъ по-арабски, говоря „ас-саляму-алейкюмъ“, это одни и тѣ-же слова.

Привѣтствіе у мусульманъ установлено религіей и представляетъ не только долгъ вѣжливости, какъ у насъ, а религіозную обязанность.

Вотъ какими точно опредѣленными формальностями обусловлено привѣтствіе.

Когда двое мусульманъ встрѣтились, они обязаны привѣтствовать другъ друга, несмотря на то, въ дружественныхъ или враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу они находятся и знакомы ли они между собой.

Привѣтствіе должно быть выражено непремѣнно фразою „миръ вамъ“. Можно лишь добавлять еще слова „изобиліе и милость Божія“, но совершенно невѣжливо было бы сказать „миръ тебѣ“, или вообще произвольно сократить, или измѣнить общепринятую формулу привѣтствія.

По поводу настойчиваго требованія привѣтствія во множественномъ числѣ, мнѣ приходилось слышать отъ ученыхъ туземцевъ, что это множественное число вызывается не только любезностью, какъ разница между обращеніемъ „на ты“, или „на вы“, а требуется безусловно потому, что привѣтствіе обращается не къ самому человѣку, при встрѣчѣ съ которымъ оно произносится, а къ ангеламъ-записывателямъ, невидимо присут-

ствующимъ и расположеннымъ на плечахъ каждаго мусульманина.

Нашъ Ангелъ-хранитель въ Исламѣ измѣненъ до неузнаваемости. Это не данный человѣку помощникъ, хранитель и утѣшитель, и не одинъ, а два безстрастныхъ и неподкупныхъ свидѣтеля человѣческихъ поступковъ, его надзиратели, способные записывать происходящее съ человѣкомъ Сидящій на правомъ плечѣ ангелъ ведетъ запись благочестивымъ, добрымъ дѣламъ порученнаго его надзору мусульманина, а его товарищъ, расположенный на лѣвомъ плечѣ, неустанно слѣдитъ и записываетъ самомалѣйшіе дурные поступки. Создается такимъ образомъ полное жизнеописаніе каждаго мусульманина, его „нама-и-амаль“ (буквально—вѣдомость поступковъ, запись дѣлъ), въ которой значатся и заслуги и, грѣхи... Эта запись понадобится мусульманину при общемъ воскресеніи людей, на страшномъ судѣ.

Мусульмане вѣрятъ, что всѣ мертвые возстанутъ, услышавъ звукъ трубы ангела Исрафила и предстанутъ на судъ, каждый съ своей записью заслугъ и грѣховъ. Тѣ благочестивые, у которыхъ въ „нама-и-амаль“ записано гораздо больше добрыхъ, чѣмъ дурныхъ поступковъ, смѣло пойдутъ на судъ, высоко держа въ рукѣ свою запись. Грѣшники же, потерявшіе надежду на райское блаженство, будутъ пытаться хитростью прикрыть свою грѣховность и будутъ ссылаться на то, что запись поступковъ ими случайно утеряна. Конечно, не поможетъ такая наивная увертка и каждому будетъ воздано по дѣламъ его.

Какъ обязательно при встрѣчѣ двухъ мусульманъ указанное выше привѣтствіе („салямъ“), также обязателенъ и отвѣтъ на высказанное привѣтствіе („джуабъ“) и отвѣтъ этотъ непремѣнно долженъ быть выраженъ въ словахъ „и вамъ миръ“, а не какой-либо другой фразой. Отвѣтъ долженъ непосредственно слѣдовать за привѣтствіемъ и произноситься настолько громко, чтобы привѣтствовавшій могъ хорошо разслышать, иначе обязанность получившаго привѣтствіе не была бы исполнена.

Какъ видимъ, обязанность привѣтствія между мусульманами тогда только можетъ считаться исполненной, когда и привѣтъ, и отвѣтъ произнесены по всѣмъ правиламъ и взаимно услышаны.

Это совсѣмъ не похоже на наши европейскіе полу-поклоны, обязательные только между знакомыми и исполняемые подчасъ весьма небрежно, нехотя и, по манерѣ, различающіеся не только у разныхъ народовъ, но и у различныхъ слоевъ общества въ каждомъ народѣ.

Правда, и мы—европейцы —различаемъ вѣжливые и небрежные поклоны, замѣчаемъ, когда намъ не отвѣчаютъ на поклонъ, но все это для насъ не имѣетъ того формальнаго, чисто религіознаго значенія, которое придаютъ привѣтствію мусульмане, какъ послѣдователи одной вѣры, видящіе въ этомъ актѣ мусульманской вѣжливости прочную связь между единовѣрцами и какъ бы знакъ принадлежности къ одной религіи.

Дальше будетъ указано, какъ строго различаютъ мусульмане свое обращеніе съ иновѣр-

цами отъ обращенія между собою, и сравнительно рѣдко приходится русскому, живущему среди мусульманъ въ Туркестанѣ, слышать отъ мусульманина обращенное къ себѣ привѣтствіе „миръ вамъ“. Гораздо чаще, встрѣчая русскаго, съ которымъ надо поздороваться, мусульманинъ или безмолвно складываетъ руки пониже пояса, или произноситъ „издрастъ“, коверкая слово, здравствуй.

Такимъ обращеніемъ только къ знакомымъ, мусульманинъ рѣзко подчеркиваетъ разность своихъ религіозныхъ убѣжденій, а кромѣ того, оберегаетъ себя отъ риска произнести уставное мусульманское привѣтствіе „миръ вамъ“ и не получить отъ русскаго, незнакомаго съ мусульманскими правилами вѣжливости, обязательнаго въ такомъ случаѣ отвѣта.

Какъ мы видѣли выше, неполученіе отвѣта на „салямъ“ было-бы не только незаслуженнымъ оскорбленіемъ, но и нарушеніемъ уваженія къ ангеламъ-записывателямъ высказавшаго русскому привѣтствіе мусульманина. Вотъ почему отчасти мусульмане, даже и не особенно фанатично настроенные противъ иновѣрцевъ, воздерживаются отъ обращенія къ русскимъ съ мусульманскимъ привѣтствіемъ.

Сужу такъ потому, что когда поживешь подольше между мусульманами какого-нибудь города или селенія, обстоятельства нѣсколько измѣняются.

Въ народѣ быстро распространяется слухъ, что такой-то русскій говоритъ по-сартовски, и къ

такому лицу начинаютъ обращаться съ большимъ вниманіемъ. Болѣе другихъ оказываются наблюдательными еще не зараженные фанатизмомъ дѣти мѣстныхъ мусульманъ. Имъ иной разъ просто забавно кажется поздороваться съ проходящимъ по улицѣ „урусомъ“ и посмотрѣть, какъ онъ къ этому отнесется. Начинается съ того, что группа играющихъ въ бабки полуголыхъ лѣтомъ, а то и совсѣмъ нагихъ, хорошенькихъ мальчиковъ при вашемъ приближеніи, выстраиваются въ рядъ и, сложивъ на животѣ рученки, хоромъ произносятъ „салямъ“, и достаточно вамъ въ отвѣтъ истово произнести тономъ серьезнаго мусульманина отвѣтную фразу арабскаго привѣтствія „ва алейкюмъ ас-салямъ“, чтобы всѣ лица привѣтствовавшихъ васъ мальчугановъ осклабились въ радостную, немного смѣшливую улыбку. Идете дальше и дальше васъ съ тою же улыбкою искушаютъ дѣти, забавляясь тѣмъ, что и „урусъ“ умѣетъ здороваться по-мусульмански.

Отъ дѣтей, конечно, и до родителей скоро доходитъ вѣсть о томъ, что живущій въ селеніи русскій здороваться умѣетъ, и, понемногу увѣрившись въ этомъ собственнымъ опытомъ, почтенные мусульмане, забывая о религіозной нетерпимости, начинаютъ здороваться съ вами, какъ со своимъ.

Разумѣется, въ этомъ компромиссѣ есть и значительная примѣсь подобострастія; чтобы задобрить русскаго, особенно начальника, ему дѣлаютъ исключеніе изъ общаго правила, съ цѣлью установить добрыя сосѣдскія отношенія.

Такъ надо думать потому, что на ряду съ арабскими привѣтствіями приходится замѣчать подчасъ и демонстративный плевокъ вслѣдъ проходящему „урусу“ со стороны тѣхъ-же наружно приличныхъ мусульманъ, только менѣе образованныхъ и менѣе хитрыхъ.

По поводу этихъ плевковъ не мало приходилось слышать отъ русскихъ людей, возмущавшихся такой дерзостью туземцевъ по отношенію къ завоевателямъ и носителямъ культуры.

Сколько я самъ могъ замѣтить при многолѣтнемъ общеніи съ нашими средне-азіатскими туземцами, плевокъ вслѣдъ проходящему русскому, которому туземецъ только что отвѣсилъ поклонъ, всегда почти объясняется не столько фанатизмомъ, сколько грубостью и невѣжествомъ плюющаго. Едва-ли это не тоже средство обезсилить дѣйствіе дурной встрѣчи, къ которому и наше русское простонародье прибѣгаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, въ твердой увѣренности, что, сплюнувъ, человѣкъ спасаетъ себя отъ дурныхъ предзнаменованій и неудачи, связанныхъ съ извѣстной встрѣчей часто съ очень почтеннымъ лицомъ.

Думаю такъ потому, что болѣе развитые и потому болѣе фанатизированные мусульмане очень рѣдко позволяютъ себѣ плевки послѣ поклона, а чернь, простонародье, особенно громко харкаетъ вслѣдъ проходящему русскому, скорѣе, мнѣ кажется, изъ страха дурной примѣты, чѣмъ изъ религіозной нетерпимости.

Какъ бы то ни было, а и такія выраженія пренебреженія приходится наблюдать послѣ самыхъ

учтивыхъ на видъ поклоновъ. Пусть будетъ стыдно плюющимъ, когда-нибудь и они поймутъ, что поступаютъ дурно и несправедливо, конфузя только себя самихъ.

Несмотря на точныя указанія, какъ по всѣмъ правиламъ должно произноситься арабское привѣтствіе и отвѣтъ на него, несмотря на всю важность, какую придаютъ исполненію формальностей знатоки приличій, не всѣ наши туземцы одинаково точно соблюдаютъ правила, для привѣтствій предписанныя.

Кочевника-киргиза никто не учитъ мусульманской вѣжливости, самая религія Ислама слабо укореняется въ свободной душѣ номада; поэтому киргизъ, если и произноситъ мусульманское привѣтствіе, то только тогда, когда приходится встрѣтиться съ сартомъ, и произноситъ привѣтственную фразу безъ яснаго разумѣнія ея смысла. Своему-же брату киргизу и русскому киргизъ всегда весело скажетъ привѣтствіе на своемъ родномъ языкѣ, начиная вопросомъ о здоровьи скота, потомъ домашнихъ, а затѣмъ на разные лады, съ уменьшительными и ласкательными выраженіями, начинаетъ распрашивать о здоровьи и благополучіи самого собесѣдника. Выходитъ весело и радушно, нѣтъ и тѣни той сухой формалистики, какой отличается важный, холодный мусульманскій „салямъ“ ученыхъ, воспитанныхъ сартовъ.

Въ нашемъ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ и въ Хивѣ, гдѣ, вѣроятно, въ силу естественныхъ условій жизни, народъ мрачнѣе и менѣе разговорчивъ,

вы не услышите ни полнаго мусульманскаго привѣтствія, ни простого радостнаго киргизскаго привѣта. Мрачный, въ большой бараньей шапкѣ и скромномъ одноцвѣтномъ халатѣ хивинецъ всякому, и своему и русскому, отрывисто буркнетъ только одно слово „салямъ", не выговаривая полной формы мусульманскаго привѣтствія. Такъ же привѣтствуютъ своего хана хивинскіе сановники; значитъ, и придворный этикетъ не въ силахъ измѣнить мрачную лаконичность не привыкшаго къ общежитію хивинца.

Это и понятно: въ низовьяхъ Аму-Дарьи, отъ Чарджуя до Аральскаго моря все населеніе живетъ хуторами, въ отдѣльныхъ четырехугольныхъ курганчахъ, обнесенныхъ высокой глинобитной стѣной, и того, что мы называемъ въ южной части Туркестана „кишлаками", или селеніями, на Аму-Дарьѣ нѣтъ. Нѣтъ густо населеннаго кишлака, нѣтъ, значитъ, и неизбѣжной принадлежности квартала—приходской мечети и маленькаго базарчика съ чайными лавками, гдѣ собирается народъ: въ мечеть — для молитвы пять разъ въ день, а на базарчикъ—вечеромъ, отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ, посидѣть въ компаніи за чашкой чая, перекинуться словечкомъ о современныхъ новостяхъ.

Ничего этого нѣтъ у хивинца: одиноко живетъ онъ въ своей курганчѣ съ своей семьей и даже скотъ свой на ночь загоняетъ въ ту же высокую ограду. Базары рѣдки, поѣздка за покупками совершается лишь одинъ разъ въ недѣлю и на довольно значительное разстояніе, до

крупнаго населеннаго пункта, такъ называемаго хивинцами города, который, въ сущности, представляетъ только базарное селенiе. Некогда прiѣзжему долго засиживаться на базарѣ: сдѣлавъ необходимыя закупки, каждый спѣшитъ засвѣтло добраться до дому и на разговоры времени остается совсѣмъ мало. Гдѣ ужъ тутъ изучать хорошiя манеры и постигать тонкости мусульманскаго привѣтствiя.

Упомянувъ объ отступленiяхъ, вернемся къ правиламъ.

При встрѣчѣ двухъ мусульманъ, какъ мы видѣли выше, обязанныхъ привѣтствовать другъ друга независимо отъ знакомства и взаимныхъ отношенiй между собою, можетъ случиться, что оба встрѣтившiеся произнесутъ привѣтственную фразу „миръ вамъ". Если одинъ скажетъ эти слова раньше, а другой немного позже, то начало привѣтствiя послѣдняго замѣняетъ установленный правилами отвѣтъ („джуабъ"). Если же обѣ начальныя фразы произнесены будутъ совершенно одновременно, то каждый изъ встрѣтившихся долженъ вслѣдъ за тѣмъ произнести и отвѣтъ на обращенное къ нему привѣтствiе, не оставляя привѣта безъ отвѣта.

Такiе случаи, конечно, рѣдки, но ужъ такой обычай у мусульманскихъ толкователей закона— все предвидѣть и на каждый случай дать указанiе. Обыкновенно, при встрѣчѣ двухъ мусульманъ младшiй, или занимающiй низшее положенiе въ обществѣ, спѣшитъ высказать привѣтствiе, и старшему приходится только отвѣтить, да и то обя-

занность эта не всегда точно исполняется: старшій молчаливо выслушиваетъ привѣтствіе младшаго, принимая его, какъ должное, и не затрудняя себя отвѣтомъ, — правило нарушается изъ-за важности.

Входя въ собраніе нѣсколькихъ лицъ, мусульманинъ долженъ произнести обычное привѣтствіе, но отнюдь не обращая слова свои къ кому-нибудь одному, а ко всѣмъ присутствующимъ въ собраніи вообще.

Произнося привѣтствіе, не слѣдуетъ кланяться, выражать привѣтствіе движеніями рукъ, плечъ, головы, —это грѣшно. Обычно, это правило немного нарушается: во время привѣтствія руки мусульманина инстинктивно складываются пониже пояса и, высказывая арабское привѣтствіе, онъ въ то же время дѣлаетъ „куллукъ“, своего рода поклонъ, выражающійся складываніемъ рукъ. Въ большинствѣ случаевъ, этотъ жестъ поклона и замѣняетъ привѣтствіе со стороны младшихъ, которые привѣтствія и не произносятъ.

Произносить привѣтствіе надо настолько громко, чтобы привѣтствуемый могъ ясно разслышать; также громко произносится и отвѣтъ на привѣтствіе.

Обращенное къ глухому привѣтствіе сопровождается знакомъ руки и, если этотъ знакъ не будетъ замѣченъ, а привѣтствіе не будетъ услышано глухимъ, то и отвѣтъ съ его стороны не обязателенъ.

Нѣмого привѣтствуютъ по общимъ правиламъ, отвѣтъ-же съ его стороны выражается жестомъ.

На привѣтственный жестъ нѣмого отвѣчаютъ и словами, и жестомъ.

Далѣе, правила приличія говорятъ о томъ, кто первый долженъ привѣтствовать, и тутъ уставная мораль рѣзко расходится съ дѣйствительностью: практика говоритъ свое.

По правиламъ приличія, лицо высокопоставленное первымъ привѣтствуетъ встрѣчныхъ низшихъ по положенію въ обществѣ лицъ, конный первымъ привѣтствуетъ пѣшаго, идущій—сидящаго, хозяинъ—слугу, хозяйка—служанку и небольшая группа первая привѣтствуетъ большую группу встрѣченныхъ *).

Это прекрасное правило, охраняющее чувство собственнаго достоинства младшаго, устраняющее подобострастіе и дающее возможность старшему красиво, милостиво снизойти до привѣтствія младшаго, на практикѣ исполняется весьма рѣдко. И на востокѣ, гдѣ правила учтивости въ такомъ почетѣ, все же младшій спѣшитъ привѣтствовать старшаго и только не гнетъ предъ нимъ спину, потому-что для привѣтствія установлена иная форма—складываніе рукъ на животѣ, а не поклонъ въ нашемъ смыслѣ.

Въ отношеніи привѣтствій между мужчинами и женщинами правила приличія совершенно особенныя и, можно сказать, при современныхъ условіяхъ жизни, даже трудно исполнимыя.

Главная мысль та, чтобы строгое мусульман-

*) Въ заключеніе выходитъ какъ будто немного непослѣдовательно: казалось-бы, болѣе многочисленная группа должна была первой высказать привѣтствіе меньшей группѣ.

ское привѣтствіе, какъ мы видѣли выше, составляющее религіозную обязанность, не обратилось-бы со стороны мужчины въ заигрываніе съ посторонней женщиной, а со стороны женщины не перешло въ кокетство.

Не слѣдуетъ постороннему мужчинѣ привѣтствовать красивую женщину, не надо даже отвѣчать на привѣтствіе, если красавица сама вздумаетъ привѣтствовать посторонняго мужчину. Можно привѣтствовать только некрасивую женщину, говорятъ правила.

Вотъ тутъ и потрудитесь дѣйствовать по правиламъ. Прежде всего женщины, по обычаю, покрываютъ здѣсь свое лицо непроницаемымъ для взора чернымъ покрываломъ изъ волосяной ткани. Для того, чтобы хоть отчасти разсмотрѣть лицо такъ закрытой женщины, надо, чтобы она повернулась къ солнцу лицомъ, и тогда черты лица, хотя и не точно, можно опредѣлить. Но и затѣмъ остается совершенно неопредѣленнымъ понятіе о красотѣ. Нѣтъ правилъ на этотъ счетъ и вкусы бываютъ разные: одному женщина можетъ показаться красавицей, а другой пройдетъ мимо и не замѣтитъ. Главное-же, какой смертельной обидой должно поразить женщину привѣтствіе мужчины, когда ей извѣстно, что привѣтствуютъ только некрасивыхъ женщинъ. Это вышло-бы не привѣтствіе, а личное оскорбленіе. Хорошо понимая это, наши средне-азіатскіе туземцы совершенно воздерживаются отъ привѣтствія женщинъ, какъ бы предполагая, что подъ волосянымъ покровомъ могутъ скрывать

свое лицо только красавицы. Это и осторожно, и любезно.

Мусульманскіе схоластики привыкли толковать всякій законъ такъ, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній при его исполненіи; поэтому нельзя было обойти молчаніемъ и тѣхъ случаевъ, когда не подобаетъ вовсе привѣтствовать человѣка въ виду особенностей его положенія или состоянія въ моментъ привѣтствія.

Такихъ случаевъ насчитывается одиннадцать и я привожу ихъ по порядку для того, чтобы показать, какъ мало разсчитываютъ на здравый смыслъ человѣка мусульманскіе толковники, стремящіеся все предвидѣть и все опредѣлить.

Не слѣдуетъ привѣтствовать человѣка, находящагося въ уборной за исполненіемъ естественной надобности, мужа, исполняющаго супружескія обязанности съ своей женой, спящаго, въ банѣ— не омывшагося еще послѣ состоянія нечистоты, вкушающаго пищу, если пища у него во рту; если-же ротъ кушающаго не занятъ пищей, то привѣтствовать его слѣдуетъ, и для него отвѣтъ на привѣтствіе обязателенъ. Не слѣдуетъ привѣтствовать „хатиба“ мечети во время произнесенія молитвъ, муэдзина во время возглашенія съ минарета призыва къ молитвѣ (азанъ) и молящагося, совершающаго одну изъ обычныхъ пятикратныхъ молитвъ (намазъ), человѣка, занятаго чтеніемъ Корана и просто молящагося. Также не полагается привѣтствовать человѣка, совершающаго паломничество въ Мекку, когда онъ произноситъ священные возгласы, установлен-

ные для различныхъ моментовъ паломничества. Въ общемъ, можно сказать, что воспрещается привѣтствовать человѣка чѣмъ-либо занятаго, когда, привѣтствуя не во время, можешь ему помѣшать, развлечь, обезпокоить.

У насъ нѣтъ такихъ мелочныхъ точныхъ правилъ, но каждый и самъ догадается, когда слѣдуетъ воздержаться отъ неумѣстнаго привѣтствія, мусульманамъ-же все подробно указывается въ каждомъ случаѣ.

При регламентаціи всѣхъ подробностей въ правилахъ о привѣтствіи за основаніе принята обязательность привѣтствія между единовѣрцами мусульманами, но есть лица, которыя совершенно лишены права на привѣтствіе со стороны мусульманина; это—неисполняющіе предписаній шаріата (мусульманскаго религіозно-нравственнаго и юридическаго кодекса), развратные, безсовѣстные, жестокіе и невѣрные, такихъ лицъ вовсе не слѣдуетъ привѣтствовать, а если они сами привѣтствуютъ мусульманина, то послѣдній не долженъ имъ отвѣчать.

Въ этомъ перечисленіи можно замѣтить раздѣленіе людей, лишенныхъ привѣтствія, на двѣ группы: первая категорія лишается права на привѣтствіе со стороны мусульманина, какъ испорченные, порочные люди, въ другую-же группу отнесены невѣрные, по соображеніямъ чисто религіознаго свойства, независимо отъ личныхъ качествъ этого рода людей.

Коранъ всѣхъ иновѣрцевъ —не мусульманъ дѣлитъ на невѣрныхъ, язычниковъ, многобож-

никовъ (кяфиръ) и имѣющихъ писаніе (китаби); къ числу послѣднихъ относятся евреи и христіане, какъ послѣдователи религій, у которыхъ есть писаніе.

Какъ выше сказано, невѣрныхъ мусульманинъ вовсе не привѣтствуетъ, для привѣтствія-же евреевъ и христіанъ имѣется особая формула, отличающаяся отъ общепринятой для привѣтствія мусульманъ между собой формулы „миръ вамъ". Привѣтствіе мусульманина иновѣрцу, имѣющему писаніе необязательно, если-же мусульманинъ пожелаетъ привѣтствовать „китаби", то долженъ сказать ему: „Милость Божія направляющему на истинный путь".

Очевидно, эти уступки правовѣрнаго—простая любезность, не больше, такъ какъ, въ сущности, доброе пожеланіе „милости Божіей" относится не къ иновѣрцу, а къ Магомету, котораго одного мусульмане считаютъ направляющимъ на истинный путь; иновѣрца такая фраза вовсе не привѣтствуетъ.

Формула привѣтствія для иновѣрцевъ, повидиму, составляетъ тонкость въ правилахъ приличій. Простой народъ ея вовсе не знаетъ и никогда не примѣняетъ, книжники-же вспоминаютъ объ этомъ только тогда, когда кто-нибудь изъ европейцевъ напомнитъ, ссылаясь на книгу о приличіяхъ. На практикѣ или вовсе не привѣтствуютъ имѣющихъ писаніе, относя ихъ къ невѣрнымъ, или-же привѣтствуютъ, какъ мусульманъ: словами „миръ вамъ", особенно, когда увѣрены, что получатъ установленный отвѣтъ (джуабъ).

Еще возможенъ случай, въ мусульманскомъ государствѣ (напр., въ Турціи), когда иновѣрецъ-подданный, руководствуясь общепринятымъ обычаемъ, обратится съ привѣтствіемъ къ мусульманину. Въ такомъ случаѣ, мусульманину предписывается отвѣчать не „и вамъ миръ“, а только „и вамъ“. Здѣсь сказывается осторожность, подсказываваемая преданіемъ о случаѣ съ провозвѣстникомъ Ислама.

Существуетъ преданіе, что въ первые времена распространенія новой вѣры Магометъ однажды проходилъ мимо группы новообращенныхъ евреевъ. и люди эти, въ душѣ придерживавшіеся своей старой іудейской религіи, задумали обмануть пророка и, привѣтствуя его на арабскомъ языкѣ, на видъ какъ будто правильно, измѣнили формулу привѣтствія такъ, что вмѣсто „мира“ пожелали Магомету смерти. Воспользовались при этомъ сходными по произношенію словами, которыя трудно было различить на слухъ, но то, что трудно понять простому человѣку, было ясно для пророка. Онъ читалъ въ душахъ людей ихъ намѣренія и на злобное привѣтствіе евреевъ коротко отвѣтилъ „и вамъ“, т. е. да будетъ съ вами то, что вы мнѣ желаете. Вотъ на чемъ основано вышеприведенное правило для отвѣта мусульманина на привѣтствіе подданнаго иновѣрца.

Когда человѣкъ уходитъ, онъ долженъ привѣтствовать остающихся, въ видѣ прощанія, а для остающихся обязателенъ отвѣтъ на прощальное привѣтствіе уходящаго.

Кромѣ словеснаго выраженія привѣтствія, при

встрѣчѣ мусульмане должны еще обмѣниваться и рукопожатіемъ. Дѣлается это не совсѣмъ такъ, какъ у европейцевъ; есть свой особенный пріемъ: руки подаются обѣ, а не одна правая, какъ у насъ.

Обыкновенно, первымъ протягиваетъ руки младшій, который приближается къ старшему уже протянувъ руки, ладонями одна къ другой, въ середину. Приближаясь, подходящій нѣсколько ускоряетъ шагъ, подходитъ мелкими шажками, какъ бы желая выразить свою поспѣшность, нетерпѣливое желаніе пожать руки старшаго. Старшій обыкновенно ждетъ рукопожатія на мѣстѣ. Руки пожимать слѣдуетъ ладонями, а не концами пальцевъ, это считается невѣжливымъ и первый подавшій руки не отнимаетъ ихъ раньше, чѣмъ это сдѣлаетъ протянувшій руки позже; это строго соблюдается всѣми. При рукопожатіи лицу своему слѣдуетъ придать выраженіе привѣтствія.

По правиламъ, рукопожатіе должно сопровождаться еще произнесеніемъ краткой молитвы: „Господи, будь милостивъ къ Твоему посланнику Мухаммеду и его послѣдователямъ“, но это не всѣмъ извѣстно и исполняется развѣ только самыми набожными мусульманами; простой-же народъ пожимаетъ при встрѣчѣ руки молча.

Невѣрнымъ, жестокимъ, развращеннымъ, безсовѣстнымъ, а также красивымъ женщинамъ рукопожатія при встрѣчѣ дѣлать не слѣдуетъ; также не слѣдуетъ пристально останавливать свой взоръ на лицахъ безбородыхъ, женоподобныхъ юношей—это грѣшно; давать-же рукопожатіе такимъ

юношамъ еще болѣе непозволительно, ибо это похоже на рукопожатіе съ женщиной.

Запрещеніе долго смотрѣть на безбородыхъ юношей вызвано, очевидно, желаніемъ предостеречь мусульманъ отъ ухаживанія за красивыми мальчиками, которыхъ на востокѣ называютъ „бача", или „джуанъ".

Затворничество женщинъ, постоянное времяпрепровожденіе исключительно въ мужскомъ обществѣ и естественное влеченіе къ красотѣ и изяществу создали на востокѣ совершенно своеобразное бытовое явленіе, извѣстное подъ названіемъ бачабазства, т. е. восхищенія и ухаживанія за красивыми мальчиками.

Есть, особенно между сартами и таджиками, много любителей этой фальсифицированной любви, а такъ какъ спросъ вызываетъ и предложеніе, то среди осѣдлаго туземнаго населенія довольно часто можно наблюдать хорошенькихъ мальчиковъ 10—15 лѣтняго возраста, въ полномъ смыслѣ проституирующихъ своей красотой и женственностью.

Родители хорошенькаго мальчика подвергаются большому соблазну. Каждый изъ нихъ отлично знаетъ, какъ гнусна роль мальчика въ рукахъ адептовъ этого культа, извѣстнаго подъ именемъ содоміи, знаютъ также, что красота непрочна и не долговременна и что вслѣдствіе этого только нѣсколько лѣтъ мальчикъ ихъ можетъ нравиться мужчинамъ; послѣ періода поклоненія устарѣвшему бачѣ, пріученному поклонниками къ роскоши и бездѣлью, грозитъ нужда и позоръ.

на всю жизнь, и это знаютъ родители, тѣмъ не менѣе очень трудно устоять передъ искушеніемъ получить за хорошенькаго сына довольно крупную сумму, какъ цѣну его невинности. Вотъ и организуется погоня за красивыми мальчиками и они становятся жертвами людской чувственности, какъ на западѣ погибаютъ дѣвушки.

Красиваго мальчика, если его удалось купить у бѣдныхъ родителей для удовлетворенія низменныхъ инстинктовъ любителей бачей, начинаютъ особеннымъ образомъ воспитывать, стараясь развить въ немъ женственность и кокетство, какъ можно больше приближая его наружность къ наружности и манерамъ дѣвушки, которую ему суждено замѣнить.

Мальчика хорошо содержатъ, одѣваютъ въ лучшія цвѣтныя одежды, а на головѣ оставляютъ небритыми пряди волосъ, отращивая такимъ образомъ косичку. Бачу учатъ танцовать подъ музыку, дѣлать страстныя тѣлодвиженія и играть глазами, учатъ также декламировать стихи персидскихъ поэтовъ, воспѣвающихъ любовь и наслажденія. Подъ вліяніемъ такого уродливаго спеціальнаго воспитанія мальчикъ скоро пріобрѣтаетъ всѣ манеры продажной женщины и самъ начинаетъ находить вкусъ въ жизни праздной, сытой и веселой. Воспитатели бачи и его поклонники окружаютъ своего питомца ласками и баловствомъ, рано пробуждая въ немъ скверную чувственность и развращая его до мозга костей.

Удачно выращенный, очень красивый бача—это уже рѣдкость и, если онъ къ тому-же обладаетъ

хорошимъ голосомъ для пѣнія, играетъ на струнномъ инструментѣ (дутаръ, ситаръ), граціозно танцуетъ и хорошо декламируетъ стихи, то такому бачѣ и цѣны нѣтъ; онъ становится своего рода знаменитостью, какъ какая-нибудь извѣстная балерина. Плата за выходъ такого бачи растетъ до крупныхъ суммъ, эксплоататоры наживаются, а поклонники, при умѣломъ стараніи бачи, нерѣдко до тла раззоряются, тратя все, что имѣютъ, чтобы заслужить улыбку и добиться любви своего кумира.

Неудивительно поэтому, что расчетливые бачи иногда успѣваютъ за время своей славы накопить извѣстную сумму, чтобы было чѣмъ обезпечить старость, когда красота уступитъ времени и легкій промыселъ придется оставить. Конечно, такіе случаи наблюдаются сравнительно рѣдко: какъ Крыловская стрекоза, бача поетъ, и танцуетъ всю свою молодость, а затѣмъ становится никому ненужнымъ бездѣльникомъ, привыкшимъ къ праздности, роскоши, мотовству и ему остается только заняться воровствомъ, чтобы затѣмъ окончить жизнь въ тюрьмѣ.

Иногда вышедшіе изъ моды бачи принимаются, впрочемъ, и за ремесло „машиначи“, — портного, шьющаго сартовскія халаты на швейной машинѣ. Эта работа не требуетъ особыхъ физическихъ усилій, а туземныя одежды такъ однообразны въ покроѣ, что не трудно научиться этому ремеслу. Машину легко купить почти безъ денегъ: очень много работающая въ Туркестанѣ фирма Зингеръ и К° всякому охотно даетъ машину въ

разсрочку, съ уплатой ежемѣсячными небольшими взносами. Такъ кормится благоразумный бача, если въ свое время не сумѣлъ запасти денегъ про черный день.

Какъ сказано выше, родители красиваго мальчика за плату уступаютъ свои права на сына тому, кто собирается эксплоатировать ихъ сына въ качествѣ бачи. Этотъ новый хозяинъ мальчика, конечно, стремится къ наживѣ и сдаетъ свою жертву на содержаніе любителямъ, а иногда переѣзжаетъ съ нимъ изъ города въ городъ, какъ заправскій „импрессаріо“.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Ташкентѣ производилъ фуроръ кокандскій бача Макайликъ, который не только обладалъ всѣми нужными для бачи достоинствами, но еще и стихи для своихъ пѣсенъ сочинялъ самъ. Много денегъ было потрачено тогда на угощеніе и подарки знаменитости: самые серьезные богачи потеряли голову и тратили бѣшеныя деньги, такъ какъ вечеръ съ танцами и пѣснями Макайлика сталъ предметомъ тщеславія для каждаго тароватаго туземца. Многіе и не подверженные въ обычное время страсти къ хорошенькимъ мальчикамъ, приглашали къ себѣ въ домъ бачу Макайлика, какъ знаменитость, какъ „гвоздь“ вечера.

Въ глуши, въ кишлакахъ, скучно бываетъ особенно зимой, когда покончены полевыя работы и люди не знаютъ, какъ убить время. Здѣсь бача является спасеніемъ отъ скуки и въ селеніи образуется „джура“,—компанія по преимуществу молодыхъ людей, лишенныхъ женскаго общества.

Въ складчину компанія пріобрѣтаетъ бачу, сообща же заготовляется и угощеніе, а затѣмъ ежедневно или только по праздникамъ, всѣ члены „джуры“ собираются въ наиболѣе просторномъ помѣщеніи и проводятъ цѣлыя ночи, любуясь на бачу и ревнуя его другъ къ другу. Бача поетъ и танцуетъ, жестоко кокетничая съ наиболѣе зажиточными сельчанами и возбуждая ревность въ своихъ поклонникахъ. Долго, за полночь, слышны рукоплесканія въ тактъ танца, пѣсни и одобрительные возгласы „бачабазовъ“, а къ утру вся компанія засыпаетъ тутъ же, вблизи отъ своего обожаемаго, манящаго красавца.

Бача - уродливое явленіе, присущее только осѣдлому быту. У таджиковъ „бачабазство“ развито сильнѣе, чѣмъ у сартовъ и узбековъ, видимо тутъ сказалось персидское вліяніе. Зато у киргизъ-кочевниковъ бачей нѣтъ и въ поминѣ. Киргизъ съ презрѣніемъ говоритъ о скверной страсти осѣдлыхъ туземцевъ.

Женщина у кочевника не закрываетъ своего лица и любовь юношей проявляется совершенно нормально; киргизскіе юноши любятъ дѣвушекъ и любятъ ихъ, нерѣдко идеализируя свое чувство, восходящее до степени побратимства, или посестрія, когда сверстниковъ связываетъ только самая прочная дружба юноши къ дѣвушкѣ и нѣтъ мѣста чувственности или разврату.

Объясняется это, конечно, прежде всего, привольной жизнью въ степи и свободнымъ общеніемъ обоихъ половъ съ дѣтства до глубокой старости.

Нравственность у киргизъ стоитъ высоко и,

какъ нельзя лучше, доказываетъ пользу совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ, при здоровыхъ условіяхъ жизни; здѣсь, въ кочевомъ быту, гораздо рѣже разводъ и женщина пользуется уваженіемъ.

Понятно, послѣ всего вышесказаннаго, почему считается неприличнымъ пристально глядѣть на красиваго юношу, а тѣмъ болѣе пожимать его руки.

Рукопожатіе есть, однако, не самая высшая степень привѣтственнаго жеста у мусульманъ: допускаются еще при привѣтствіи объятія и поцѣлуи. Встрѣчая знакомаго, возвратившагося изъ путешествія, полагается обнять его, а у пользующагося особымъ уваженіемъ человѣка—поцѣловать руку.

Позволительно поцѣловать въ лицо возвратившагося изъ путешествія маленькаго мальчика, но красивымъ мальчикамъ ни объятій, ни поцѣлуевъ не полагается; это—грѣхъ.

Знаменитымъ въ народѣ ишанамъ и шейхамъ (духовнымъ наставникамъ изъ мистиковъ), при встрѣчѣ цѣлуютъ не только руку, но и ногу.

Таковы до мелочей разработанныя схоластическими мудрецами правила приличій, касающіяся привѣтствія.

———

ГЛАВА II.

Приличія, соблюдаемыя человѣкомъ, который ложится спать, одѣвается, идетъ по дорогѣ и садится верхомъ на лошадь.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ слѣдуетъ, по правиламъ, ложиться спать и вставать, какъ одѣваться, идти по дорогѣ и садиться на лошадь верхомъ. Для всѣхъ упомянутыхъ положеній также имѣются подробныя указанія.

При отходѣ ко сну и вставая утромъ, мусульманинъ долженъ прочесть особыя молитвы. Утренняя молитва отъ вечерней отличается только обозначеніемъ части сутокъ, къ которой относятся молитвенныя слова. Обѣ молитвы одинаково содержатъ въ себѣ благодареніе Богу за благополучно прожитый день или ночь; затѣмъ слѣдуетъ восхваленіе Бога, а заканчивается молитва прошеніями о милости къ молящимся въ этой и будущей жизни.

Есть еще особая охранительная молитва, которую читаютъ троекратно утромъ и вечеромъ. Спасаетъ она отъ всякаго вреда: ни змѣй, ни скорпіонъ не могутъ укусить читающаго такую молитву аккуратно, злые духи (дивы и пяри) не имѣютъ надъ нимъ силы, даже явно вредоносный ядъ на него не дѣйствуетъ.

Когда придетъ время ложиться спать, полагается прежде всего запереть двери комнаты, а затѣмъ также закрыть всѣ отверстія находящейся въ комнатѣ посуды. Вѣроятно, послѣдняя предосторожность рекомендуется противъ невидимыхъ злыхъ духовъ, могущихъ вредить человѣку во время сна.

Самая постель обтирается рукавомъ, или полотенцемъ, и троекратно выбивается пыль. Затѣмъ слѣдуетъ погасить огонь въ очагѣ, если таковой есть въ комнатѣ, и потушить свѣтильники.

Постель не должна быть особенно мягкой. Это правило прочно вошло въ обычай у нашихъ средне-азіатскихъ туземцевъ. Никакихъ пуховиковъ и перинъ не полагается даже у самыхъ богатыхъ людей. Спятъ обыкновенно на полу, подославъ подъ себя стеганое ватное одѣяло. Подушки часто употребляются въ видѣ валиковъ, то, что на Кавказѣ называется „мутакъ“.

Рѣже пользуются деревянной кроватью, переплетенной сѣткой изъ тонкихъ волосяныхъ веревокъ. Такая кровать очень удобна и въ большомъ употребленіи у русскихъ людей средняго достатка, охотно обзаводящихся этой недорогой кроватью.

Когда человѣкъ совершилъ все положенное передъ отходомъ ко сну, ему остается лечь въ постель, но и тутъ онъ долженъ соблюсти нѣкоторыя формальности, а именно: лечь непремѣнно на правый бокъ, обративъ лицо свое въ сторону священной Каабы и подпереть свою правую щеку ладонью правой руки, согнутой въ локтѣ.

Оставшись въ такомъ положенiи нѣкоторое время, отходящiй ко сну долженъ прочесть еще указанныя для этого случая главы Корана и молитвы, а тогда уже можетъ спать.

Вставъ утромъ, прежде всего необходимо прочесть установленныя молитвы.

На случай безсонницы имѣется молитва, которую позволимъ себѣ привести дословно: „О, Боже! звѣзды появились на небосклонѣ; сонъ смежилъ очи людей. Ты живый, Тебя не клонитъ ко сну, не беретъ дрема. Ты, живый, укажи ночи истинный путь, сомкни и мои очи, усыпи меня“.

Къ сновидѣнiямъ наши туземцы относятся съ суевѣрнымъ страхомъ и въ сны вѣрятъ не только простые, необразованные люди, какъ у насъ, но рѣшительно всѣ.

Общее правило говоритъ, что, увидѣвъ хорошiй сонъ, слѣдуетъ разсказать объ этомъ другимъ. Наоборотъ, о видѣнномъ дурномъ, непрiятномъ снѣ разсказывать не слѣдуетъ, а надо прочесть особую молитву и просить Бога, чтобы сонъ этотъ не исполнился. Эротическiе сны приписываются навожденiю дiавола (шайтанъ).

Вѣра въ сны настолько сильна, что видѣвшiй во снѣ другого съ хорошими предзнаменованiями, спѣшитъ подѣлиться съ этимъ лицомъ своимъ сномъ и получаетъ небольшой подарокъ (суюнчи), какъ за добрую вѣсть.

Сонъ, видѣнный до полуночи, исполняется вскорѣ, исполненiя же сна, видѣннаго подъ утро, приходится ждать долго.

Существуютъ печатные сонники, встрѣчаются и мастера толковать сны. Въ восточной литературѣ приводится много примѣровъ вѣщихъ сновъ изъ древней исторіи и изъ жизни сподвижниковъ Мухаммеда.

Восхожденіе во снѣ на высокую гору, многочисленная свита, парадныя, блестящія одежды и бѣлая лошадь подъ всадникомъ предвѣщаютъ богатство, успѣхъ, повышеніе по службѣ и т. д.

Все это мнѣ пришлось узнать отъ моихъ знакомыхъ мусульманъ; каждый изъ нихъ, увидѣвъ меня во снѣ въ счастливой обстановкѣ, спѣшилъ подѣлиться этимъ со мной, а если видѣнный сонъ на мнѣ исполнялся, то сообщившій долго потомъ напоминалъ мнѣ о видѣнномъ снѣ, какъ будто приписывая себѣ мое благополучіе.

Насчетъ одежды и бѣлья существуютъ подробныя правила, основанныя преимущественно на религіозномъ преданіи о томъ, какъ одѣвался при жизни провозвѣстникъ Ислама и первые его послѣдователи и сподвижники.

Рекомендуется прежде всего не выбирать особенно какую-нибудь изъ имѣющихся одеждъ, а надѣвать, что случится. Одежду надо шить предпочтительно изъ грубыхъ и прочныхъ тканей. Шелковыя одежды считаются совершенно недопустимыми, но наши мусульмане, какъ и всѣ не лишенные франтовства, отлично обходятъ это запрещеніе религіи, одѣваясь въ очень красивыя и блестящія полушелковыя ткани.

Самый покрой одежды и бѣлья предусмотрѣнъ правилами, тоже съ ссылкой на преданіе. Рукава

верхней одежды должны быть широкіе и не длиннѣе запястья руки, или концовъ пальцевъ. Бѣлье шьется не длиннѣе, чѣмъ до половины берцовой кости, только панталоны можно имѣть длиною до щиколотки.

Основныя правила требуютъ, чтобы всѣ мусульмане носили одежду исключительно бѣлаго цвѣта, носить же красныя или желтыя одежды для мужчинъ считается грѣхомъ. Въ дѣйствительности правило это не соблюдается, несмотря на то, что въ Туркестанскомъ климатѣ бѣлыя одежды были бы самыми подходящими. Здѣсь носятъ всевозможныя матеріи русскаго производства и свои туземныя, разныхъ цвѣтовъ. Очевидно, носить только бѣлыя одежды было бы трудно, потому что ихъ часто нужно было бы мыть. Предпочитаютъ немаркіе цвѣта для верхней одежды, бѣлье же шьютъ изъ бѣлыхъ бумажныхъ тканей и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно киргизами, можно встрѣтить и бѣлье чернаго цвѣта.

Темносиній, такъ называемый кубовый цвѣтъ, считается траурнымъ и его носятъ только когда въ семьѣ кто-нибудь умеръ.

Сама религія обязываетъ мусульманъ ревниво оберегать чистоту одежды. Въ одномъ изъ преданій говорится, что „чистота неразрывно связана съ вѣрою“, тѣмъ не менѣе, нельзя особенно похвалить нашихъ туземцевъ за чистоплотность въ отношеніи одежды и бѣлья. Верхнее платье не чистится, пока не износится; бѣлье плохо простирывается и рѣдко мѣняется; вслѣдствіе этого

отчасти наши туземцы обладаютъ специфическимъ запахомъ, который такъ непріятенъ для европейцевъ.

Въ свое оправданіе туземцы говорятъ, что это расовый запахъ и что они такъ же, какъ мы чувствуемъ ихъ запахъ, чувствуютъ „русскій духъ"; это вѣрно только отчасти, и если хорошо вымыть туземца въ банѣ и переодѣть въ новое бѣлье, то запахъ почти исчезаетъ.

Это мнѣ самому пришлось провѣрить на опытѣ когда въ 1895 году я представлялъ Государю Императору депутацію отъ туземнаго населенія Туркестанскаго Края, пріѣзжавшую поздравить Ихъ Величества съ торжественнымъ бракосочетаніемъ. Зная, какъ непріятенъ запахъ сартовъ для европейцевъ, я уговорилъ депутатовъ тщательно вымыться въ банѣ и одѣть на себя новое, не бывшее въ употребленіи платье и бѣлье.

Люди богатые должны носить хорошую одежду для того, чтобы обнаружить свой достатокъ, но это позволительно только тогда, когда человѣкъ, надѣвая дорогія одежды, въ состояніи побороть въ себѣ гордость и тщеславіе.

Одѣвая впервые новое платье, мусульманинъ обязывается прочесть особую молитву, въ которой проситъ Бога освятить новую одежду своимъ благословеніемъ и сдѣлать ее счастливой для носящаго, спасти его отъ прегрѣшеній.

Для выхода изъ дома и пребыванія на улицѣ есть свои правила. Выходя изъ дома, мусульманинъ долженъ прочесть молитву, въ которой

онъ поручаетъ себя Богу, и еще стихъ Корана за благополучіе оставшихся дома близкихъ своихъ.

Если при выходѣ изъ дома взоръ человѣка случайно обратится къ небу, ему слѣдуетъ произнести указанную для такого случая молитву. При видѣ молодого мѣсяца, онъ молится о ниспосланіи ему благополучія въ теченіе народившагося мѣсяца. Увидѣвъ случайно пролетѣвшій метеоръ, мусульманинъ не долженъ пристально глядѣть на него, а, опустивъ глаза, долженъ прочесть особую на этотъ случай указанную молитву.

Двигаясь по улицѣ, не слѣдуетъ торопиться, не надо крѣпко стучать ногами по землѣ. Шаги должны быть средней величины, а походка должна быть плавной.

Выходя на улицу, слѣдуетъ обуть обѣ ноги, или же идти совсѣмъ босому. Неприличнымъ считается, безъ особо уважительныхъ причинъ, выходить на улицу съ обувью только на одной ногѣ.

Идти по улицѣ слѣдуетъ одному, не вводя въ обычай сопровождать себя слугою, идущимъ сзади хозяина. Если на улицѣ грязно и придется встрѣтиться въ узкомъ мѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, не слѣдуетъ замѣтно уклоняться въ сторону отъ встрѣченнаго съ цѣлью предохранить себя отъ возможности запачкать свое платье объ его замаранную грязью одежду.

Идти по улицѣ надо осторожно, смотрѣть себѣ подъ ноги и не глазѣть по сторонамъ.

Особенно необходима осторожность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много народа; тутъ ужъ надо быть очень внимательнымъ, чтобы не толкнуть кого-нибудь, не ударить, или не наступить кому на ногу.

Встрѣтившись съ двумя людьми, занятыми разговоромъ и идущими рядомъ, не слѣдуетъ проходить между ними, а обойти сбоку; особенно неприлично проходить посрединѣ между двумя женщинами,—это грѣхъ.

При встрѣчѣ на улицѣ съ людьми учеными и духовными наставниками надо стараться выказать имъ уваженіе, идя вслѣдъ, не перегонять такихъ лицъ и стараться не вступать на слѣды ихъ ногъ, это неприлично.

Когда по улицѣ вмѣстѣ идутъ нѣсколько людей, каждому изъ нихъ слѣдуетъ оказать уваженіе своимъ спутникамъ и проявить скромность. Если при этомъ кто-либо случайно окажется впереди другихъ, онъ долженъ считать себя слугой прочихъ, идущимъ впереди для указанія пути остальнымъ. Очутившись, также случайно, позади идущихъ, человѣкъ долженъ думать, что онъ идетъ позади для того, чтобы уступить дорогу другимъ, выказывая имъ почтеніе. Однимъ словомъ, нужно подражать въ этомъ случаѣ рыбамъ, плавающимъ въ водѣ, которыя плывутъ обыкновенно стайкой и ни одна не выбираетъ себѣ сознательно мѣста среди другихъ рыбъ.

Если проходящій замѣтитъ на дорогѣ острый шипъ растенія, или камень, могущій причинить боль ногамъ идущихъ по дорогѣ, онъ долженъ,

если это окажется возможнымъ, убрать съ дороги такой предметъ.

Если понадобится высморкаться, или плюнуть на дорогу, необходимо засыпать мокроту землей и тогда только продолжать свой путь.

Формалистика приличія настолько опутываетъ мусульманина, желающаго жить „по правиламъ", что и плюнуть онъ свободно не можетъ. Только-что приведенное правило о засыпаніи мокроты безусловно разумно въ санитарномъ отношеніи; этого пріема не мѣшало бы придерживаться и другимъ людямъ, во избѣжаніе распространенія туберкулеза и другихъ болѣзней, но дальше идутъ уже стѣснительныя указанія о томъ, въ которую сторону отъ себя разрѣшается плевать человѣку. Передъ собой плевать неприлично. Направо плевать нельзя, а надо плевать влѣво, гдѣ, вѣроятно предполагаются злые духи.

Однако, и это правило не общее: прежде, чѣмъ плюнуть, нужно еще сообразить, гдѣ находится Кааба, пунктъ, къ которому мусульманинъ обращаетъ лицо свое во время молитвы, и остерегаться, какъ бы не плюнуть по направленію мусульманскихъ святынь. Если Кааба приходится сзади, плевать слѣдуетъ влѣво, а если налѣво, то плюнуть нужно, обратившись лицомъ назадъ.

Нечего и говорить, что эти ужъ слишкомъ мелочныя правила не проникаютъ въ жизнь народа и нарушаются всѣми по незнанію.

При встрѣчѣ на дорогѣ съ увѣчнымъ-калѣкою ему рекомендуется оказать помощь. Если случится видѣть служанку или ребенка, несшаго по-

суду и по неосторожности разбившаго ее, слѣдуетъ дать огорченному своей неудачей такую-же посуду, какъ была разбитая, чтобы доставить огорченному утѣшеніе. Такова мораль, конечно, весьма рѣдко исполняемая, несмотря на то, что посуда мѣстнаго издѣлія отличается дешевизной и стоитъ обыкновенно всего нѣсколько копеекъ.

Подробно указываются молитвы, которыя слѣдуетъ читать, если на дорогѣ встрѣтится что-нибудь поганое или непріятное, на случай встрѣчи съ похоронной процессіей и для охраненія себя отъ зараженія проказой въ случаѣ встрѣчи съ прокаженнымъ. Прочитанная во время молитва спасаетъ человѣка отъ послѣдствій дурной встрѣчи. Существуетъ также молитва, которую человѣку надлежитъ читать все время, пока онъ находится на базарѣ, въ толпѣ людей.

На улицѣ нехорошо сидѣть безъ дѣла; если же это необходимо, то нужно строго соблюдать всѣ приличія, предписанныя человѣку, находящемуся на улицѣ, а именно: не смотрѣть на постороннихъ, своевременно отвѣчать на привѣтствія проходящихъ и оказывать помощь всякому, находящемуся въ затрудненіи или терпящему какую-нибудь несправедливость.

Не всегда, однако, приходится человѣку ходить пѣшкомъ. Теперь къ услугамъ туземцевъ въ нашихъ городахъ извозчики, конки, трамваи, а для дальнихъ путешествій во многихъ мѣстахъ служатъ желѣзныя дороги. Но было время, когда передвиженіе совершалось исключительно вер-

хомъ на лошади или верблюдѣ, и къ тому времени слѣдуетъ отнести созданіе народомъ правилъ для пользованія верховымъ животнымъ. Тутъ такъ же, какъ и въ прочихъ положеніяхъ, рекомендуется осторожность, степенность и молитвы, молитвы на каждомъ шагу.

Садясь на лошадь и вкладывая ногу въ стремя, человѣкъ читаетъ молитву, напоминающую ему, что Богъ подчинилъ ему лошадь и что безъ помощи Всевышняго, своей волей человѣкъ не въ состояніи былъ бы добиться повиновенія себѣ даннаго животнаго.

Если лошадь горячится, не стоитъ спокойно на мѣстѣ, слѣдуетъ, наклонившись къ ея уху, прочесть опредѣленный стихъ Корана и тогда можно быть увѣреннымъ, что горячность лошади не причинитъ вреда сѣдоку.

Всадникъ, даже высокопоставленный, обязанъ первымъ привѣтствовать пѣшеходовъ, какъ бы незначительны по своему положенію, молоды, или бѣдны ни были пѣшеходы.

Это прекрасное само по себѣ правило, видимо, имѣющее въ виду охранить всадника отъ гордости и тщеславія, въ дѣйствительности остается мертвою буквою и никогда не исполняется. Всегда идущій пѣшкомъ, встрѣтивъ высокопоставленнаго, или просто богатаго всадника, останавливается, поворачиваетъ лицо къ проѣзжающему и, сложивъ руки ниже пояса, первымъ привѣтствуетъ всадника. Людское подобострастіе не остановитъ обойти правила приличій.

Народная мудрость подмѣтила чувство всадника, взобравшагося на коня и гордящагося своимъ преимуществомъ передъ пѣшеходами. „Сѣвшій на лошадь и отца своего забываетъ“, гласитъ киргизская пословица.

Совершенно неприличнымъ считается быстрая ѣзда по дорогамъ и улицамъ. Слѣдуетъ ѣхать тихо и осторожно, чтобы не причинить кому либо вреда. Даже когда того требуетъ спѣшное дѣло, нельзя быстро ѣздить по дорогѣ, особенно, когда на улицѣ грязно.

Это правило хорошо усвоено нашими средне-азіатскими туземцами и между ними почти не встрѣчается людей, ѣздящихъ рысью. Выработанъ у мѣстной лошади особый аллюръ „хода“, скорѣе шага и медленнѣе рыси, и это обычный аллюръ, которымъ ѣздятъ туземцы. Чѣмъ важнѣе человѣкъ, тѣмъ медленнѣе онъ долженъ двигаться, этимъ достигается важность и дается возможность встрѣчнымъ успѣть поклониться проѣзжему.

„Торопливость есть свойство діавола“, говорится въ Коранѣ, и все населеніе мусульманскаго востока строго избѣгаетъ торопливости въ своихъ движеніяхъ, чтобы не уподобиться врагу человѣчества – шайтану.

Особенно въ модѣ медленность движеній въ ханствѣ Хивинскомъ; при дворѣ хана всѣ сановники ходятъ едва передвигая ноги и этимъ выказываютъ свое высокое положеніе,—такъ принято.

Теперь уже рѣдко приходится встрѣчать всадниковъ, сопровождаемыхъ пѣшими слугами, напоминающими скороходовъ, но еще сравнительно недавно, въ концѣ минувшаго столѣтія, богатые сарты ѣздили такъ, что самъ хозяинъ ѣдетъ верхомъ, а слуга бѣжитъ за нимъ, чтобы успѣть принять лошадь на остановкѣ или подсадить хозяина въ сѣдло при продолженіи пути.

На этотъ счетъ правила приличій даютъ самыя опредѣленныя указанія. Необходимо, если ужъ человѣкъ, ѣдучи верхомъ, взялъ съ собой пѣшаго слугу, заботиться о послѣднемъ, чтобы онъ не утомился. Для этого при небольшихъ разстояніяхъ необходимо сообразовать скорость движенія съ ходомъ пѣшаго проводника. При ѣздѣ на дальнее разстояніе лучше всего посадить и слугу верхомъ на другую лошадь. Если нѣтъ второй лошади, то посадить слугу на крупъ лошади хозяина, если-же эта лошадь не въ силахъ везти двоихъ всадниковъ, то хозяину рекомендуется во время пути слѣзать иногда и итти пѣшкомъ, разрѣшая слугѣ въ это время садиться на лошадь, чтобы и онъ могъ отдохнуть и хозяинъ прошелся-бы.

Заботясь о слугахъ, слѣдуетъ не забывать и о животныхъ. Грѣшно бить лошадь нагайкой по головѣ и глазамъ. Остановившись не слѣдуетъ безъ нужды сидѣть въ сѣдлѣ, или ѣхать дальше или слѣзть съ лошади. Не хорошо спать, или дремать, ѣдучи на лошади.

Лошадь надо своевременно и достаточно кормить и поить, не хорошо ставить ее въ слишкомъ

холодномъ или черезчуръ жаркомъ мѣстѣ. Во время продолжительнаго путешествія верхомъ всадникъ долженъ отъ времени до времени слѣзать и идти пѣшкомъ нѣкоторое разстояніе, чтобы дать лошади отдохнуть.

Если лошадь начнетъ играть и убѣжитъ, то слѣдуетъ призвать на помощь ангеловъ, дважды произнеся: „Творенія Божія, помогайте!“ и послѣ этого лошадь непремѣнно должна остановиться.

ГЛАВА III.

Приличія, соблюдаемыя въ общественныхъ собраніяхъ.

Умѣнью держать себя въ обществѣ придается большое значеніе и эта часть правилъ разработана въ сборникѣ весьма тщательно.

Особенно подробно предусмотрѣны всѣ мелочи поведенія въ такихъ собраніяхъ, гдѣ присутствуютъ шейхи, или ишаны. Я позволю себѣ, прежде передачи правилъ приличій въ общественныхъ собраніяхъ, ознакомить читателя съ значеніемъ въ жизни мусульманъ шейховъ, или ишановъ.

Издавна, наряду съ ортодоксальнымъ и формальнымъ вѣроученіемъ Ислама, на востокѣ возникли такъ называемые суфійскіе ордена, или толки мистиковъ въ Исламѣ. Ученіе мистиковъ не можетъ считаться строго мусульманскимъ; суфіи гораздо шире мусульманъ смотрятъ на отношенія человѣка къ Богу, придаютъ меньше значенія формальностямъ религіи и догматамъ, а всю силу своей вѣры полагаютъ въ духовномъ общеніи человѣка съ Богомъ, возвышаясь до пантеистическихъ воззрѣній.

Проводниками въ массу народа мистическаго ученія являются такъ называемые ишаны, или шейхи суфійскихъ орденовъ. Эти лица, прежде

чѣмъ приступить къ самостоятельной пропагандѣ ученія мистиковъ, всегда сами долго готовятся къ предстоящей имъ дѣятельности, проходя трудный, долголѣтній искусъ въ качествѣ учениковъ какого-нибудь знаменитаго шейха, учителя „тариката“, какъ называютъ себя подобные руководители мистиковъ.

Пройдя искусъ, утвердившись въ правилахъ ученія, изучающій, наконецъ, признается достаточно подготовленнымъ для самостоятельной проповѣди ученія и тогда шейхъ снабжаетъ своего ученика особымъ свидѣтельствомъ или посвященіемъ „иршадъ-нама“, дающимъ право такому ишану самому вербовать учениковъ и послѣдователей и въ свою очередь ставить новыхъ проповѣдниковъ ученія.

Такимъ путемъ отъ первоучителей мистическаго ученія, жившихъ въ первые вѣка Ислама, ученіе передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, не по наслѣдству, а путемъ передачи права на проповѣдь ученія каждаго суфійскаго ордена или толка.

Шейхъ по отношенію къ своимъ ученикамъ является „пиромъ“ (старцемъ), или „мюршидомъ“ (наставникомъ). Ученики могутъ быть или только почитателями ишана (ихлясъ, мухлисъ), или настоящими учениками „мюридъ“, нѣчто вродѣ послушника, задавшагося цѣлью, подъ руководствомъ наставника, изучить мистическое ученіе и сдѣлаться достойнымъ продолжателемъ работы наставника.

Въ послѣднемъ случаѣ, желающій стать мюридомъ ишана человѣкъ становится ближе къ настав-

нику и, съ его разрѣшенія, какъ говорятъ, даетъ ему руку, т. е. пожатіемъ руки выражаетъ свою готовность сдѣлаться ученикомъ ишана и становится по отношенію къ учителю въ подчиненное положеніе преданнаго слуги.

Новый мюридъ старается быть всегда на глазахъ у своего наставника, съ преувеличеннымъ вниманіемъ вслушивается въ каждое слово шейха, угадываетъ малѣйшее его желаніе, становится постепенно безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ своего учителя, стремясь достигнуть такой степени подчиненія, чтобы въ рукахъ ишана быть „какъ тѣло умершаго въ рукахъ омывальщика". Такъ предписываютъ правила суфійскаго ученія.

Ишанъ же, отлично зная о стремленіи ученика, начинаетъ воспитывать его въ духѣ полной покорности, испытываетъ его преданность разными способами и, только убѣдившись въ томъ, что сѣмена ученія пали на благодарную почву, приближаетъ къ себѣ новаго ученика, чтобы послѣ продолжительнаго искуса сдѣлать его своимъ „хальфа" (помощникомъ), а потомъ и разрѣшить ему самостоятельную работу во славу суфизма.

Ознакомившись съ взаимоотношеніями мюршида и его мюридовъ, перейдемъ теперь къ изложенію правилъ приличій, соблюдаемыхъ въ такихъ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ присутствуютъ шейхи.

Когда мюридъ приходитъ къ своему учителю „пиру", онъ долженъ скромно сѣсть въ отдаленіи.

Въ отведенныхъ для пріема гостей помѣще-

ніяхъ въ домахъ нашихъ туземцевъ нѣтъ обыкновенно никакой мебели. Весь полъ пріемной комнаты застланъ войлокомъ, а у богатыхъ людей—коврами; около стѣнъ, кромѣ того, постланы узенькія стеганыя ватныя дорожки, на которыя и садятся гости.

Почетнымъ считается мѣсто какъ разъ противъ входной двери, всѣ же прочія мѣста, сообразно съ этимъ, оцѣниваются въ зависимости отъ близости къ почетному мѣсту. Мѣстничество у сартовъ развито очень сильно и придерживаются его строго. Первое мѣсто въ собраніи послѣдователей суфизма, или дервишей, конечно, принадлежитъ духовному наставнику—„пиру“, или шейху, въ собраніяхъ же свѣтскихъ людей почетъ воздается по теоріи — ученому и старшему возрастомъ, а на практикѣ, разумѣется, богатому и знатному. Входя въ собраніе сидящихъ уже въ комнатѣ гостей, приходится опредѣлить свое мѣсто среди сидящихъ и надо сдѣлать это такъ, чтобы никого не обидѣть и не показаться гордецомъ. Тутъ происходитъ обыкновенно борьба скромности съ учтивостью: входящій, даже если по своему положенію въ обществѣ онъ имѣетъ право на высшеее мѣсто въ ряду сидящихъ, садится первоначально гораздо ближе къ дверямъ, но сидящіе, которые всѣ встаютъ при входѣ новаго гостя, жестами рукъ приглашаютъ вошедшаго сѣсть выше, и тотъ, слѣдуя этому приглашенію, идетъ впередъ и занимаетъ приблизительно подходящее для себя мѣсто. Усѣвшись, гость совер-

шаетъ тихую молитву о благополучіи дома и заканчиваетъ ее поглаживаніемъ подбородка сложенными ладонями рукъ. Жестъ этотъ повторяется и остальными присутствующими въ знакъ ихъ участія въ молитвѣ.

Итакъ, мюридъ, придя къ наставнику, садится вблизи дверей. Если же наставникъ жестомъ приглашаетъ ученика занять высшее мѣсто, то ему слѣдуетъ тотчасъ же послѣдовать приглашенію, хотя бы, занимая указанное мюршидомъ мѣсто, ему пришлось сѣсть выше какого-нибудь почтеннаго человѣка; это ужъ дѣло шейха и скромность здѣсь неумѣстна, такъ какъ она явилась бы ослушаніемъ. Сѣвъ выше, чѣмъ то полагается, мюридъ долженъ принять позу, установленную для молитвы *), безъ необходимости не ворочаться и сохранять почтительное положеніе.

Сидя въ такомъ положеніи, мюридъ обязанъ какъ можно внимательнѣе вслушиваться въ наставленія „пира“, стараться запечатлѣть въ своемъ сердцѣ слова наставника и слѣдовать его указаніямъ. Каждое сказанное „пиромъ“ слово надо стараться запомнить, чтобы впослѣдствіи примѣнить въ жизни совѣты наставника.

Если во время угощенія наставникъ передастъ

*) Обыкновенно сарты сидятъ, что называется, „по турецки“, т. е., опустившись на сидѣніе, складываютъ согнутыя въ колѣняхъ ноги передъ собой. Поза-же, установленная для молитвы, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, сгибая ноги, опускается сидѣніемъ на пятки ногъ.

мюриду остатки поданнаго ему кушанія или питья, то мюриду отнюдь не слѣдуетъ дѣлиться поданнымъ съ прочими присутствующими, а съѣсть или выпить данное самому.

Прежде, чѣмъ начать разговоръ съ „пиромъ“, мюридъ долженъ убѣдиться, что у наставника есть для того свободное время, а не лѣзть съ разговоромъ некстати. Когда найдется удобное время, слѣдуетъ, по возможности, кратко изложить то, что необходимо было сказать „пиру“.

Разговаривая съ мюршидомъ, слѣдуетъ произносить слова тихо и мягко. Въ присутствіи наставника, слѣдуетъ вести себя скромно и почтительно; въ особенности, если мюршидъ собирается уйти куда-нибудь, было бы совершенно неприлично спрашивать его, куда онъ идетъ; вообще, рекомендуется во всемъ сохранять скромность и сдержанность.

Во всѣхъ дѣлахъ своихъ мюридъ долженъ руководствоваться только волей своего шейха, во всемъ безпрекословно ему повиноваться; будь то дѣла вѣры, или простыя житейскія,—ничего не надо предпринимать безъ вѣдома и разрѣшенія „пира“. Его волѣ должно подчиняться даже удовлетвореніе голода и жажды.

Безъ совѣта „пира“, мюридъ не долженъ ничего предпринимать даже и въ томъ случаѣ, если-бы его къ тому понуждала неотложная необходимость.

Если случится, что мюршидъ спроситъ у своего мюрида совѣта, какъ ему самому слѣдуетъ поступить въ какомъ-нибудь дѣлѣ, мюридъ обязанъ отвѣтить своему наставнику: „вы сами лучше

меня изволите знать“, а не высказывать поспѣшно свое мнѣніе по возбужденному шейхомъ вопросу; если-же шейхъ настоятельно потребуетъ затѣмъ отвѣта на заданный вопросъ, тогда только мюриду слѣдуетъ скромно и почтительно высказать свое мнѣніе.

Не слѣдуетъ безъ разрѣшенія или приглашенія наставника входить въ ту комнату, гдѣ шейхъ предается уединенію.

Войдя въ комнату, не слѣдуетъ садиться на то мѣсто, гдѣ имѣетъ обыкновеніе сидѣть самъ шейхъ, а также не слѣдуетъ надѣвать принадлежащіе шейху тюбитейку *), халатъ или калоши.

Не слѣдуетъ располагаться на ночлегъ въ одной комнатѣ съ шейхомъ, развѣ, если самъ наставникъ прикажетъ лечь спать въ одной комнатѣ съ нимъ, но и въ такомъ случаѣ мюридъ не долженъ крѣпко спать, а все время быть насторожѣ, на случай, если придется исполнить ночью какое-нибудь приказаніе шейха. Вотъ поистинѣ трудно выполнимое требованіе. Особенно молодому мюриду послѣ цѣлаго дня службы при шейхѣ, послѣ долговременнаго напряженія вниманія, вечеромъ сильно хочется спать, а ему предписывается и ночь проводить въ бдѣніи, на случай, что шейху что-нибудь понадобится. Однако, слѣдуетъ сказать, что мюриды строго исполняютъ приведенное тре-

*) Небольшая остроконечная шапочка, одѣваемая непосредственно на бритую голову. Европейцы называютъ такія шапочки ермолками.

бованіе, такъ какъ иначе трудно доказать шейху свою преданность и способность твердо переносить труды, безъ которыхъ немыслимо выдержать искусъ и заслужить благоволеніе шейха, воспитывающаго въ своихъ ученикахъ, главнымъ образомъ, характеръ и непоколебимую твердость воли въ послушаніи.

Въ разговорѣ съ шейхомъ нельзя позволять себѣ остротъ или шутокъ; также неприлично въ присутствіи шейха шутить съ другими присутствующими; лучше всего вовсе не разговаривать безъ разрѣшенія шейха. Молчаніе—лучшее украшеніе мюрида.

Въ разговорѣ съ шейхомъ мюридъ не долженъ стараться обнаружить свои знанія или начитанность. Не слѣдуетъ также настойчиво добиваться отъ шейха отвѣта даже на вопросы научнаго характера,—это неприлично.

Всѣми силами слѣдуетъ мюриду остерегаться ставить шейха въ такое положеніе, когда онъ, хотя и замѣчаетъ проступокъ мюрида, но, изъ деликатности, умолчитъ объ этомъ. Такое молчаніе показываетъ, что шейхъ считаетъ провинившагося мюрида не заслуживающимъ даже наставленія, а это очень не хорошо для мюрида. Если шейхъ расположенъ къ мюриду, то, замѣтивъ съ его стороны проступокъ, онъ прямо выскажетъ мюриду свое неудовольствіе; вѣдь нельзя-же допустить, что шейхъ при своей прозорливости, могъ бы не замѣтить вины мюрида и потому только не высказываетъ порицанія провинившемуся.

Приведенныя выше правила, исчерпывая поведеніе мюрида въ собраніяхъ, гдѣ присутствуютъ шейхи, служатъ лишь введеніемъ въ изложеніе тѣхъ обязанностей, какія налагаетъ на мюрида его положеніе ученика въ отношеніи его наставника—мюршида.

Чтобы устранить въ умѣ мюрида всякое сомнѣніе въ томъ, что онъ выбралъ себѣ самаго лучшаго учителя мистическихъ знаній, мюриду предписывается считать своего „пира" единственнымъ въ мірѣ и самымъ важнымъ. Мюридъ долженъ твердо вѣрить, что „пиру" извѣстны въ точности всѣ мельчайшія обстоятельства жизни и поведенія мюрида. Преданность мюрида своему наставнику должна быть настолько сильна, чтобы даже въ томъ случаѣ, если „пиръ" гонитъ ученика отъ себя, послѣдній и не подумалъ оставить учителя, а продолжалъ бы служить учителю съ удвоеннымъ усердіемъ, въ надеждѣ снова вернуть себѣ утраченное расположеніе мюршида.

Въ присутствіи шейха, въ собраніяхъ мюридъ долженъ сидѣть смирно, лучше всего даже совсѣмъ не шевелиться безъ надобности. Спокойная поверхность воды отчетливо отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, всѣ предметы, но стоитъ только водѣ заволноваться—и поверхность ея покрывается рябью, которая исключаетъ возможность отраженія въ водѣ предметовъ. Чѣмъ меньше будетъ мюридъ двигаться въ присутствіи своего наставника, тѣмъ для него будетъ лучше, онъ тѣмъ больше усвоитъ знаній, преподаваемыхъ наставникомъ.

Приступая къ какому бы то ни было дѣлу, мюридъ обязанъ испросить на это разрѣшеніе своего „пира". Если наставникъ на-лицо, надо просить его разрѣшенія лично, въ отсутствіи-же, пира, разрѣшеніе испрашивается мысленнымъ обращеніемъ къ нему мюрида. Учители мистицизма утверждаютъ, что какъ бы далеко отъ „пира" ни былъ мюридъ, его мысли „всегда находятся между бровями наставника", т. е. пиру все равно извѣстны всѣ помышленія ученика и безполезно было-бы стараться скрыть что-либо отъ наставника.

Шейхи въ своихъ мистическихъ упражненіяхъ переживаютъ различныя состоянія духа и состоянія „кабзъ" и „бастъ" являются главнѣйшими изъ нихъ. Находясь въ состояніи „кабзъ", мистикъ глубоко сосредоточенъ въ своихъ высокихъ помыслахъ, и каждое обращеніе къ нему въ такое время могло бы нарушить его настроеніе и помѣшать достиженію главной цѣли всѣхъ мистическихъ упражненій — соединенію духа мистика съ духомъ божества. Напротивъ, находясь въ состояніи „бастъ", мистикъ свободенъ отъ сосредоточенія, онъ готовъ раскрыть свою душу окружающимъ, подѣлиться съ ними пережитыми имъ духовными радостями, готовъ учить и другихъ, какъ достичь такого блаженнаго состоянія духа.

Мюридъ обязанъ строго слѣдить за тѣмъ, въ какомъ состояніи духа находится его учитель и, замѣчая, что наставникъ сосредоточился, мюридъ долженъ тотчасъ-же удалиться, а во время со-

стоянія „бастъ“ быть все время около учителя, чтобы не пропустить случая выслушать и усвоить его наставленія.

При извѣстномъ вниманіи и наблюдательности, мюриду не трудно изучить настроенія шейха и не быть назойливымъ въ то время, когда наставнику обращеніе къ нему можетъ быть непріятно.

Тайны шейха мюридъ обязанъ строго хранить отъ людей, у самого-же мюрида не должно быть вовсе тайнъ отъ его наставника: его душа передъ очами шейха должна быть, какъ раскрытая книга.

Слѣдуетъ стараться всѣми силами заимствовать отъ учителя какъ можно больше знаній, но въ его присутствіи было бы неприлично выставлять на показъ свою ученость, или хвастаться своими знаніями.

Не всѣ люди съ одинаковымъ уваженіемъ относятся къ шейху, не всѣ вѣрятъ въ его святость и благочестіе. Понятно поэтому, что мюридъ долженъ избѣгать всякихъ сношеній съ людьми, не вѣрующими въ шейха, и не посѣщать собраній такихъ людей.

Находясь въ собраніи, гдѣ присутствуетъ шейхъ, мюридъ не долженъ долго и пристально смотрѣть въ лицо наставника. Не слѣдуетъ даже думать о постороннихъ предметахъ, а всецѣло поручивъ себя волѣ наставника, сидѣть неподвижно, склонивъ голову и опустивъ взоръ свой.

Если во время такого сосредоточеннаго молчанія мюридъ что-нибудь увидитъ или узнаетъ другимъ способомъ, онъ обязанъ довести объ

этомъ до свѣдѣнія пира, не спрашивая, однако, объясненія видѣннаго. Если это нужно для мюрида, шейхъ самъ не замедлитъ дать всѣ необходимыя разъясненія.

На посѣщеніе собраній шейха отнюдь не слѣдуетъ мюриду смотрѣть, какъ на удовольствіе, или веселое препровожденіе времени. Эти собранія слѣдуетъ посѣщать съ единственнымъ твердымъ намѣреніемъ получить отъ шейха какъ можно больше наставленій, необходимыхъ для изученія мистическаго ученія и для благочестивой жизни.

Исполняя службу при шейхѣ, мюридъ долженъ совершенно забыть о какихъ бы то ни было развлеченіяхъ и вести правильную жизнь.

Мюридъ долженъ всѣми силами стараться предотвратить всякій вредъ или непріятность, которыя могутъ угрожать шейху.

Мюридъ не долженъ избѣгать подражанія шейху во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а всѣ приказанія шейха исполнять безпрекословно и въ точности. Подчиненность шейху касается не только дѣйствій или словъ: самыя мысли мюрида должны быть всегда проникнуты этимъ повиновеніемъ волѣ наставника.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ правилъ можно заключить о томъ, какую страшную силу пріобрѣтаетъ шейхъ надъ своими мюридами. Этимъ объясняется рабская преданность мюридовъ Шамиля своему шейху во времена завоеванія Кавказа, та же безусловная покорность ишану двинула на рискованный опытъ возстанія въ Анди-

жанѣ въ 1898 году послѣдователей Миньтюбинскаго ишана Мадали.

У порабощеннаго мюрида нѣтъ своей воли и отъ шейха вполнѣ зависитъ направить его дѣйствія въ ту или иную сторону. Однако, по отдѣльнымъ случаямъ злонамѣренныхъ выступленій мюридовъ какого-нибудь ишана, часто не отдающихъ себѣ отчета въ томъ, что они дѣлаютъ, нельзя переходить къ обобщеніямъ и считать все суфійское движеніе въ исламѣ явленіемъ крайне опаснымъ для общественнаго спокойствія.

Эксцессы и вспышки всегда возможны, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что всѣхъ ишановъ со всѣми ихъ мюридами надо считать опасною частью нашего туземнаго населенія.

Прежде всего шейхи, подобные предусмотрѣннымъ правилами учителямъ мистицизма, въ наше время крайне рѣдко встрѣчаются, а потому и вѣра въ нихъ и ихъ святость гораздо слабѣе, чѣмъ прежде.

Мы видѣли выше, что правила взаимоотношеній пира и мюрида обязываютъ послѣдняго вѣрить, что лучше и важнѣе избраннаго имъ пира нѣтъ на свѣтѣ. Это было когда-то возможно и исполнимо, но съ тѣхъ поръ въ душу нашихъ туземцевъ, силою вещей, вошло столько новыхъ знаній и впечатлѣній, что критическое отношеніе замѣнило безусловную вѣру, и человѣкъ началъ думать, а не только подчиняться мертвой буквѣ правилъ. Какъ только проснулся критицизмъ, ослабла вѣра и мюриды стали присматриваться къ своимъ наставникамъ, провѣрять ихъ особенно

въ области соотвѣтствія между словами и поступками, что прежде всего бросается въ глаза даже самому неразвитому человѣку.

И вотъ мюридъ современнаго типа слышитъ отъ своего наставника нескончаемыя поученія о преимуществѣ бѣдности, отреченія отъ мірскихъ благъ и всего земного для того, чтобы легче возноситься духомъ къ высшему существу, сливаться съ нимъ воедино. Такъ говоритъ пиръ, а самъ не пропускаетъ случая тѣмъ или инымъ способомъ увеличить свое благосостояніе за счетъ мюридовъ, принимая отъ нихъ цѣнные дары, а иногда и побуждая ихъ къ щедрости.

Само собою разумѣется, что такое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ роняетъ ишана въ глазахъ его мюридовъ и послѣдніе понемногу охладѣваютъ къ такому корыстолюбивому пиру.

Древніе шейхи убѣждали своихъ послѣдователей въ своей святости чудесами. Тогда это было не трудно, потому что вѣра была сильна, а развитіе мюридовъ слабо. О чудесахъ шейховъ создавались легенды, никѣмъ не провѣренныя, и услужливые мюриды, въ цѣляхъ прославленія своего шейха, охотно распространяли въ народѣ эти росказни. Народъ безпрекословно вѣрилъ розсказнямъ мюридовъ и легенда, укрѣпляясь въ памяти людей, переходила и въ книги біографій выдающихся дѣятелей суфизма.

Если людскіе разсказы иногда и возбуждаютъ сомнѣніе, то какъ же не вѣрить тому, что написано въ книгѣ, что перешло изъ поколѣнія въ по-

колѣніе, какъ неопровержимый фактъ. Такимъ образомъ за нѣкоторыми шейхами понемногу упрочилась и слава чудотворцевъ.

Въ наше время уже мало говорятъ о чудесахъ подвижниковъ мистицизма. Развѣ только самые усердные почитатели ишана рѣшаются выдумывать басни о чудесахъ наставника, въ большинствѣ же случаевъ никто и не допускаетъ, что въ наше время возможны чудеса.

Вотъ почему упомянутому выше Миньтюбинскому ишану Мадали не мало хлопотъ стоило выдать себя за чудотворца, что удалось ему только благодаря помощи со стороны ближайшихъ его мюридовъ, сознательно обманывавшихъ народъ вмѣстѣ съ своимъ пиромъ.

Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, еще задолго, сравнительно, до всѣмъ памятнаго Андижанскаго возстанія въ 1898 году, жившимъ въ Ташкентѣ и вращавшимся среди туземцевъ русскимъ людямъ приходилось слышать, что въ Миньтюбѣ появился знаменитый ишанъ, способный творить чудеса. Тогда нельзя было добиться подробностей, въ чемъ собственно эти чудеса заключаются, но потомъ все стало ясно.

Прежде всего ишанъ Мадали поражалъ своихъ послѣдователей тѣмъ, что варилъ для нихъ пловъ безъ огня. Въ наружныхъ помѣщеніяхъ стояли вмазанные въ очаги котлы, въ нихъ клали необходимые для приготовленія любимаго кушанья продукты и вдругъ, по мановенію ишана, котлы нагрѣвались, кипѣло сало и варился пловъ, а огня не было видно.

Только очень наивные люди могли не понять, что проведя трубы изъ внутреннихъ комнатъ, можно и безъ видимаго огня варить пищу, когда угодно. Однако, фокусъ этотъ удался ишану, благодаря усердію сознательно болтливыхъ его мюридовъ, разносившихъ по всему Туркестанскому краю славу о чудесахъ ишана.

Кромѣ того, ишанъ Мадали продѣлывалъ и другіе фокусы, но самый простой по замыслу и самый чудесный на взглядъ былъ фокусъ прозорливости.

Въ домѣ ишана собрались мюриды, всѣ скромно сидятъ и слушаютъ поученія, а слуги входятъ отъ времени до времени въ ту же комнату по своимъ обязанностямъ.

Ишанъ на время замолкаетъ, какъ будто сосредоточивается и послѣ этого говоритъ, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности: „Вскорѣ прибудетъ одинъ изъ моихъ добрыхъ учениковъ, онъ ведетъ мнѣ въ даръ верблюда".

Всѣ присутствующіе прислушиваются къ рѣчи ишана, какъ къ проявленію прозорливости, и имъ не долго приходится ждать: вскорѣ у дома слышенъ шумъ и громкое мычаніе верблюда.

Ишанъ не вставалъ съ мѣста, въ комнатѣ нѣтъ оконъ со стеклами, черезъ которыя можно было бы видѣть приближеніе гостя съ дарами, а наставнику откуда-то стало извѣстно, что должно случиться и никому изъ присутствующихъ невѣдомо. Конечно, приходится повѣрить въ прозорливость почтеннаго старца, если только не

задаваться цѣлью найти какое-нибудь другое объясненіе видѣнному.

А дѣло очень просто. Ишанъ Мадали для этого фокуса заранѣе условился со своими преданными слугами, что появленіе извѣстнаго человѣка будетъ обозначать приближеніе къ дому ишана жертвователя съ извѣстнымъ животнымъ: одинъ изъ слугъ своимъ появленіемъ въ комнатѣ молчаливо докладывалъ хозяину, что ему ведутъ верблюда, другой, также молчаливо, однимъ появленіемъ своимъ возвѣщалъ о приводѣ лошади, а третій давалъ знать, что прибыли бараны, или козлы.

Такимъ образомъ, замѣтивъ въ комнатѣ слугу съ извѣстнымъ значеніемъ, ишанъ могъ безошибочно угадать, что ему предстоитъ получить, и сосредоточиваться ему приходилось только для того, чтобы напустить туманъ въ глаза своихъ покорныхъ мюридовъ и поразить ихъ своей прозорливостью.

Вотъ къ какимъ ухищреніямъ приходится прибѣгать ишанамъ въ наше время для того, чтобы обмануть своихъ послѣдователей.

Понятно, что разъ между ишанами очень мало безсребренниковъ, а чудотворцевъ нѣтъ совсѣмъ, то и сила ихъ вліянія на мюридовъ не можетъ достичь того напряженія, какого удавалось достигать древнимъ шейхамъ, дѣйствовавшимъ силою слова на умы наивныхъ послѣдователей и порабощавшихъ волю мюридовъ до полнаго и безпрекословнаго подчиненія ихъ своей волѣ. Однако, и теперь послѣдователи болѣе или

менѣе важнаго ишана представляютъ обособленную группу лицъ, связанныхъ между собою почитаніемъ одного и того же наставника, одушевленныхъ общимъ для всѣхъ желаніемъ угодить своему пиру.

Вліяніе ишана сказывается теперь, главнымъ образомъ, въ возможности для него черезъ своихъ мюридовъ собирать значительныя суммы денегъ на добрыя дѣла и самому пользоваться этими средствами на свои нужды. Нерѣдко, кромѣ того, мѣстные значительные ишаны оказываютъ вліяніе и на выборы должностныхъ лицъ туземной администраціи. Дальше сила ишана не распространяется.

Выше были даны, въ сущности, спеціальныя указанія, какъ слѣдуетъ вести себя въ собраніяхъ, гдѣ присутствуютъ шейхи; то были собранія съ опредѣленной цѣлью изученія мистическихъ знаній и прохожденія мюридами искуса при избранныхъ ими шейхахъ. Не всегда, однако, собранія носятъ такой узко спеціальный характеръ; бываетъ, что люди просто собираются вмѣстѣ для того, чтобы обмѣняться мыслями, скоротать въ компаніи вечеръ или ознаменовать какое-нибудь семейное событіе. Вотъ для такихъ собраній свѣтскаго характера также имѣются подробныя правила.

Прежде всего, переходя отъ уединенія въ собраніе, необходимо къ тому имѣть искреннее желаніе, а не руководствоваться какой-либо задней мыслью. Это значитъ на нашъ взглядъ, что итти въ люди надо только тогда, когда хочется

быть на народѣ, когда надоѣло сидѣть дома и человѣкъ ждетъ для себя удовольствія отъ посѣщенія собранія. Подъ задней мыслью, вѣроятно, подразумѣваются соображенія тактическаго свойства: неудобство отказаться отъ приглашенія часто гонитъ въ гости человѣка противъ его желанія; иногда человѣкъ идетъ въ гости для того только, чтобы себя показать, повертѣться въ высшемъ свѣтѣ и потомъ похвастаться своей близостью къ сильнымъ міра сего; наконецъ, и не хочетъ другой итти въ гости, а идетъ, чтобы тамъ обдѣлать какое-нибудь дѣльце, воспользоваться какими-нибудь выгодами и т. п. Все это должно быть отброшено въ сторону, когда человѣкъ идетъ въ собраніе,—онъ долженъ руководствоваться исключительно желаніемъ быть съ людьми.

Передъ отправленіемъ изъ дома въ собраніе необходимо совершить омовеніе (таарата).

Омовеніе у мусульманъ совершается по строго установленнымъ правиламъ и представляетъ не гигіеническое только требованіе, а религіозную обязанность, такъ какъ нельзя ни молиться, ни читать Коранъ въ состояніи нечистоты.

При такихъ условіяхъ казалось бы, что нѣтъ въ мірѣ народа чистоплотнѣе мусульманъ. Вѣдь пять разъ въ день приходится молиться: въ 5 ч. утра, въ 1 ч. дня, въ 4, 6 и 9 ч. вечера; къ каждой молитвѣ необходимо быть чистымъ.

Въ дѣйствительности-же наши туземцы вовсе не отличаются особой чистоплотностью и даже издаютъ специфическій сильно замѣтный запахъ.

Объясняется это тѣмъ, что трудно человѣку исполнить всѣ предписанныя вѣрой омовенія во-время и вполнѣ добросовѣстно. Это заняло бы много времени и стоило бы большихъ хлопотъ. Когда нельзя или трудно исполнить законъ, его обходятъ. Обходятъ и мусульмане трудно исполнимыя предписанія своей религіи объ омовеніи. Омовеніе исполняется аккуратно, но совершенно формально: мыла совсѣмъ не расходуется, мусульмане мужчины находятъ даже неприличнымъ—мыться съ мыломъ, и предоставляютъ это женщинамъ.

Принимаясь за омовеніе, мусульманинъ, по ритуалу, исполняетъ все, какъ указано, т. е. ополаскиваетъ опредѣленное число разъ руки до локтя, лицо и, наконецъ, переходитъ къ омовенію ногъ. Для того, чтобы вымыть ноги, конечно, слѣдовало бы прежде всего снять сапоги, но это трудно и мѣшкотно; поэтому формально относящійся къ омовенію туземецъ ограничивается тѣмъ, что проводитъ положенное число разъ мокрыми руками по своимъ козловымъ мягкимъ сапогамъ (махсы) и этимъ заканчиваетъ омовеніе. Удивительно-ли послѣ этого, что чистота вовсе не достигается ритуальными омовеніями и правилами предписывается прежде, чѣмъ идти въ собраніе, вновь совершить дополнительное омовеніе.

Необходимо предварительно очистить одежду, надушить ее и свое тѣло; вещества, обладающія дурнымъ запахомъ, слѣдуетъ удалить, чтобы не причинить непріятности лицамъ, присутствующимъ въ собраніи. Надо вычистить зубы и очистить

ротъ отъ запаха сырого лука, чесноку, или тому подобныхъ вещей, чтобы не возбудить неудовольствія присутствующихъ въ собраніи.

Недаромъ введено въ правила очищать ротъ отъ веществъ, обладающихъ дурнымъ запахомъ. Въ обыкновенное время наши туземцы только прополаскиваютъ ротъ во время омовеній, но не чистятъ зубы порошкомъ. Нѣкоторые наиболѣе чистоплотные люди еще протираютъ зубы снаружи срѣзанной косо палочкой дерева Аса-муса (посохъ Моисея), растущаго въ горахъ Туркестана. Конечно, такая плоско срѣзанная палочка не даетъ возможности очистить промежутки между зубами и запахъ отъ разлагающихся между зубами остатковъ пищи нерѣдко слышенъ изо рта туземца.

Всѣми силами необходимо стремиться возможно чаще посѣщать собранія хорошихъ людей. Въ древнихъ книгахъ говорится, между прочимъ, что если человѣкъ, по невниманію или за недосугомъ, пропустилъ въ положенное время совершить молитву, то для этого случая установлена такъ называемая „каза", или замѣна: можно въ другое время исполнить пропущенную молитву, или раздать бѣднымъ очистительную милостыню. Нельзя подобнымъ образомъ замѣнить или наверстать пропущенный случай бесѣды съ умными, почтенными людьми, это уже невознаградимая потеря для человѣка и потому необходимо искать случая общенія съ хорошими людьми.

Выше было уже упомянуто объ отсутствіи мебели въ обиходѣ туземцевъ. Собравшіеся усаживаются по возможности въ кругъ, потому что, рас-

полагаясь такъ, всѣ оказываются лицомъ другъ къ другу; въ кругу, всѣ мѣста одинаковы, нѣтъ мѣстъ высшихъ и низшихъ и, наконецъ, самъ кругъ напоминаетъ своей формой одну изъ буквъ, входящихъ въ составъ слова „Алла"—имени Божія. По всѣмъ этимъ причинамъ форма круга для собранія предпочитается.

Когда въ собраніи присутствуетъ высокопоставленное лицо, взоры всѣхъ сидящихъ должны быть обращены къ нему. Двое въ комнатѣ садятся лицомъ другъ къ другу такъ, чтобы колѣни одного изъ сидящихъ приходились противъ колѣнъ собесѣдника. Когда человѣкъ одинъ, ему слѣдуетъ сидѣть, обративъ лицо къ Каабѣ, это основное правило.

Сидѣть въ серединѣ круга собравшихся считается неприличнымъ; можно только на время выйти изъ ряда сидящихъ для того, чтобы переговорить съ кѣмъ-либо изъ сидящихъ въ кругу, или сдѣлать какое-нибудь дѣло.

Въ собраніи слѣдуетъ вести себя скромно, сидѣть надо прилично, наблюдая, чтобы не стѣснить или не обезпокоить кого-нибудь изъ присутствующихъ. Не слѣдуетъ упираться колѣнями въ колѣни рядомъ сидящихъ, а также, безъ разрѣшенія двухъ сидящихъ рядомъ, не слѣдуетъ садиться между ними. Находясь въ собраніи, слѣдуетъ непрестанно вспоминать о Богѣ.

Послѣднее изъ вышеприведенныхъ правилъ поведенія въ собраніи многими хорошо усвоено и наиболѣе благочестивые мусульмане считаютъ своимъ долгомъ и собесѣдникамъ дать понять,

что, находясь въ собранiи, они не перестаютъ вспоминать Бога. Для этого, время отъ времени такой высокоблагочестивый туземецъ, безъ всякаго повода, произноситъ: „О, Боже!“, или „я раскаиваюсь“ (въ прегрѣшенiяхъ своихъ), или одинъ изъ эпитетовъ Аллаха,—„живый“, „сущiй“ и т. п.

Самой приличной позой для сидящихъ въ собранiи считается, конечно, поза молитвенная, о которой упоминалось выше: сидѣнiе на пяткахъ ногъ при согнутыхъ колѣняхъ, но въ обыкновенныхъ собранiяхъ, гдѣ не присутствуютъ шейхи, считается также приличнымъ сидѣть по-турецки, подогнувъ подъ себя согнутыя въ колѣняхъ ноги, или даже опустивъ сидѣнiе на полъ, поставивъ колѣни передъ собой и обхвативъ ихъ обѣими руками. Всякая другая поза считается неприличной, поэтому нехорошо сидѣть, подпершись лѣвой рукой сзади.

Когда кто-нибудь изъ сидящихъ въ собранiи выйдетъ или кто-либо войдетъ, всѣмъ остальнымъ надлежитъ подняться съ своихъ мѣстъ. Лицъ высокопоставленныхъ слѣдуетъ просить сѣсть выше и привѣтствовать поклономъ.

Слѣдуетъ остерегаться въ собранiи отъ произнесенiя неприличныхъ словъ, не проявлять дурныхъ сторонъ своего характера и не дѣлать неприличныхъ тѣлодвиженiй. Вообще, въ собранiи слѣдуетъ стараться вести себя, какъ подобаетъ приличному человѣку.

Людямъ высокопоставленнымъ и незначительнымъ, каждому сообразно его положенiю, необходимо оказывать уваженiе и почтенiе. Людей

преклоннаго возраста слѣдуетъ почитать, какъ отца, и всѣми силами стараться услужить такимъ почтеннымъ людямъ. Равныхъ себѣ слѣдуетъ считать братьями и относиться къ нимъ вѣжливо и почтительно. Меньшихъ себя слѣдуетъ считать дѣтьми своими, обращаться съ ними снисходительно, наставляя ихъ на все хорошее, что можетъ быть полезно для нихъ.

Слѣдуетъ избѣгать посѣщенія „базмовъ"—собранiй, гдѣ присутствуютъ „бачи",*) а если необходимость заставитъ войти въ такое собранiе, то, по крайней мѣрѣ, не увлекаться бачами. Правило это соблюдается очень немногими, даже изъ тѣхъ, которые сами и не увлекаются бачами.

По случаю семейныхъ праздниковъ туземцы устраиваютъ угощенiя, такъ называемыя „тои", и лучшимъ украшенiемъ такихъ собранiй считается пляска бачей. Поэтому, приходя на „той" по приглашенiю хозяина, гость совершенно ненамѣренно попадаетъ въ атмосферу увлеченiя миловидными мальчиками и лишенъ возможности совершенно уклониться отъ посѣщенiя такихъ собранiй.

Въ Самаркандѣ пляска бачей составляетъ такую необходимую принадлежность всякаго торжества, что, напр., во время народныхъ манифестацiй по случаю паденiя австрiйской крѣпости Перемышль 9 марта 1915 года, впереди несмѣтной толпы народа кружилась группа бачей подъ оригинальную музыку пронзительныхъ туземныхъ инструментовъ и присутствiе этихъ мальчиковъ во главѣ народнаго шествiя никому не казалось

*) См. выше, стр. 26—31.

страннымъ и неумѣстнымъ. Таковъ ужъ обычай придавать нѣкоторую торжественность собранію, приглашая плясуновъ, противъ которыхъ предостерегаютъ правила приличій для посѣтителей общественныхъ собраній.

Посѣщая собранія, необходимо быть внимательнымъ: кому слѣдуетъ — отдавать поклонъ, а нищимъ — подавать милостыню.

Если кому-нибудь изъ присутствующихъ въ собраніи придетъ время чихнуть, то надо постараться произвести при этомъ какъ можно меньше шума, чтобы не обезпокоить другихъ, и ротъ во время чиханія прикрыть рукавомъ или чѣмъ-либо другимъ. Послѣ чиханія, слѣдуетъ произнести: „Слава Богу, покровителю вселенной", или еще лучше сказать: „Слава Богу во всякое время на всякомъ мѣстѣ". Эти слова слѣдуетъ произнести настолько громко, чтобы слышали всѣ присутствующіе. Всѣ, слышавшіе этотъ молитвенный возгласъ послѣ чиханія, должны сказать чихнувшему: „да пребудетъ милость Божія на Васъ", а чихнувшій, въ свою очередь долженъ отвѣтить всѣмъ присутствующимъ: „Всевышній да укажетъ вамъ правый путь и души ваши очиститъ", или „Да проститъ Богъ мнѣ и вамъ прегрѣшенія наши".

Произнесеніе молитвеннаго возгласа обязательно для чихнувшаго и присутствующіе, слышавшіе возгласъ, обязаны на него отвѣчать. Если кто самъ и не слышалъ возгласа, но изъ отвѣта прочихъ присутствующихъ заключитъ, что чихнувшій произнесъ возгласъ, то и ему слѣдуетъ указанными словами привѣтствовать чихнувшаго.

Если чиханіе повторится нѣсколько разъ, то послѣ третьяго раза умѣстно будетъ спросить чихающаго: „не насморкъ ли у Васъ?“ Нѣкоторые ученные совѣтуютъ въ такихъ случаяхъ высказывать пожеланіе здоровья чихнувшему.

Вѣжливость обязываетъ каждаго изъ присутствующихъ въ собраніи стараться услужить чѣмъ можно другимъ, а остальныхъ членовъ собранія не затруднять просьбами сдѣлать что-либо для себя. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда для общаго удовольствія и удобства придется сдѣлать что нибудь непріятное, не надо стыдиться такого дѣла и уклоняться отъ него. Не слѣдуетъ вмѣнять себѣ въ заслугу то, что сдѣлано для присутствующихъ въ собраніи, а быть довольнымъ, что удалось помочь другимъ.

Съ друзьями и малознакомыми въ собраніи слѣдуетъ обращаться внимательно и доброжелателено; такое отношеніе составляетъ высшую степень благовоспитанности какъ высокопоставленныхъ, такъ и обыкновенныхъ людей.

Если все происходящее въ собраніи не противорѣчитъ закону и постановленіямъ религіи, то всѣ присутствующіе должны дружно поддерживать компанію, въ словахъ и дѣйствіяхъ подражая остальнымъ присутствующимъ въ собраніи.

Неприлично, находясь въ собраніи, стараться уберечь отъ присутствующихъ что-либо принадлежащее одному изъ членовъ собранія. Надо считать, что все, что есть у каждаго изъ членовъ собранія, равнымъ образомъ принадлежитъ и всѣмъ остальнымъ членамъ собранія. Конечно,

это правило не касается женъ и другихъ предметовъ, Богомъ запрещенныхъ для посторонних.

Если во время собранія кто либо изъ присутствующихъ получитъ какое нибудь приношеніе, то онъ обязанъ подѣлиться полученнымъ съ присутствующими, а для отсутствующей прислуги оставить части, приходящіяся на ихъ долю.

Своимъ братьямъ и близкимъ слѣдуетъ прощать, если они въ чемъ нибудь провинились; не слѣдуетъ даже заставлять ихъ въ такомъ случаѣ извиняться или стыдить ихъ въ лицо за провинность.

Замѣтивъ въ комъ нибудь изъ своихъ родственниковъ пристрастіе къ чему нибудь дурному, или порочному, слѣдуетъ тайно, съ глазу на глазъ, усовѣстить его, пока онъ не раскается и не освободится отъ дурного пристрастія; если-же увѣщаніе не поможетъ и человѣкъ не поддается этой мѣрѣ исправленія, то можно не разговаривать съ нимъ въ продолженіе 50 дней; если-же и эта мѣра не приведетъ къ удовлетворительному результату, то слѣдуетъ и далѣе избѣгать сношеній съ порочнымъ родственникомъ, до тѣхъ поръ, пока его раскаяніе не станетъ несомнѣннымъ и онъ не исправится.

Если въ собраніи кто нибудь изъ присутствующихъ разскажетъ о совершенномъ имъ дурномъ поступкѣ, то на обязанности присутствующихъ лежитъ усовѣстить совершившаго проступокъ и довести его до раскаянія. А если кто нибудь изъ присутствующихъ выскажетъ намѣреніе совершить что либо недозволенное, то осталь-

ные члены собранія должны употребить всѣ усилія, чтобы отговорить его и удержать отъ дурного поступка.

Послѣднее правило хорошо задумано авторомъ, составителемъ сборника приличій, видимо желавшимъ въ каждомъ собраніи создать нѣчто вродѣ суда чести для его сочленовъ. Такое дисциплинирующее начало сдѣлало бы честь каждому собранію европейцевъ, но, къ сожалѣнію, правило это не получило въ народѣ практическаго примѣненія и собранія нашихъ средне-азіатскихъ туземцевъ совершенно не оказываютъ на членовъ его исправляющаго вліянія и не предотвращаютъ дурныхъ поступковъ членовъ собранія. И у мусульманъ, какъ у насъ, каждый самъ отвѣчаетъ за свои поступки, и знакомые проявляютъ весьма мало щепетильности при сношеніяхъ съ людьми не безупречной нравственности.

Присутствуя въ собраніи, неприлично зѣвать. Если и пришло непреодолимое желаніе зѣвнуть, надо постараться удержаться отъ этого, крѣпче прижимая верхними зубами нижнюю губу. Если и эта мѣра не подѣйствуетъ, слѣдуетъ прикрыть ротъ лѣвой рукой, или рукавомъ. Также весьма неприлично дремать въ собраніи,—это само собой понятно.

Когда кто-нибудь въ собраніи говоритъ, не слѣдуетъ перебивать его; надо выждать конца рѣчи и тогда только самому начинать говорить.

Не слѣдуетъ въ собраніи долго сидѣть молча, опустивъ голову и потупивъ взоры, но не хорошо

и говорить слишкомъ много. Умные люди совѣтуютъ высказываться только тогда, когда чувствуешь въ этомъ потребность, и высказываться вполнѣ искренно. Впервые входящему въ собраніе лучше всего говорить поменьше, а больше молчать и слушать.

Не слѣдуетъ говорить слишкомъ протяжно, искусственно подбирая замысловатыя выраженія, чтобы похвастать своею ученостью и краснорѣчіемъ, но сопровождать рѣчь свою жестами рукъ, или ударять въ тактъ рѣчи указательнымъ пальцемъ лѣвой руки по ладони правой руки — можно.

Каждый долженъ говорить въ собраніи о томъ, что до него касается и что ему хорошо извѣстно; такъ говорить на богословскія темы могутъ только люди, хорошо знакомые съ религіозными вопросами.

Съ присутствующими въ собраніи не слѣдуетъ ссориться, памятуя, что братья мусульмане не должны сердиться другъ на друга. Если изъ-за житейскихъ дѣлъ и произошла ссора, то она не должна продолжаться больше трехъ дней. Кто хочетъ быть праведнымъ, тотъ долженъ прежде всего выработать въ себѣ силу для борьбы съ собственнымъ гнѣвомъ.

Какъ сказано выше, ссора не должна продолжаться больше трехъ дней, но это касается только ссоры между посторонними людьми; если же поссорится отецъ съ дѣтьми, учитель съ ученикомъ, или мужъ съ женой, то такая ссора можетъ длиться

и болѣе трехъ дней,—на это нѣтъ опредѣленнаго срока.

Побѣждая въ себѣ гнѣвъ въ дѣлахъ житейскихъ, человѣкъ не нарушитъ правилъ приличія, если разгнѣвается въ томъ случаѣ, когда негодованіе его будетъ вызвано нарушеніемъ религіозныхъ постановленій. Въ этомъ случаѣ гнѣвъ и допустимъ, и умѣстенъ.

Неприлично въ разговорѣ усиленно льстить собесѣднику, расхваливая его за неприсущія ему достоинства, а если, наоборотъ, придется бесѣдовать съ очень льстивымъ человѣкомъ, то тотъ, къ кому направлена лесть, долженъ втайнѣ обратиться къ Богу съ молитвой, прося Его надѣлить его тѣми достоинствами, какія ему приписываютъ люди незаслуженно, и не осудить его такъ несправедливо, какъ могутъ судить незнающіе истины люди. Такая молитва можетъ спасти человѣка отъ вреда, приносимаго его душѣ льстивыми рѣчами и похвалами не по заслугамъ.

Почтеннымъ людямъ въ собраніи неприлично много шутить съ присутствующими,—это уронило бы ихъ достоинство. Такимъ лицамъ можно рекомендовать говорить серьезно о предметахъ, послужившихъ поводомъ къ собранію, но если рѣчь такого почтеннаго собесѣдника, помимо его умысла, вызоветъ въ слушателяхъ веселое настроеніе и возбудитъ смѣхъ, то, конечно, въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго.

Также дозволено забавлять дѣтей, высовывая для этого языкъ и возбуждая въ нихъ смѣхъ.

Никогда не слѣдуетъ осуждать отсутствующаго. Не надо слушать людей, дурно отзывающихся о тѣхъ, кого нѣтъ налицо, — это грѣшно.

Есть, однако, случаи, когда приходится говорить дурно объ отсутствующемъ, и это вполнѣ дозволено и не составляетъ грѣха, а даже вызывается необходимостью:

1) Потерпѣвшій отъ чьей либо несправедливости въ правѣ принести начальнику или царю жалобу на обидчика и просить себѣ защиты, а обидчику возмездія.

2) Есть люди, постоянно занимающіеся дурными дѣлами, которыя вредятъ общему спокойствію и благополучію. Разумѣется, о такихъ врагахъ общественнаго спокойствія даже слѣдуетъ доводить до свѣдѣнія властей, имѣющихъ право наказать виновныхъ и прекратить вредную ихъ дѣятельность.

3) Можно разсказать лицу, знакомому съ законами, о претерпѣнной обидѣ или понесенномъ ущербѣ, съ цѣлью получить указанія о направленіи дѣла и наказаніи, грозящемъ виновнику.

4) Допустимо открыть дурныя дѣла какого нибудь человѣка, для того, чтобы предостеречь другихъ мусульманъ отъ подражанія такому порочному человѣку.

5) Можно и за глаза осуждать такого человѣка, который, занимаясь дурными дѣлами, не исправляется, несмотря на обращенныя къ нему увѣщанія.

б) Весьма часто въ общежитіи какому нибудь человѣку, обладающему замѣтнымъ физическимъ недостаткомъ или особенностью, присваивается прозвище, напоминающее объ этомъ отличіи. Иногда, эти прозвища являются для человѣка, носящаго ихъ, непріятными и даже оскорбительными. Непріятно, вѣдь, когда къ имени человѣка присоединяется прозвище вродѣ: косой, кривой, слѣпой, нѣмой, хромой, рябой, курносый, малорослый, толстякъ (арбузъ) и т. п. Такъ вотъ, въ обществѣ, въ отсутствіи носящихъ подобныя прозвища лицъ можно произносить эти прозвища для поясненія, о комъ именно идетъ рѣчь, но если то же прозвище кто нибудь произнесъ бы исключительно съ цѣлью причинить человѣку непріятность и оскорбить его, то, конечно, это было бы неприлично и грѣшно.

Приведенныя выше и другія подобныя прозвища, нерѣдко весьма мѣткія и остроумныя, въ большомъ ходу у туземцевъ и отчасти это объясняется тѣмъ, что въ одной и той же мѣстности одни и тѣ же мусульманскія имена весьма часто повторяются.

Имена женскія въ данномъ случаѣ не имѣютъ значенія вовсе, потому что ихъ никто изъ посторонних обыкновенно и не знаетъ, а домашніе не произносятъ даже въ своемъ кругу, замѣняя ихъ при обращеніи къ женщинѣ какимъ нибудь эпитетомъ, вродѣ: матушка, жена, дочь моя и т. п.

Мужскія же имена всегда нужно знать точно, къ кому они относятся, а это подчасъ довольно

трудно рѣшить потому, во-первыхъ, что у нашихъ туземцевъ нѣтъ еще фамилій, а только отчества, да и то послѣднія сравнительно рѣдко произносятся на-ряду съ именемъ самого человѣка.

Понятно, что при такихъ условіяхъ очень трудно разобраться въ массѣ одинаковыхъ именъ и рѣшить, о комъ идетъ рѣчь.

Вѣдь то же самое было бы и у насъ, если-бы не было въ обычаѣ присвоивать человѣку не только имя и отчество, но и фамилію.

А какъ на зло, туземцы крайне консервативны и подражательны въ выборѣ именъ своимъ дѣтямъ. Чаще всего дается имя дѣдушки, а такъ какъ вообще имена у сартовъ въ большинствѣ представляютъ эпитеты Божіи вродѣ: Милостивый, Милосердый, Всемогущій и т. п., то въ извѣстной мѣстности или селеніи то и дѣло встрѣчаются люди, носящіе одни и тѣ же имена.

Вотъ и приходится найти средства для того, чтобы отличить другъ отъ друга одноименныхъ Абдуррахмановъ, Мухамеджановъ, Фармановъ, Назаровъ и т. п.

Для отличія прежде всего къ имени добавляется приставка, характеризующая того или другого человѣка по происхожденію, занятіямъ или какому другому признаку.

Ведущіе свой родъ непосредственно отъ Мухаммеда прибавляютъ къ своему имени и отчеству слово „саидъ", или „ходжа". Совершившему паломничество въ Мекку и Медину къ имени прибавляется слово „хаджа" (совершившій хаджъ—

паломничество). Грамотный человѣкъ прибавляетъ къ своему имени слово „мулла“ *), писарь—слово „мирза“, старшина—слово „аксакалъ“, народный судья—слово „казы“ и т. д.

Когда человѣкъ имѣетъ право на одну изъ подобныхъ пояснительныхъ приставокъ къ своему имени, тогда и выдѣлить его изъ ряда одноименныхъ лицъ не трудно, но вѣдь бываютъ и такіе люди, которые ничѣмъ особеннымъ не отличаются и потому права на пояснительную приставку къ имени своему не имѣютъ.

Тогда то народъ прибѣгаетъ къ прозвищамъ и начинаетъ одного Ахмада звать косымъ, другого рябымъ и т. д., причиняя этимъ нѣкоторое неудовольствіе носящимъ нелестныя прозвища.

Считается неприличнымъ въ собраніи говорить съ кѣмъ либо изъ присутствующихъ по секрету или на такомъ языкѣ, который знакомъ не всѣмъ присутствующимъ. Нехорошо также подмигивать кому нибудь глазами или моргать бровями, съ цѣлью дать что нибудь понять одному такъ, чтобы не поняли другіе.

Такой пріемъ допускается лишь въ томъ случаѣ, если хозяину придетъ надобность подобнымъ знакомъ что нибудь указать слугѣ, или слуга найдетъ нужнымъ что нибудь передать хозяину такъ, чтобы этого не замѣтили присутствующіе въ собраніи.

---

*) У татаръ, словомъ мулла обозначается званіе настоятеля мечети, по здѣшнему имамъ; въ Туркестанѣ же слово мулла обозначаетъ только, что носящій такое названіе—грамотенъ по туземному.

Если двумъ лицамъ, присутствующимъ въ собранiи, всетаки случайно понадобится переговорить о чемъ нибудь между собою по секрету отъ другихъ присутствующихъ, то было бы крайне неприлично третьему человѣку приближаться къ говорящимъ, или стараться подслушать, о чемъ они бесѣдуютъ.

ГЛАВА IV.

Приличія, соблюдаемыя въ отношеніяхъ супруговъ между собою, а также при посѣщеніи кѣмъ-либо общественныхъ бань.

Мужъ въ отношеніяхъ къ женѣ долженъ соблюдать слѣдующее:

Прежде всего, человѣкъ, намѣревающійся жениться, долженъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы избрать себѣ въ подруги жизни дѣвушку нравственную и честную. Нѣкоторые законовѣды совѣтуютъ, чтобы женихъ и невѣста однажды передъ сводьбой повидались другъ съ другомъ, но по общепринятому у нашихъ осѣдлыхъ туземцевъ (сартовъ и таджиковъ) это совершенно недопустимо.

Къ счастью, мѣстныя условія, сама природа и въ этомъ случаѣ приходитъ на помощь брачущимся. Совершенно рѣдкій лучай представляютъ браки лицъ, живущихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга. Гораздо чаще, можно сказать почти всегда, женихъ и невѣста—дальніе родственники или жители одного города, даже одного прихода (михалля). Дѣвочки лѣтъ до 10—12 ходятъ съ открытыми лицами и, если въ дѣтскихъ играхъ и проводятъ время

среди своихъ подругъ, то все же не скрываются отъ своихъ ровесниковъ-мальчиковъ и встрѣчаются съ ними близъ своихъ домовъ. Такимъ образомъ вся молодежь одного и того же прихода хорошо знаетъ другъ друга и, когда приходитъ время жениться, товарищи дѣтства вовсе не нуждаются въ разрѣшеніи повидаться другъ съ другомъ однажды до свадьбы, они и такъ давно уже знакомы между собою. Выбирать жениху невѣсту не приходится. Въ большинствѣ случаевъ, выборъ невѣсты вполнѣ зависитъ отъ воли родителей и заботливые родители часто уговариваются между собою относительно будущихъ брачныхъ союзовъ своихъ дѣтей еще тогда, когда будущіе женихъ и невѣста находятся въ колыбели. Съ этого времени и начинается уплата калыма (брачнаго вознагражденія) за невѣсту. Дѣти растутъ, а родители въ это время сводятъ свои счеты по брачному вознагражденію и, къ наступленію брачнаго возраста жениха и невѣсты, матеріальная сторона брака вполнѣ опредѣлена. Конечно, и такая предусмотрительность не исключаетъ возможности неисполненія даннаго обѣщанія.

Невѣста должна быть дѣвица, говорятъ дальше правила, но, конечно, нерѣдки и случаи браковъ съ вдовами, только эти послѣднія считаются менѣе желательными и оплачиваются значительно меньшимъ брачнымъ вознагражденіемъ родителей. Сумма брачнаго вознагражденія вдовы почти вдвое меньше, чѣмъ за дѣвушку. Даже разрѣшеніе на совершеніе брака, выдавае-

мое казіемъ (народный судья) имаму мѣстной мечети, оплачивается въ случаѣ брака со вдовой только 1 рублемъ, а не 2-мя, какъ при выходѣ замужъ дѣвицы.

При выборѣ невѣсты женихъ долженъ подбирать дѣвушку, которая была бы моложе его по возрасту, ниже ростомъ, не обладала бы большими средствами, чѣмъ онъ самъ, и не была бы болѣе знатнаго, чѣмъ женихъ, происхожденія. Красотой же своей, качествами характера, учтивостью и нѣжностью невѣста должна превосходить жениха.

Слѣдуетъ избѣгать жениться на женщинахъ неспособныхъ къ дѣторожденію, а также на такихъ вдовахъ, которыя способны растратить имущество своего второго мужа на дѣтей своихъ отъ перваго брака, и на такихъ, которыя способны упрекнуть мужа принесеннымъ ему богатымъ приданымъ, или своимъ высокимъ происхожденіемъ.

Бѣдному человѣку не слѣдуетъ жениться на вдовѣ богатаго, такъ какъ такая женщина, привыкшая къ роскошной жизни, будетъ страдать въ бѣдной обстановкѣ. Нехорошо также жениться на женщинѣ съ дурнымъ характеромъ. Люди за глаза осудятъ и ее и ея мужа за скверный характеръ жены.

Есть еще женщины, которыя на видъ красивы, чисты и нравственны, а на самомъ дѣлѣ вовсе не таковы. Слѣдуетъ избѣгать жениться на такихъ женщинахъ, напоминающихъ траву, вырастающую изъ кучи навоза.

Мужъ долженъ хорошо обращаться съ своей женой, быть съ ней привѣтливымъ, безъ причины не ссориться съ ней и не гнѣваться, этого требуетъ снисходительность, потому что жена—все равно, что плѣнникъ, а къ плѣннымъ слѣдуетъ относиться милостиво.

Провинности жены слѣдуетъ переносить терпѣливо и, если жена даже позволитъ себѣ что нибудь дурное въ словахъ или дѣйствіяхъ, мужъ все-таки долженъ стараться не выходить изъ себя и обращаться съ ней хорошо и справедливо.

Если жена сильно разгнѣвается, то мужу слѣдуетъ похлопать ее по спинѣ рукой и сказать: „о, злодѣй, наставляющій людей на все дурное, выйди тотчасъ-же изъ этого прекраснаго тѣла".

Это дѣлается для того, чтобы діаволъ, который забрался между кожей и мясомъ и производитъ гнѣвъ, удалился бы немедленно и гнѣвающаяся жена успокоилась бы.

Довольно оригинально объясненіе гнѣва и очень хорошъ пріемъ для окончанія вспышки у домашняго очага, если только хлопанье рукой по спинѣ производится не особенно сильно и не переходитъ въ побои.

Семейству своему, и бѣднымъ родственникамъ глава семьи долженъ доставлять все необходимое для существованія и при этомъ всѣ деньги и предметы, имъ доставляемые, должны быть чисты и добыты вполнѣ законнымъ путемъ (халяль), но, если на содержаніе семьи не хватаетъ такихъ чистыхъ средствъ и приходится обратиться къ предметамъ сомнительнаго свойства

(шубха), но, конечно, не запрещеннымъ, то на пищу и питье слѣдуетъ доставлять средства и предметы непремѣнно безусловно чистые, а сомнительныя средства тратить на одежду и другія потребности семьи.

Это правило объясняется тѣмъ, что мусульмане придаютъ громадное значеніе увѣренности въ чистотѣ и законности употребляемыхъ въ пищу и хозяйственномъ обиходѣ предметовъ.

Есть вещи совершенно запрещенныя, поганыя (харамъ), какъ мясо свиньи, мясо хищныхъ животныхъ, вино и т. п.

Другіе предметы относятся къ числу непристойныхъ (макрухъ), есть и сомнительные, вопросъ о законности которыхъ неодинаково трактуется различными законовѣдами.

Весьма подробно разработанъ вопросъ о вещахъ дозволенныхъ и недозволенныхъ въ т. IV книги „Хидая“, изданной въ русскомъ переводѣ подъ редакціей Н. И. Гродекова. Въ этомъ сочиненіи, весьма почитаемомъ нашими среднеазіатскими туземцами, желающіе могутъ найти всѣ подробности, приводить же ихъ здѣсь считаемъ затруднительнымъ.

Относясь къ женѣ съ подобающей нѣжностью и снисходительностью, не слѣдуетъ, однако, впадать въ крайность и вполнѣ подчиняться вліянію жены. Отъ времени до времени надо дать ей почувствовать главенство мужа въ семьѣ, постращавъ иногда жену при удобномъ случаѣ.

Въ видахъ охраненія нравственности жены, не слѣдуетъ никогда давать своего согласія на то,

чтобы посторонніе, запрещенные для женщины люди, посѣщали женскую, внутреннюю половину дома. Не надо также дозволять женѣ посѣщать кладбище, когда тамъ собирается много народа. Жена также не должна посѣщать мечети, публичныя собранія для слушанія проповѣдей, не слѣдуетъ отпускать жену и на моголюдныя семейныя торжества (той) и поминки.

Такъ говорятъ строгія правила, но жизнь всегда выдвигаетъ нѣкоторые компромиссы и женщины посѣщаютъ и кладбища и многолюдныя собранія, только въ свой день, когда мужчины уже не являются, и потому опасность нарушенія супружескаго долга меньше. Какъ и вездѣ, запрещеніе вызываетъ нарушенія и туземныя женщины ухитряются, при своемъ затворническомъ положеніи, грѣшить не меньше, чѣмъ женщины остального міра. Иногда даже покрывало и обычай, запрещающій глядѣть на постороннюю женщину, помогаютъ женской интригѣ. У меня былъ въ Старомъ Ташкентѣ сосѣдъ, уважаемый ходжа, уже довольно почтеннаго возраста, который покоя не зналъ отъ шалостей своей молоденькой, хорошенькой жены. Самъ онъ мнѣ разсказывалъ, что жена проводитъ въ домъ своихъ обожателей въ женской верхней одеждѣ и подъ волосянымъ покрываломъ, а когда ревнивый мужъ, убѣжденный въ измѣнѣ жены, порывается войти въ домъ, чтобы уличить преступницу на мѣстѣ преступленія, жена кричитъ ему изъ-за запертойдвери: „кши баръ!“ т. е., въ комнатѣ есть женщина, на которую тебѣ смотрѣть не дозволено, и мужу приходится

оставить свое намѣреніе накрыть жену съ любовникомъ.

Можно было бы, конечно, рискнуть войти, но это опасно потому, что грозило бы мужу не только скандаломъ, но и взысканіемъ по приговору народнаго судьи, въ томъ случаѣ, если бы на этотъ разъ у жены дѣйствительно сидѣла въ въ гостяхъ чужая женщина.

Жена въ своихъ отношеніяхъ къ мужу должна соблюдать слѣдующее: когда ей явится нужда выйти изъ дома, она должна спросить на это разрѣшенія мужа, безъ разрѣшенія мужа ей воспрещено также пускать кого либо въ домъ или тратить деньги и имущество.

Какъ мы видѣли выше, не всегда женщина строго придерживается правила никого не пускать въ домъ безъ позволенія мужа, но когда ей это нужно, она тотчасъ вспоминаетъ правило и заявляетъ, что мужа нѣтъ дома и отворить дверь посѣтителю она не вправѣ. То-же касается и тратъ изъ средствъ и имущества мужа. Всѣ сарты жалуются, что туземныя женщины страшныя мотовки, и денегъ своихъ женамъ не поручаютъ никогда, а предпочитаютъ хранить деньги чаще всего въ лавкѣ, гдѣ торгуютъ, или въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстечкѣ, куда не добраться хозяйкѣ дома.

Помню, въ 1892 году, въ Старомъ Ташкентѣ были крупные народные безпорядки изъ за санитарныхъ мѣропріятій и тогдашнему Военному Губернатору Н. И. Гродекову пришлось ввести въ старый городъ войска. Мы съ казаками

въѣхали въ длинные крытые пассажи центральнаго базара и генералъ Гродековъ приказавъ мнѣ очистить базаръ отъ торговцевъ требованіемъ разойтись по домамъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго нарушенія порядка и столкновеній съ войсками. Торговцы что-то возились у своихъ лавокъ и Н. И. Гродековъ сердился. Я зналъ, въ чемъ дѣло, и успокоилъ генерала, пояснивъ, что надо дать время торговцамъ выбрать изъ лавокъ хранящіяся тамъ деньги и запереть лавки, что вскорѣ и было ими исполнено. Всѣ разошлись по домамъ безъ всякаго сопротивленія.

У осѣдлыхъ туземцевъ мало любви между мужемъ и женой, въ большинствѣ случаевъ бракъ выливается лишь въ форму физическаго сожитія, не согрѣтаго любовью супруговъ и не спаяннаго взаимнымъ уваженіемъ; поэтому жена старается что-либо украсть изъ дома или истратить на пустяки, или снести своимъ родителямъ или родственникамъ. Мужа своего она не щадитъ, считая его тираномъ и не считаясь съ причиняемымъ ему ущербомъ.

Конечно, бываютъ и отрадныя исключенія, особенно, когда сартъ не женится на второй женѣ, а коротаетъ вѣкъ съ однажды избранной подругой. Тогда и привычка и дѣти связываютъ супруговъ и интересы дѣлаются общими.

Указанныя аномаліи въ бракѣ, какъ мы сказали, касаются только уклада жизни осѣдлыхъ туземцевъ—сартовъ и таджиковъ, у которыхъ женщина-одалиска съ закрытымъ лицомъ служитъ главнымъ образомъ для супружескихъ ласкъ. У

кочевника-киргиза супружескія ласки на второмъ планѣ, а жена съ открытымъ лицомъ является въ домѣ полновластной хозяйкой и самой усердной работницей. Все въ домѣ отъ нея и черезъ нее. Киргизка бережетъ скотъ и добро мужа, бездѣльникъ-киргизъ во всемъ зависитъ отъ своей умной и дѣятельной „байбичи" и отлично сознаетъ свое положеніе, похожее на положеніе трутня въ пчелиномъ ульѣ.

Жена и у кочевниковъ окружаетъ мужа полнымъ почтеніемъ, она работаетъ, не покладая рукъ, какъ раба, но выросшая на свободѣ супруга является въ полномъ смыслѣ хозяйкой и, рачительно сберегая каждый грошъ, старается увеличить благосостояніе семьи. О кражахъ изъ дома женой тутъ не можетъ быть и рѣчи, киргизкѣ нечего красть, когда у нея все на рукахъ и ключи отъ сундуковъ съ добромъ и деньгами болтаются у хозяйки сзади, представляя подвѣсокъ къ ея длиннымъ густымъ косамъ твердыхъ и толстыхъ волосъ.

Дальше правила предписываютъ женѣ охотно, безъ всякаго принужденія, исполнять свои обязанности, какъ хозяйки дома.

Сартянка плохая хозяйка и норовитъ всю работу по возможности свалить на наемную прислугу или какую-нибудь бѣдную родственницу, живущую въ домѣ изъ-за хлѣба. Сама „хозяйка" наряжается, играетъ на струнномъ инструментѣ и сплетничаетъ сплетничаетъ безъ конца, тѣмъ болѣе, что времени свободнаго хоть отбавляй, а мужа почти всегда цѣлый день нѣтъ дома, такъ

какъ онъ или ремесленникъ или торговецъ и весь день вынужденъ проводить въ мастерской или въ лавкѣ.

Свое настроеніе жена должна стараться согласовать съ настроеніемъ мужа: когда мужъ веселъ, и жена должна сохранять веселое настроеніе духа, а когда онъ печаленъ, жена должна постараться своимъ настроеніемъ выразить участіе къ заботамъ и огорченіямъ мужа.

Жена должна довольствоваться тѣми средствами и удобствами, какія мужъ въ состояніи доставить ей по своему достатку, а не требовать отъ него невозможнаго и лишняго.

Въ религіозно-нравственныхъ законахъ у мусульманъ строго опредѣленъ тотъ minimum всякаго рода продуктовъ, какіе мужъ долженъ доставлять семьѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, носитъ названіе „нафака" и мужъ, который не въ силахъ и это необходимое содержаніе доставить своему семейству, рискуетъ, что жена предъявитъ къ нему искъ у казія и, въ случаѣ неуплаты положеннаго, будетъ требовать развода по всѣмъ правиламъ шаріата (мусульманскій религіозно-нравственный кодексъ).

Если мужъ умретъ раньше жены, то послѣдняя обязана носить по немъ трауръ, а если она желаетъ соединиться съ своимъ мужемъ въ загробной жизни, то не должна вновь выходить замужъ, а доживать вѣкъ вдовой.

Вдова у сартовъ не теряетъ своего положенія въ обществѣ и самостоятельно распоряжается дѣлами семьи и своими средствами, только къ

сиротамъ, если таковые остались послѣ умершаго отца, народный судья назначаетъ опекуна, который и ведетъ дѣла сиротъ до ихъ совершеннолѣтія, отдавая въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ народному судьѣ.

У киргизъ вдова составляетъ собственность рода и, по смерти мужа, обязана стать женой одного изъ братьевъ умершаго. Въ этомъ случаѣ желаніе ея не имѣетъ значенія и, если-бы вдова вздумала запротестовать, то ее привлекутъ за это къ отвѣтственности у народнаго судьи и будутъ требовать, чтобы вдова подчинилась обычаю.

Дѣйствительно, если разсматривать въ этомъ случаѣ женщину только какъ предметъ, за который въ свое время былъ внесенъ извѣстный выкупъ въ видѣ калыма, или брачнаго вознагражденія, то родъ остался бы въ убыткѣ, если бы вдова вышла замужъ вторично не за близкаго родственника своего покойнаго мужа и ушла бы на сторону. Поэтому-то подобные иски къ вдовѣ всегда удовлетворяются и народные судьи приговариваютъ: такой-то вдовѣ стать женой такого-то родственника покойнаго ея мужа. Не соображаются при этомъ съ тѣмъ, что пожилая женщина можетъ стать женой мальчика, а молоденькая вдова достанется дряхлому старику на горе себѣ и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Обычай деспотъ межъ людей. . . . . . и надо охранить прежде всего матеріальный интересъ рода.

Прежде подобные приговоры народныхъ су-

дей исполнялись безпрекословно и вдову водворяли силою къ новому постылому мужу, но теперь русскія власти не берутъ на себя отвѣтственности за такое насиліе надъ личностью и, въ случаѣ постановленія подобнаго приговора, спрашиваютъ вдову. Если она согласна итти замужъ за указаннаго ей обычаемъ родствениика покойнаго, она идетъ, если же не желаетъ, то никто ее и не принуждаетъ, и предоставляется родственникамъ покойнаго мужа вдовы вчинить искъ о возвратѣ брачнаго вознагражденія къ ней самой или ея родителямъ, въ свое время получившимъ за нее калымъ.

Среди живущихъ въ Туркестанѣ европейцевъ, а также въ мѣстной повременной печати нерѣдко слышатся сѣтованія на звѣрскій киргизскій обычай заставлять вдову какъ вещь переходить, по смерти мужа, въ обладаніе совершенно ей нежелательнаго новаго мужа. Этотъ обычай, дѣйствительно, совершенно игнорируетъ личность вдовы, отдаетъ ее иногда совершенно неподходящему человѣку, это сторона, такъ сказать, нравственная, духовная. Съ этой стороны обычай, дѣйствительно, жестокъ и непріятенъ, но, какъ говорятъ, во всякомъ худѣ есть добро и родъ, посягая на свободу вдовы, какъ женщины, какъ личности, въ то же время вполнѣ обезпечиваетъ сиротъ, вводя ихъ полноправными членами въ родъ ихъ отца. Дѣти покойнаго, безъ всякаго усыновленія, сразу становятся своими въ семьѣ и дальнѣйшая забота о нихъ всецѣло лежитъ на томъ же родѣ.

У насъ, европейцевъ, никто не подумаетъ стѣ-

снять вдову въ ея дѣйствіяхъ послѣ смерти мужа, она свободна вдовѣть, или вторично выйти замужъ, за кого она сама пожелаетъ, но зато сколько же вдовъ и сиротъ бѣдствуютъ у насъ потому, что некому о нихъ позаботиться по смерти единственнаго ихъ кормильца.

Киргизы не знаютъ ни пріютовъ для сиротъ, ни вдовьихъ домовъ, потому что у нихъ рушившіяся за смертью отца семьи тотчасъ находятъ себѣ въ родѣ законное пристанище и являются вполнѣ обезпеченными на всю жизнь.

Объ этомъ приходится всегда вспоминать, когда въ обществѣ слышишь сѣтованія на грубый произволъ у киргизъ по отношенію къ женщинѣ, лишившейся мужа.

При посѣщеніи общественныхъ бань, необходимо руководствоваться слѣдующими правилами:

Когда банщикъ подаетъ тазъ и полотенце, надо брать то, что даютъ, а не выбирать по своему вкусу. Слѣдуетъ пользоваться услугами подошедшаго массажиста, а не дѣлать выбора между ними. Входя въ баню, слѣдуетъ вступить въ помѣщеніе лѣвой ногой, а выходя оттуда, нужно непремѣнно ставить на землю правую ногу. Такъ указано въ правилахъ омовенія (тааратъ), а баня—та же комната для омовеній.

Часть тѣла отъ таліи до колѣнъ (ауратъ) слѣдуетъ открывать только въ мѣрѣ необходимости, когда моются, и, какъ только можно, скорѣй закрывать, не смотря на то, есть-ли еще въ банѣ посѣтители, или нѣтъ. Неприлично смотрѣть на открытыя упомянутыя части тѣла у другихъ, или

заставлять безбородыхъ юношей мыть себя, или дѣлать массажъ.

Тщательное закрываніе частей тѣла отъ таліи до колѣнъ (ауратъ) очень строго соблюдается мусульманами. Это категорическое предписаніе религіи до того вошло въ сознаніе народа, что вызвало какую-то особенную стыдливость между лицами одного и того же пола, чего не наблюдается у европейскихъ народовъ. У насъ войти совершенно нагимъ въ общую комнату общественныхъ бань вполнѣ допустимо; мусульманинъ же, прежде чѣмъ войти въ такую общую баню, особымъ полотенцемъ (люгги) обертываетъ свои бедра и всѣми силами старается открываться возможно меньше, только пока моется. Купаться мусульманамъ можно только въ исподнемъ бѣльѣ, хотя бы и не было при этомъ другихъ мужчинъ. Всѣ женщины, даже самыя бѣдныя, непремѣнно носятъ красныя кумачевыя панталоны, тоже для исполненія требованія имѣть закрытымъ ауратъ.

Болѣе привычные къ русскимъ обычаямъ туземцы, вслѣдствіе указанныхъ стѣсненій, предпочитаютъ, вмѣстѣ съ своими семьями, посѣщать русскія номерныя бани, гдѣ надъ ними не тяготѣютъ трудноисполнимыя правила.

Моясь въ банѣ, не слѣдуетъ понапрасну расходовать слишкомъ много воды, а, поливая голову, дѣлать это осторожно, чтобы вода не попадала на близсидящихъ людей.

Экономное расходованіе воды объясняется тѣмъ, что въ большинствѣ туземныхъ бань нѣтъ

водопроводовъ и воду для мытья приходится носить въ бурдюкахъ, что требуетъ много хлопотъ со стороны прислуги въ банѣ.

Остерегаться пролить капли воды съ себя на другого, помимо непріятности для сидящаго рядомъ чувствовать на себѣ паденіе капель воды, когда окатывается сосѣдъ, приходится и потому еще, что окатившая голову сосѣда вода считается уже нечистой и можетъ загрязнить только-что вымывшагося сидящаго рядомъ человѣка.

Подходя за водой къ цистернѣ (ахуръ), не слѣдуетъ торопиться взять воду раньше другихъ и не надо толкаться. Торопиться брать воду для омовенія позволительно только въ томъ случаѣ, если уже близокъ часъ молитвы.

Не слѣдуетъ брать слишкомъ много воды въ тазъ сразу. Лучше наполнить тазъ водой до половины. Выходя изъ парильни, слѣдуетъ принять отъ слуги ту простыню и полотенце, какія онъ подаетъ, а не выбирать и не выказывать тѣмъ брезгливости къ людямъ, прежде пользовавшимся этими вещами, какъ бы считая себя только одного чистымъ, а всѣхъ остальныхъ людей грязными. Напротивъ, слѣдуетъ считать всѣхъ людей чистыми.

Передъ выходомъ изъ бани слѣдуетъ уплатить причитающееся банщику, массажисту, путадору (подававшему полотенце) и цирульнику, чтобы не огорчить кого-либо изъ нихъ.

Выходя изъ бани въ пріемную, гдѣ въ это время находятся вымывшіеся люди, умѣстно будетъ привѣтствовать ихъ словами: „Богъ очистилъ

васъ омовеніемъ въ банѣ“ или другими подходящими выраженіями.

Это—замѣна нашего привѣтствія „съ легкимъ паромъ“, которое раздается въ нашихъ коммерческихъ баняхъ, особенно въ Москвѣ.

ГЛАВА V:

Приличія, соблюдаемыя при посѣщеніи больныхъ, а также когда посѣщаютъ семьи, гдѣ кто-нибудь умеръ.

Каждый обязанъ навѣстить своего знакомаго, если узнаетъ, что онъ боленъ. Будь то болѣзнь глазъ, зубная боль, нарывъ, или какая-нибудь другая болѣзнь—все равно надо навѣстить больного, чтобы освѣдомиться о состояніи его здоровья.

При посѣщеніи больного надо спрашивать его не только объ одной какой-нибудь болѣзни, а вообще о состояніи его здоровья.

Если заболѣетъ невѣрный, то его необходимо навѣстить, только при посѣщеніи все время имѣть въ умѣ намѣреніе обратить этого невѣрнаго, послѣ выздоровленія, къ вѣрѣ Ислама. Непозволительно было-бы навѣщать больного невѣрнаго, разсчитывая этимъ вниманіемъ снискать его расположеніе и, послѣ его выздоровленія, войти съ нимъ въ дружбу. Во все время посѣщенія слѣдуетъ мысленно читать молитву, чтобы Богъ обратилъ невѣрнаго на истинный путь.

Войдя къ больному, слѣдуетъ придать лицу своему выраженіе привѣтливости и расположенія.

Не слѣдуетъ для визита къ больному одѣвать ни новаго платья, ни самаго стараго, а какое носится обыкновенно.

Войдя въ комнату больного съ улыбкой на устахъ, надлежитъ сѣсть подлѣ больного, у его изголовья, не смотрѣть долго и пристально въ лицо больному, а, положивъ руку на лобъ или на руку больного, спросить его, какъ онъ чувствуетъ себя днемъ и ночью.

Не слѣдуетъ навѣщать больного ежедневно, этимъ его можно утомить и причинить ему огорченіе. Послѣ каждаго визита къ больному слѣдуетъ выждать два дня, а на третій вновь пойти провѣдать больного.

Больного слѣдуетъ утѣшать, говоря ему, что болѣзнь послана ему Богомъ для искупленія грѣховъ, какъ испытаніе. Потомъ надо спросить больного, не чувствуетъ ли онъ желанія что-нибудь скушать или выпить, и, если больной попроситъ чего-нибудь невреднаго для него, то постараться самому доставить больному просимое, или приказать найти и доставить его роднымъ.

Если пришедшій навѣстить больного знаетъ какое-нибудь лекарство отъ постигшей его знакомаго болѣзни, умѣстно будетъ посовѣтовать испытать это средство, если оно, конечно, не содержитъ въ себѣ чего-нибудь поганаго, какъ вино, лягушка и т. п.

У больного не слѣдуетъ долго засиживаться, развѣ, если самъ больной попроситъ гостя подольше посидѣть съ нимъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ исполнить желаніе больного, но оставшись,

надлежитъ стараться развлечь больного веселыми, пріятными для него разговорами.

За общее правило слѣдуетъ принять, что продолжительность визита къ больному не должна превышать промежутка времени, необходимаго для доенія четвероногаго животнаго и извѣстнаго подъ названіемъ „хальбъ“.

Уходя послѣ посѣщенія больного, слѣдуетъ сложить руки краями ладоней для молитвы и прочесть молитву: „Великій Боже, помоги ему, пошли ему исцѣленіе“, затѣмъ слѣдуетъ попросить и больного помолиться о благополучіи навѣстившаго его, такъ какъ молитвы больного столь же спаси тельны и угодны Богу, какъ молитвы ангеловъ.

По-персидски больного зовутъ „биморъ“, что буквально означаетъ „безъ змѣи“, это потому, что здоровый человѣкъ гораздо легче забываетъ о Богѣ и тогда его дыханіе столь-же вредно, какъ укушеніе змѣи. Больной же человѣкъ естественно непрестанно думаетъ о Богѣ и потому дыханіе его не вредно. Потому-то больного и слѣдуетъ просить помолиться о приходящемъ его навѣстить во время болѣзни.

Если пришедшій навѣстить больного застанетъ его уже близкимъ къ кончинѣ, то пришедшій долженъ произнести исповѣданіе вѣры „нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммедъ Его посланникъ“ такъ громко, чтобы больной непремѣнно услышалъ эти слова. Если до слуха больного долетятъ только первыя слова исповѣданія „нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха“, то и этого будетъ совершенно достаточно для спасенія его души.

Умирающему посѣтитель обязанъ напомнить о предстоящемъ страшномъ судѣ, посовѣтовать ему раскаяться въ своихъ грѣхахъ и сдѣлать завѣщаніе.

Когда человѣкъ заболѣлъ, онъ долженъ твердо усвоить себѣ увѣренность въ томъ, что болѣзнь послана ему Богомъ, какъ испытаніе, а испытаніе необходимо сносить терпѣливо и со смиреніемъ, не выражая неудовольствія. Поэтому, если больной стонетъ, онъ долженъ стараться не допустить свои помыслы до ропота на Бога. Если болитъ голова, то и стонъ свой больной долженъ относить къ этой боли, произнося „о голова!“ Голову слѣдуетъ повязать платкомъ, это успокаиваетъ головную боль. Лучше всего будетъ вообще, если и стоны свои больной будетъ уподоблять произнесенію прекрасныхъ именъ Божіихъ и, вмѣсто стона, будетъ произносить одинъ изъ эпитетовъ Бога, напримѣръ: „о, всесильный, о сущій, живый“ и т. п.

По мусульманскимъ вѣрованіямъ, Аллахъ имѣетъ неисчислимое множество качествъ въ превосходной степени и всѣ эти качества, въ видѣ эпитетовъ Бога, въ глазахъ мусульманъ имѣютъ особую чудодѣйственную силу, а потому произнесеніе одного изъ такихъ именъ Бога приноситъ человѣку несомнѣнную пользу. На этомъ основано суфійское мистическое упражненіе „зикръ“, вродѣ нашего сектантскаго радѣнія, во время котораго мистики доводятъ себя до экстаза продолжительнымъ повтореніемъ какого-нибудь эпитета Божія, сопровождая свои возгласы

раскачиваніемъ туловища или другими тѣлодвиженіями.

Эти мистическія радѣнія происходятъ въ большинствѣ случаевъ въ мечетяхъ подъ руководствомъ суфійскихъ наставниковъ (ишанъ, пиръ, мюридъ). Объ отношеніяхъ учениковъ къ учителю-мистику упоминалось выше, въ главѣ о приличіяхъ въ собраніи.

Во время продолжительной хронической болѣзни надлежитъ непрестанно славословить и благодарить Бога, а не просить себѣ кончины.

Если-же, наконецъ, истощится терпѣніе и человѣкъ, по волѣ Божіей, принужденъ будетъ просить себѣ у Бога смерти, то просьбу эту слѣдуетъ выразить такъ: „Боже, сохрани меня въ живыхъ, если это будетъ для меня хорошо, и пошли мнѣ кончину, если умереть для меня будетъ лучше, чѣмъ жить“.

Мусульмане вѣрятъ, что есть виды смерти, сами по себѣ обезпечивающіе умершему райское блаженство. Они называютъ „шахидомъ“, т. е. удостоеннымъ райскаго блаженства, всякаго моментально убитаго какимъ-либо оружіемъ, а также воиновъ, погибшихъ на полѣ сраженія въ войнѣ съ невѣрными.

Очевидно, что завѣтную мечту каждаго мусульманина составляетъ желаніе умереть „шахидомъ“ и просить Бога объ этомъ дозволительно. Также можно просить Бога, чтобы онъ послалъ человѣку смерть во время его паломничества въ священныя области Мекки и Медины, что тоже

обезпечиваетъ, послѣ смерти, райское блаженство.

Приближаясь къ смерти, человѣкъ долженъ искренно покаяться въ своихъ грѣхахъ и затѣмъ проникнуться надеждой, что Богъ будетъ къ нему милостивъ и проститъ ему всѣ его прегрѣшенія. Далѣе, слѣдуетъ уплатить всѣ свои долги, примириться со всѣми родными и знакомыми, испросивъ у нихъ прощенія за всѣ причиненныя имъ обиды и непріятности, и просить у Бога снисхожденія въ послѣдній день, т. е. во время страшнаго суда.

Передъ смертью слѣдуетъ сдѣлать завѣщаніе о погребеніи: чтобы похоронили въ хорошемъ мѣстѣ, побольше заплатили омывальщику и могильщику и послѣ смерти молились объ умершемъ. Всѣ эти предсмертныя распоряженія существенно необходимы.

Послѣднія минуты умирающій долженъ посвятить чтенію Корана и читать изъ него возможно больше. Если самъ умирающій неграмотенъ, или не въ силахъ уже читать священную книгу, то надо заставить читать вслухъ другого человѣка, а больной долженъ въ это время думать только о предстоящемъ страшномъ судѣ и правильно судить о концѣ міра, что все произойдетъ, какъ о томъ учитъ вѣра Ислама.

Слѣдуетъ завѣщать женѣ, дѣтямъ и родственникамъ, чтобы они не предавались отчаянію по поводу понесенной ими въ лицѣ умершаго утраты, но и за это славили Бога, вполнѣ подчиняясь его волѣ.

При приближеніи смертнаго часа умирающій долженъ мысленно просить у Бога помощи и снисхожденія, а въ самый моментъ смерти надо произнести исповѣданіе вѣры, стараясь, чтобы этимъ и закончить жизнь, чтобы слова „нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммедъ Его посланникъ“ замерли на устахъ отходящаго въ лучшій міръ.

Если мусульманинъ услышитъ о смерти своего единовѣрца, то онъ долженъ произнести стихъ Корана (гл. 2 ст. 151). „Тѣ, которыхъ постигнетъ какое-либо бѣдствіе, говорятъ: мы во власти Бога и къ Нему мы возвратимся“, а если услышитъ, что умеръ иновѣрецъ, то мусульманину слѣдуетъ произнести: „слава Богу за то, что Онъ послалъ помощь мусульманамъ и возвеличилъ вѣру“.

Семью умершаго слѣдуетъ навѣстить и высказать утѣшенія по поводу понесенной утраты. Конечно, это касается только семей умершихъ мусульманъ.

Когда совершено посмертное омовеніе умершаго, тѣло его обернуто саваномъ и положено въ открытый гробъ „табутъ“, то выносящіе покойника на кладбище должны двигаться молча, но въ душѣ обязаны произносить имена Божіи.

Мусульмане хоронятъ своихъ умершихъ безъ гроба, покойника несутъ на кладбище въ особыхъ носилкахъ, представляющихъ открытый ящикъ съ поручнями, сверху завѣшанный кисеей. Могила роется въ двѣ камеры: сверху боль-

шая яма, а изъ нея небольшое очко, чтобы только можно было пронести тѣло въ другую, ниже расположенную яму, которая собственно и представляетъ могилу. Здѣсь, въ нижней ямѣ, дѣлается нѣчто въ родѣ скамьи изъ грунта, съ открытымъ надъ ней бокомъ могилы, на это то плоское возвышеніе и кладутъ на бокъ тѣло умершаго, обернутое кисейнымъ саваномъ, такъ, чтобы лицо его было обращено въ сторону Каабы, мусульманской святыни въ священныхъ областяхъ Мекки и Медины. Нижняя камера землей не засыпается, а входное отверстіе насухо закладывается комками глины (гуаля), которые туземцы употребляютъ для постройки своихъ каркасныхъ, или фахверковыхъ, домовъ.

Верхняя яма засыпается вынутой изъ могилы землей, но такъ какъ ея вынуто больше, чѣмъ можетъ пойти на засыпаніе одной только ямы, то надъ могилой выростаетъ небольшой холмикъ и мусульманскія кладбища, особенно старинныя, растутъ вверхъ, со временемъ образуя довольно высокія горки, въ срединѣ и по краямъ городовъ и селеній.

Описанный способъ погребенія въ сравнительно глубокихъ могилахъ примѣняется не вездѣ. Глубокую яму можно рыть только тамъ, гдѣ низка почвенная вода, гдѣ же вода стоитъ высоко, тамъ яму не приходится рыть вовсе, а строятъ изъ глины, комковъ или кирпича особыя продолговатыя, со сводчатымъ верхомъ склепы, въ средину которыхъ и вкладываютъ тѣло покойника, закладывая отверстіе кирпичемъ.

Такія надземныя кладбища крайне негигіэничны, почти всегда на нихъ слышенъ запахъ разлагающихся труповъ, а собаки нерѣдко вырываютъ изъ такихъ могилъ части погребенныхъ.

Мусульмане не придаютъ никакого значенія явной антисанитарности своихъ кладбищъ и русскимъ властямъ не мало было хлопотъ, чтобы удалить кладбища изъ густо населенной части Стараго Ташкента и перенести ихъ за городъ.

Могилы умершихъ мусульманъ имѣютъ вездѣ однообразный видъ, не принято ставить намогильныхъ памятниковъ, т олько иногда кладутъ небольшую мраморную плиту съ надписью объ имени погребеннаго.

Женщины не должны провожать тѣло умершаго родственника до кладбища. Имъ дозволяется провожать только до дверей дома, гдѣ жилъ и умеръ покойный.

На кладбищѣ послѣ того, какъ тѣло умершаго будетъ предано землѣ, одинъ изъ присутствующихъ на похоронахъ мусульманина, конечно взрослый, для котораго всѣ религіозныя обязанности стали обычнымъ дѣломъ, долженъ стать у изголовья могилы и громко произнести: „О такой-то (имя умершаго), сынъ такого-то (имя отца умершаго), произнеси исповѣданіе вѣры, съ которымъ ты ушелъ изъ міра, скажи: нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, Богъ одинъ, у него нѣтъ сотоварищей, Мухаммедъ—твореніе Божіе, Его посланникъ, пророкъ; не сомнѣвайся, что настанетъ страшный судъ и Богъ оживитъ людей, лежащихъ въ могилахъ. Скажи: я благодаренъ Богу, благодаренъ

Ему за вѣру Ислама, къ которой я принадлежу; Мухаммедъ пророкъ, правозвѣстникъ этой вѣры, я благодаренъ ему за то, что мусульмане сдѣлались моими братьями. Обо мнѣ заботящійся Богъ, нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, Мухаммедъ Его посланникъ".

Находящіеся въ домѣ умирающаго, услышавъ о его кончинѣ, должны произнести вышеприведенный стихъ Корана: „Тѣ, кого постигнетъ какое-либо бѣдствіе, говорятъ: мы во власти Бога и къ Нему мы возвратимся!" и „о Боже! за понесенную нами утрату, пошли намъ милость и награду". Послѣ этого, всѣ домашніе должны терпѣливо сносить горе.

Это послѣднее правило глубоко вкоренилось въ міровоззрѣніе мусульманъ. Они спокойно относятся къ смерти близкихъ, памятуя, что: Богъ далъ, Богъ и взялъ, и смерть одного изъ членовъ мусульманскаго семейства не производитъ того тяжелаго, удручающаго впечатлѣнія, какъ у европейскихъ народовъ. Обрядность совершенно отсутствуетъ, тѣло разсматривается, какъ предметъ нечистый, мѣшающій чистотѣ дома, гдѣ умеръ человѣкъ, и чистотѣ окружающихъ, касавшихся до покойника. Тѣло спѣшно омывается особымъ имѣющимся въ каждомъ приходѣ омывальщикомъ (югучи, мурдашу) и какъ можно скорѣй выносится изъ дома на кладбище, гдѣ и предаетя землѣ.

Такая поспѣшность несомнѣнно даетъ въ результатѣ нѣкоторый процентъ заживо погребенныхъ летаргиковъ, но мусульмане не придаютъ

этому обстоятельству никакого значенія и даже не думаютъ о возможности такъ ошибиться. Имъ кажется, что окружающіе всегда могутъ точно опредѣлить, что смерть наступила уже, и что больше безпокоиться не о чемъ.

О летаргическомъ снѣ мусульмане не имѣютъ никакого понятія, въ ихъ книгахъ ничего объ этомъ не говорится, случаевъ обнаруженія погребенія заживо не описано и потому мусульмане спѣшатъ съ погребеніемъ, не думая о возможности предать землѣ мнимо умершаго. Ими руководитъ только желаніе поскорѣй освободить домъ и семью отъ трупа, считающагося нечистымъ.

Плачъ по умершемъ, и даже очень громкій плачъ, одѣтыхъ въ трауръ женщинъ входитъ въ ритуалъ похоронъ; долго послѣ погребенія можно по плачу узнать, гдѣ недавно умеръ человѣкъ, но плачъ этотъ противорѣчитъ правиламъ, предписаннымъ религіей, и осуждается мусульманскими законовѣдами.

Повидимому, обычай оплакивать покойниковъ и причитать при этомъ громко, обращаясь къ личности умершаго, есть пережитокъ язычества. На это указываетъ одна подробность, на которую приходится обратить вниманіе. Женщины, одѣтыя въ траурныя одежды темно-синяго цвѣта, оплакиваютъ покойника, не сидя на мѣстѣ, а обходя кругомъ мѣсто, гдѣ лежитъ покойникъ, помахивая платкомъ и приплясывая въ тактъ причитанія. Это напоминаетъ какой-то погребальный танецъ древнихъ и священные обходы кругомъ

Каабы, которые мусульмане совершаютъ во время паломничества въ Мекку.

Во время плача по покойномъ часто слышится повторенie слова „айналяйко“, что буквально означаетъ: „обойду-ка я кругомъ тебя“ и въ то же время выражаетъ нѣжное обращенie къ покойному, какъ у насъ сказали бы „милый“. Вотъ эти то обходы кругомъ мѣста, гдѣ лежитъ покойникъ, и притопыванія намъ кажутся унаслѣдованными отъ далекихъ временъ язычества, когда идолопоклонники совершали такie обходы вкругъ идоловъ въ честь ихъ, при религiозныхъ собранiяхъ.

Правила приличiй категорически воспрещаютъ громкiй плачъ по покойномъ и даже тѣ законовѣды, которые считаютъ такой громкiй плачъ небольшимъ грѣхомъ, совѣтуютъ лучше отъ него воздерживаться.

Въ преданiяхъ имѣются указанiя на то, что умершiй испытываетъ муки въ могилѣ, если его домашнie громко о немъ плачутъ и причитаютъ.

Тотчасъ послѣ окончанiя похоронъ, всѣмъ присутствовавшимъ при погребенiи рекомендуется разойтись и обратиться къ обычнымъ своимъ занятiямъ. Нехорошо даже для чтенiя Корана оставаться на кладбищѣ или въ другомъ мѣстѣ. Это было бы несвоевременно, такъ какъ для чтенiя Корана въ поминанie объ умершихъ установлены особые дни поминовенiя усопшихъ.

Неприлично воздвигать на могилахъ умершихъ мусульманъ возвышенiя изъ жженаго кирпича или камня въ видѣ конуса или другой формы, а также зажигать на могилѣ свѣчи.

Такъ говорятъ правила, но наблюдаются исключенія: нѣкоторые богатые мусульмане строятъ на могилахъ своихъ родныхъ такъ называемые „гумбазы“, т. е. сводчатыя зданія, въ которыхъ удобно было бы совершать поминовенія усопшихъ. Обыкновенно мѣсто, гдѣ погребенъ умершій, или гдѣ вообще хоронятъ членовъ извѣстной семьи, покрывается особымъ сводомъ и только дверью или окномъ съ рѣзною рѣшеткой соединяется съ сосѣднимъ помѣщеніемъ, гдѣ молятся и читаютъ Коранъ по покойномъ.

Мусульманскіе правители считали богоугоднымъ дѣломъ строить мавзолеи надъ могилами умершихъ святыхъ и провозвѣстниковъ Ислама.

Такія грандіозныя постройки всего болѣе воздвигались Тамерланомъ (XIV в.) и въ Самаркандѣ до сего времени свидѣтельствуютъ о былой славѣ Ислама въ Туркестанѣ.

Такіе же по замыслу мавзолеи, но меньшихъ размѣровъ и проще украшенные, встрѣчаются на всей территоріи русскихъ средне-азіатскихъ владѣній, въ Хивѣ и Бухарѣ. На могилахъ святыхъ по четвергамъ зажигаютъ свѣчи или особые масляные святильники, масло для которыхъ жертвуютъ посѣтители могилы святого, сливая его въ особый сосудъ.

Посѣщеніе могилъ умершихъ съ цѣлью поклоненія и поминовенія усопшихъ (зіаратъ), по возможности частое, весьма похвально для мужчинъ. Посѣщеніе могилы родителей необходимо потому, что могилутого, кто не забы-

валъ посѣтить могилы своихъ родителей, будутъ посѣщать ангелы.

Женщинамъ также не воспрещается посѣщать могилы, съ цѣлью поклоненія и совершенія молитвъ по усопшимъ.

Посѣщая кладбище, надо совершить всѣ многочисленныя указанныя для этого случая молитвы, прочесть установленныя главы Корана и заслугу всего этого богоугоднаго дѣла просить Бога зачесть въ заслуги покоящихся на кладбищѣ умершихъ.

При посѣщеніи могилы святого слѣдуетъ всѣ мысли свои благоговѣйно сосредоточить на воспоминаніяхъ о жизни святого и поклоненіи ему. Придя на могилу, надо прочесть всѣ указанныя молитвы и главы Корана и затѣмъ просить у святого помощи и заступничества на страшномъ судѣ.

Могиламъ умершихъ слѣдуетъ оказывать уваженіе. Это выражается тѣмъ, что не принято на кладбище въѣзжать верхомъ, неприлично ступать ногами на могилу, а если-бы понадобилось ступить на могилу, надо снять калоши. Неприлично садиться, или ложиться на могилу, а также исполнять вблизи могилъ естественныя надобности, это грѣшно *).

*) Туземцы вѣрятъ, что оскорбленіе могилъ какимъ-либо непристойнымъ дѣйствіемъ тотчасъ наказывается. Такъ, въ саду при домѣ Военнаго Губернатора Самаркандской области одному изъ губернаторовъ, по просьбѣ работающихъ въ саду, пришлось построить въ одномъ мѣстѣ небольшой мавзолей для того, чтобы отмѣтить предполагаемое мѣсто погребенія какого-то неизвѣстнаго мусульманскаго святого.

Женщины должны только изрѣдка посѣщать могилы умершихъ и непремѣнно каждый разъ съ разрѣшенія своихъ мужей.

Совершая обычныя повседневныя моленія (намазъ) на кладбищѣ, грѣшно обращаться лицомъ къ могилѣ, а не къ Каабѣ, какъ это указано всѣмъ мусульманамъ. Обращаться къ могилѣ лицомъ можно только совершая молитвы объ умершемъ, или читая похоронныя молитвы, если таковыя (джаназа) не были прочитаны во время погребенія. По мнѣнію многихъ законовѣдовъ, можно читать молитвы похоронныя и послѣ погребенія.

Похвально посѣщать могилы родителей для совершенія молитвъ за умершихъ, но неприлично постоянно пребывать на кладбищѣ, гдѣ погребены родители, и устраивать себѣ временныя помѣщенія вблизи могилъ родителей, это грѣшно.

Раньше, до прихода русскихъ, мѣсто, отведенное подъ губернаторскій садъ, занято было большимъ мусульманскимъ кладбищемъ, а потомъ посадили деревья и совершенно забыли о клабдищѣ. Однако, пришлось вспомнить, когда съ рабочими, работавшими въ саду и не особенно ревниво оберегавшими святость могилъ, позволившихъ себѣ вблизи нихъ, по невѣдѣнію, отправлять свои естественныя нужды, стали случаться непонятныя непріятности. Одинъ вдругъ почернѣлъ, сильно захворалъ и умеръ, другому топоръ, соскочивъ съ топорища, разрубилъ ногу и т. п. Сарты тогда обратили вниманіе на растущій въ одномъ мѣстѣ колючій кустарникъ „чингиль“, обыкновенно растущій на кладбищахъ, и рѣшили, что тутъ-то и должна быть могила святого. Пришлось отдѣлить мѣсто мавзолеемъ неизвѣстному святому и всѣ непріятности прекратились сразу.

ГЛАВА VI.

О приличіяхъ, соблюдаемыхъ во время угощенія, при ѣдѣ и питьѣ.

Когда кто-нибудь пожелаетъ принять въ своемъ домѣ гостей, онъ долженъ пригласить не только богатыхъ своихъ знакомыхъ, но вмѣстѣ съ ними и бѣдныхъ. Къ этому обязываютъ правила гостепріимства и самъ Мухаммедъ сказалъ: „плоха та пища, которую подаютъ, пригласивъ только богатыхъ и не пригласивъ также нуждающихся“.

Это прекрасное правило гостепріимства остается, однако, мертвой буквой. И у мусульманъ приглашаютъ на угощеніе только тѣхъ, кто самъ въ состояніи пригласить къ себѣ. Исключеніемъ являются приглашенія на семейныя торжества обрѣзанія сына или свадьбы дочери. На эти такъ называемые „тои“ уже не гостепріимство, а тщеславіе вынуждаетъ приглашать какъ можно больше людей для того, чтобы потомъ разнеслась слава о богатомъ „тоѣ“ такого-то. Въ этихъ необычныхъ случаяхъ даже самый бѣдный человѣкъ зоветъ къ себѣ весь приходъ, а богачи собираютъ гостей со всего города, посылая приглашенія пятидесятнику и имаму каждой мечети и еще нѣсколькимъ прихожанамъ каждаго квартала.

Набирается иногда нѣсколько тысячъ человѣкъ и, конечно, среди нихъ попадаются и бѣдные и богатые люди.

И приглашеніямъ на „той“ ведется счетъ. Каждый, побывавшій на семейномъ праздникѣ, тѣмъ самымъ обязывается въ свою очередь пригласить и къ себѣ на „той“ хозяина угощенія.

Обычай сопровождать семейные праздники многолюдными сборищами тяжело ложится на бюджетъ нашихъ туземцевъ. Многіе положительно раззоряются послѣ такихъ пріемовъ гостей. Сѣтуютъ всѣ, но никто не рѣшается первымъ нарушить обычай.

У киргизъ столь-же убыточнымъ является такъ называемый „асъ“—поминки по умершимъ родственникамъ съ обильнымъ угощеніемъ, подарками и скачками. Однако, тамъ нѣсколько выручаетъ родовое начало и родовичи матеріально поддерживаютъ общее для всего рода торжество поминокъ.

Приглашая къ себѣ отца, необходимо пригласить и его сына, а если, во время передачи приглашенія, въ домѣ приглашаемаго будутъ находиться его близкіе родственники, то надо позвать ихъ всѣхъ, было-бы невѣжливо обойти ихъ приглашеніемъ.

Принимать приглашенныхъ гостей надо какъ можно радушнѣе, угощать ихъ какъ можно лучше и оказывать имъ возможно больше уваженія и почтенія. Предупредительность и исключительная заботливость по отношенію къ приглашеннымъ въ гости обязательны для хозяевъ до исте-

ченія трехъ дней; начиная же съ четвертаго дня можно уже нѣсколько меньше заботиться о гостяхъ.

Не слѣдуетъ, въ ожиданіи гостей, покрывать стѣны своего дома матеріями или коврами, это грѣшно; но разстилать изукрашенныя рисунками матеріи и ковры на полъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сядутъ гости—можно, не надо только разстилать шелковыя матеріи и шкуры хищныхъ животныхъ.

По приходѣ гостя слѣдуетъ какъ можно скорѣй подавать кушанья, приготовленныя для угощенія, и не заставлять гостя долго ждать; не слѣдуетъ подавать лишнее кушанье противъ того, что гость въ состояніи скушать. На столъ слѣдуетъ подавать хлѣбы (лепешки) въ нечетномъ числѣ и притомъ столько, сколько нужно по числу гостей, чтобы не было излишняго, непроизводительнаго расхода, и, если одинъ хлѣбъ разломанъ для угощенія, то не слѣдуетъ ломать другой хлѣбъ, пока не скушаютъ первый—это была-бы непроизводительная трата (исрафъ).

Когда кушанье подано, хозяинъ долженъ пригласить гостя начать кушать, однако, приличіе требуетъ, чтобы хозяинъ первый протянулъ руку къ кушанью. Наоборотъ, вытирать руки послѣ ѣды хозяинъ долженъ, выждавъ, когда это сдѣлаетъ гость. Впрочемъ, это соблюдается только при угощеніи малознакомыхъ, если-же гость — близкій знакомый или другъ, то, пригласивъ его кушать, хозяину не слѣдуетъ первому протягивать руку къ пищѣ. Будетъ весьма спасительно (савабъ) и похвально, если хозяинъ, вмѣсто при-

глашенія гостя начать кушать тѣлодвиженіемъ, скажетъ, обращаясь къ гостю: „Во имя Бога милостиваго, милосерднаго", или „прошу васъ откушать". Если хозяинъ приглашаетъ гостя начать кушать словами „Во имя Бога милостиваго, милосерднаго", то въ это время, въ душѣ, онъ долженъ имѣть намѣреніе напомнить этими словами гостю, что, приступая къ ѣдѣ, необходимо призвать благословеніе Божіе, просто-же замѣнить этими словами пригласительную фразу— нехорошо. Не слѣдуетъ особенно назойливо упрашивать гостя кушать, достаточно повторить приглашеніе три раза.

Во время угощенія хозяинъ долженъ сообразоваться со вкусами и аппетитомъ гостя: пока гость кушаетъ, и хозяину слѣдуетъ кушать, составляя гостю компанію. Кончилъ гость кушать—и хозяину слѣдуетъ перестать ѣсть. Во время угощенія дозволяется даже прекратить постъ по желанію (руза-и-нафль), если хозяинъ до прихода гостя соблюдалъ такой постъ.

Самыя вкусныя и изысканныя блюда слѣдуетъ предлагать гостю, а хозяину слѣдуетъ ѣсть то, что похуже и попроще, если же кушанья приготовлено мало и видно, что гость обладаетъ хорошимъ апетитомъ, то хозяину надлежитъ ѣсть какъ можно меньше, чтобы побольше осталось на долю гостя.

По окончаніи угощенія, если гость пожелаетъ удалиться, не надо его особенно упрашивать еще остаться, а послѣдовать за нимъ и проводить до выхода изъ дома, такъ же, какъ встрѣчаютъ гостя

у входа въ домъ. Когда гость уходитъ, надо выразить ему признательность за посѣщеніе, сказавъ: „вы сдѣлали намъ честь своимъ посѣщеніемъ, да воздастъ вамъ за это Всевышній своею милостью".

Не слѣдуетъ допускать особенной роскоши въ угощеніи, чтобы похвастаться своимъ гостепріимствомъ или затмить другихъ.

Выше было изложено, какія обязанности налагаетъ гостепріимство на хозяина по отношенію къ гостю, но надо знать и гостю, какъ подабаетъ вести себя, получивъ приглашеніе въ домъ знакомаго на угощеніе.

Принять приглашеніе обязательно даже въ томъ случаѣ, если бы хорошо было извѣстно, что приглашающій для угощенія гостя въ состояніи купить только одну ляшку баранины. Будь то значительный человѣкъ или бѣднякъ,—никого не слѣдуетъ обижать отказомъ, а слѣдуетъ принять приглашеніе и пойти въ гости, куда зовутъ.

Получивъ приглашеніе въ то время, когда человѣкъ соблюдаетъ необязательный постъ (руза и нафль), слѣдуетъ прервать постъ и итти въ гости.

Тутъ надо объяснить, что у мусульманъ существуетъ постъ двоякій: одинъ, въ мѣсяцъ Рамазанъ, такъ называемый постъ „Руза-и-фарзъ" составляетъ для каждаго мусульманина важную религіозную обязанность, по значенію равную уплатѣ „зякета", молитвѣ и паломничеству въ Мекку; въ теченіе этого мѣсяца всѣ мусульмане должны воздерживаться отъ пищи, питья и сно-

шеній съ женами отъ восхода до заката солнца. Такимъ образомъ, постъ состоитъ не въ выборѣ пищи, какъ у насъ, а во временномъ воздержаніи въ теченіе полусутокъ. Конечно, никому и въ голову не придетъ во время такого обязательнаго поста позвать кого-нибудь къ себѣ въ гости на угощеніе. Зовутъ и въ посту, но вечеромъ, на „ифтаръ“, разговляться послѣ утомительнаго дневного поста и эти собранія бываютъ очень веселы и оживленны, такъ какъ всѣ собирающіеся искренно рады тому, что еще одинъ день поста прошелъ и можно всласть покушать, выпить много чаю и покурить.

Другой постъ, „руза-и-нафль“, не обязателенъ и каждый мусульманинъ можетъ соблюдать такой постъ по своему усердію, когда хочетъ и сколько хочетъ. Вотъ такой-то необязательный постъ и дозволяется прервать для того, чтобы воспользоваться приглашеніемъ и не обидѣть зовущаго въ гости своимъ отказомъ.

Относительно приглашенія на свадебный пиръ мнѣнія ученыхъ зконовѣдовъ расходятся: одни утверждаютъ, что обязательно итти по приглашенію на свадьбу, другіе же находятъ, что послѣдовавшій приглашенію на свадебный пиръ совершаетъ похвальное дѣло (авабъ), но если кто и не пойдетъ по такому приглашенію, то въ этомъ нѣтъ грѣха.

Неприлично ходить въ гости, на угощеніе, не получивъ на то приглашенія. Если два лица одновременно приглашаютъ къ себѣ, то раньше слѣдуетъ посѣтить того изъ знакомыхъ, кто ближе

живетъ, если-же оба пригласившіе живутъ одинаково близко, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе тому изъ пригласившихъ, съ кѣмъ приглашенный ближе знакомъ, или друженъ.

Неприлично, будучи приглашеннымъ вести, съ собой въ гости еще и неприглашенныхъ. Если же какой-нибудь человѣкъ, не будучи приглашенъ, по своему почину послѣдуетъ въ гости за приглашеннымъ, то послѣдній у входа въ домъ долженъ сказать хозяину: „этотъ человѣкъ пришелъ по своей волѣ, безъ моего приглашенія. Если вамъ угодно—пусть войдетъ, если-же вы этого не желаете, то пусть удалится". Этимъ снимается нравственная отвѣтственность съ гостя за то, что съ нимъ пришелъ неприглашенный.

Отправляясь, по приглашенію, въ гости, слѣдуетъ дома настолько утолить свой голодъ, чтобы въ собраніи не выдѣляться изъ среды прочихъ гостей торопливостью въ ѣдѣ.

Придя въ собраніе, слѣдуетъ занять мѣсто, которое будетъ указано хозяиномъ. Слѣдуетъ принимать все, что предложитъ хозяинъ. Неприлично озираться по сторонамъ и разсматривать находящіяся въ помѣщеніи вещи. Также не слѣдуетъ давать хозяину указанія относительно приготовленія пищи и всего другого. Свое мнѣніе можно высказать только въ томъ случаѣ, если между гостемъ и хозяиномъ издавна существуютъ дружескія отношенія.

Неприлично гостямъ подавать другъ другу пищу руками, взявъ кушанье съ блюда. Допускается такъ передавать пищу прислугѣ или по-

вару, да и то лучше такъ не дѣлать. Общее правило обязываетъ не подавать руками пищи ни бѣдняку, ни собакѣ, ни кошкѣ.

По окончанiи угощенiя не слѣдуетъ, безъ разрѣшенiя хозяина, уносить домой что-нибудь изъ того, что осталось на столѣ. Пища подается на столъ для того, чтобы ее тутъ же кушали, а не для того, чтобы уносили домой. Нѣкоторые ученые указываютъ, однако, что если хозяинъ пира—суфи (мистикъ, дервишъ), а гости его—бѣдняки, то послѣднiе могутъ уносить съ собой остатки угощенiя, и не спрашивая разрѣшенiя хозяина.

Приведенное правило очень часто нарушается и никто за это не осуждаетъ гостей, уносящихъ домой нѣкоторую часть угощенiя.

При дворѣ Амира Бухарскаго принято, чтобы лица, которымъ предлагается такъ называемый „дастарханъ", угощенiе чаемъ, сладостями и фруктами, уносили съ собой все, что осталось на столѣ. Конечно, при прiемѣ русскихъ гостей все это поступаетъ въ распоряженiе дворцовой прислуги и изчезаетъ со стола мгновенно.

Въ 1894 году, въ день празднованiя Коронацiи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ Старомъ Ташкентѣ устраивалось угощенiе для 6—7 тысячъ туземцевъ, и тамъ обычай былъ соблюденъ: дастарханъ подавался на подносахъ, а подъ ними были разостланы коронацiонные платки, въ которые приглашенные гости завернули и унесли домой остатки угощенiя, подѣлившись такимъ образомъ со своими домашними сладостями, которыя подавались на Цар-

скомъ „тоѣ“, какъ назвали посвоему туземцы угощеніе по случаю Священнаго Коронованія Государя Императора.

Когда хозяинъ, по окончаніи угощенія, станетъ свертывать разостланную скатерть, на которой кушали гости, слѣдуетъ помолиться о благополучіи хозяина такъ: „О Боже! пошли изобиліе хозяину дома, предложившему угощеніе, и увеличь его достояніе своею милостью къ нему“.

Послѣ молитвы слѣдуетъ испросить разрѣшенія хозяина удалиться и послѣ этого уже не вести продолжительной бесѣды, такъ какъ извѣстно изъ преданія, что Мухаммедъ говаривалъ: „послѣ принятія пищи расходитесь поскорѣй“. Конечно, непозволительно уходить, не спросивъ на то позволенія хозяина.

При ѣдѣ и питьѣ слѣдуетъ руководствоваться слѣдующими правилами: нужно приступить къ ѣдѣ только тогда, когда хорошо проголодался, не надо ѣсть много, до пресыщенія, а лучше кушать не досыта, умѣренно.

Слѣдуетъ вообще остерегаться ѣсть пищу, о которой нельзя съ увѣренностью сказать, что она несомнѣнно чистая. Такой сомнительной пищи (шубха) даже и тогда, если голодъ заставляетъ ее ѣсть, надо кушать какъ можно меньше и въ душѣ чувствовать стыдъ и раскаяніе. Такъ приходится поступать, напр., въ томъ случаѣ, если нѣтъ основаній считать пищу поганой и недозволенной, но предлагается она человѣкомъ жестокимъ или не соблюдающимъ всѣхъ законовъ Ислама.

Трудный вопросъ о чистотѣ пищи ставитъ на-

шихъ мусульманъ въ особенное затрудненіе при посѣщеніи ими русскаго дома. Здѣсь все не по правилу: угощаетъ не хозяинъ, какъ у мусульманъ, а хозяйка, женщина. Очень трудно судить, находится-ли въ состояніи чистоты сама хозяйка и ея кухарка, приготовлявшая кушанье; неизвѣстно, какое мясо положено въ супъ и было-ли при убоѣ животнаго призвано имя Божіе, какъ это полагается при убоѣ животныхъ мусульманскими мясниками; наконецъ, часто подаютъ блюда, составъ которыхъ гостю неизвѣстенъ, потому онъ вправѣ предположить тамъ вещи, ему недозволенныя.

Хозяйка, не подозрѣвая о затрудненіи гостя, радушно приглашаетъ его откушать, а туземецъ мнется, стѣсняется и наконецъ выбираетъ изъ всего предложеннаго яйца, фрукты, чай или хлѣбъ, какъ предметы, которыхъ ему бояться нечего. Да и то, по правилу, старается съѣсть какъ можно меньше, чтобы и грѣха было поменьше.

Конечно, сказанное относится до туземцевъ, рѣдко посѣщающихъ русскіе дома, а если сартъ хорошо познакомился, да вдобавокъ еще знаетъ, что въ домѣ чистоплотная хозяйка и поваръ-мусульманинъ, онъ съ большимъ удовольствіемъ приходитъ къ обѣду и съ аппетитомъ кушаетъ разнообразныя русскія блюда.

Наши знакомые туземцы находятъ, что мы по сравненію съ ними ѣдимъ слишкомъ много и удѣляемъ пищѣ значительно больше вниманія, чѣмъ мусульмане, у которыхъ ѣдятъ и меньше и рѣже и болѣе однообразную пищу. Діэтетическія пра-

вила наши для извѣстнаго рода болѣзней почти совпадаютъ со взглядами на это дѣло туземцевъ, только баранье мясо они вовсе не считаютъ вреднымъ, а ѣдятъ его мало только по экономическимъ соображеніямъ, а не изъ боязни нажить подагру.

Для себя не слѣдуетъ стараться приготовить какую-нибудь особенную пищу, а надо довольствоваться тѣмъ, что приготовляется въ домѣ для всѣхъ, не исключая и прислуги. Не слѣдуетъ отказываться отъ пищи, которую обыкновенно ѣдятъ бѣдняки. Однако, если безъ требованія и настояній хозяина ему подадутъ какое-нибудь особенное, вкусное кушанье, то не слѣдуетъ отъ него отпираться.

Не слѣдуетъ ѣсть постоянно мясное, безъ перерыва, но не слѣдуетъ также и совсѣмъ безъ мяза 40 дней подъ рядъ *).

Мясо наши туземцы рѣшительно предпочитаютъ баранье и притомъ парное, отъ только-что зарѣзаннаго по всѣмъ правиламъ убоя (забхъ) барана мѣстной курдючной, или киргизской, породы. Дѣйствительно, эта баранина по своимъ вкусовымъ качествамъ и удобоваримости прекрасна, особенно, если баранъ откормленный на мясо (бурдакы). Степные бараны, довольствовавшіеся только пастбишемъ, не даютъ такого вкуснаго и жирнаго мяса. Мѣстная баранина вовсе не имѣетъ дурного запаха, которымъ отличаются русскія породы овецъ; пріѣзжающіе въ Турке-

*) Это, вѣроятно, чтобы не уподобиться христіанамъ съ ихъ 40 дневнымъ постомъ безъ мяса.

станъ изъ губерній внутренней Россіи довольно долго не ѣдятъ здѣсь баранины, пока какъ-нибудь случайно не попробуютъ жаркого изъ баранины и не убѣдятся, какъ рѣзко мясо это отличается отъ баранины, имѣющейся во внутренней Россіи.

Туземцы не только по вкусу предпочитаютъ баранину, они находятъ, что мясо это питательнѣе, чѣмъ коровье.

Пренебреженіе къ коровьему мясу въ своемъ основаніи имѣетъ, конечно, какъ и все въ Исламѣ, преданіе, въ которомъ говорится, что Мухаммедъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не вкушалъ мяса, почекъ, кишекъ и желудка коровъ. Но, кромѣ того, и скотъ рогатый здѣсь очень мелокъ и плохо упитанъ, такъ что живущіе въ Туркестанѣ не имѣютъ понятія о хорошей черкасской говядинѣ и лишены возможности провести правильное сравненіе отличной баранины съ отличнымъ же говяжьимъ мясомъ, а сравниваютъ ее лишь съ говядиной, которую и русскіе въ Туркестанѣ признаютъ никуда негодной и ѣдятъ только потому, что для супа другого мяса нѣтъ, а на жаркое можно всегда пользоваться хорошей бараниной.

Есть нѣкоторые продукты, которые слѣдуетъ остерегаться ѣсть или пить одинъ вслѣдъ за другимъ, такъ какъ это можетъ вредить здоровью человѣка. Такъ, послѣ рыбы не слѣдуетъ тотчасъ-же пить молоко и наоборотъ; вареное мясо не слѣдуетъ мѣшать съ жаренымъ, а сушеное или вяленое—со свѣжимъ.

Не слѣдуетъ ѣсть и пить одно за другимъ

два горячительныхъ или возбуждающихъ кушанья, или два прохладительныя, холодящія, два мягкія и нѣжныя или два твердыя и грубыя кушанья.

Наши туземцы придерживаются Гиппократовскаго дѣленія всѣхъ веществъ на горячительныя и холодящія и твердо знаютъ, какая пища къ какому разряду относится. Намъ трудно бываетъ подчасъ разобраться въ этомъ дѣленіи, такъ какъ, напр., баранье мясо туземцы считаютъ горячительнымъ, а коровье—холодящимъ, зеленый чай считаютъ горячительнымъ, а фамильный — холодящимъ и т. п. Вѣроятно, встрѣчаются и разномыслія по этому вопросу.

Слѣдующее, охраняющее здоровье правило прямо таки не знаешь, какъ и исполнить. Рекомендуется не ѣсть подъ рядъ два блюда, дѣйствующихъ на желудокъ закрѣпляюще, или два блюда послабляющихъ, или одно крѣпительное, а другое послабляющее.

Трудность исполненія этого правила заключается въ томъ, что какое бы блюдо ни захотѣлъ съѣсть человѣкъ, оно будетъ или крѣпительное, или послабляющее, а чередовать ихъ нельзя. Выходитъ, что лучше всего ограничиваться однимъ блюдомъ, что наши туземцы въ большинствѣ случаевъ (не говоря о пирахъ) и дѣлаютъ, ограничиваясь однимъ супомъ съ крупой къ обѣду и мяснымъ блюдомъ или пловомъ къ ужину. Фрукты, конечно, въ счетъ не идутъ, но нерѣдко лѣтомъ фрукты съ хлѣбомъ и чай составляютъ все продовольствіе небогатаго человѣка, даже

чернорабочаго, при усиленномъ физическомъ трудѣ.

Туркестанскій чернорабочій (мардекаръ) положительно поражаетъ своею выносливостью, при очень скудной пищѣ. День на югѣ длинный, солнышко восходитъ раньше 6 ч. утра, а рабочіе становятся на работу съ восходомъ солнца и работаютъ до заката въ $7^1/_2$ – 8 ч. вечера. И все это время, съ часовымъ отдыхомъ на обѣдъ, въ самое жаркое время дня, человѣкъ машетъ своимъ кетменемъ *), воздѣлывая землю подъ хлопчатникъ, чистя арыки (канавы для орошенія полей), или исполняя другія земляныя или садовыя работы. Рабочему такъ жарко, что онъ снимаетъ съ себя все платье и бѣлье, исключая покрывающихъ ауратъ штановъ, но до самаго вечера выдерживаетъ напряженіе, несмотря на то, что пища рабочихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ хлѣба, чая и фруктовъ. Хозяева берутъ рабочихъ на своихъ харчахъ и, конечно, не особенно любятъ тратиться на продовольствіе рабочихъ, тѣмъ не менѣе, силы находятся и рабочіе весьма продуктивно исполняютъ то, что имъ поручено. Правда, хозяину приходится самому присматривать за рабочими, но вѣдь безъ надзора и въ другихъ мѣстностяхъ не обходятся.

Рекомендуется дальше не ѣсть продуктовъ испорченныхъ или издающихъ дурной запахъ, какъ, напр., сырой лукъ и чеснокъ. Дѣлается при

*) Соединеніе мотыги съ лопатой, очень удобный инструментъ для всякаго рода земляныхъ работъ.

этомъ ссылка на примѣръ основателя Ислама, который такихъ овощей не вкушалъ вовсе.

Если пища готова и человѣкъ достаточно проголодался, то слѣдуетъ принимать пищу раньше обязательной повседневной молитвы (намазъ), такъ, чтобы ко времени намаза окончить ѣду и итти молиться. Но, если пища, пока человѣкъ молится, можетъ быть съѣдена, или сдѣлаться нечистой, или испортиться, то можно ѣсть, хотя бы пришло время намаза.

На практикѣ такіе случаи, конечно,—рѣдкость, потому что время пятикратныхъ молитвъ хорошо всѣмъ извѣстно и ѣда соображается съ часами молитвъ такъ, что одно другому не мѣшаетъ.

Ѣсть слѣдуетъ непремѣнно сидя въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ положеній: сѣсть, согнувъ колѣна, опираясь ляшками на икры, но не опуская живота на колѣни, такъ какъ это напоминало бы человѣка, лежащаго внизъ лицомъ, или сѣсть на лѣвую согнутую подъ себя ногу и поднять согнутое правое колѣно, или, наконецъ, опуститься на сѣдалище, поднявъ оба согнутыя колѣна.

Это правило соблюдается всѣми туземцами очень строго. Никто изъ нихъ ни за что не станетъ ѣсть стоя или лежа, но отступленіе отъ правила замѣчается лишь въ томъ, что многіе и при ѣдѣ сохраняютъ обычное положеніе сидящаго на полу, подогнувъ подъ себя обѣ ноги, что называется по-турецки.

Садясь къ ѣдѣ, слѣдуетъ непремѣнно снять калоши, если онѣ были на ногахъ, и сапоги, если это не были мягкіе козловые ичиги (махсы), кото-

рые носятся съ калошами. Это только напоминаніе приступающимъ къ ѣдѣ, потому что калоши непремѣнно снимаются при входѣ въ комнату, а сапоги безъ калошъ носятъ сравнительно немногіе, чаще всего чернорабочіе, поэтому намъ не случалось видѣть, чтобы туземцы передъ ѣдой снимали сапоги по этому правилу, если они не были сняты раньше для облегченія ногъ при работѣ или для омовенія ногъ.

Садящійся къ ѣдѣ обязывается также подвернуть подъ себя полы верхняго платья и засучить рукава халата.

Поданное кушанье лучше всего расположить на „суфра“ (скатерти изъ выдѣланной кожи) или на тканой скатерти, но не на столѣ съ высокими ножками. Можно подавать пищу и на столѣ съ низкими ножками.

Эта оговорка относительно вида стола врядъ ли вызвана нежеланіемъ подражать европейцамъ, а скорѣе, особенностями восточной обстановки.

Какъ сказано выше, мебели въ комнатѣ нѣтъ, сидѣть всѣмъ приходится на полу и понятно, что при такихъ условіяхъ удобнѣе всего располагать пищу на полу-же передъ сидящими или на низкомъ столикѣ.

Европейское вліяніе сказывается на угощеніяхъ туземцевъ, когда они принимаютъ у себя русскихъ. Въ первые годы послѣ занятія Туркестана и русскимъ, при посѣщеніи домовъ знакомыхъ туземцевъ, приходилось садиться на полъ, поджавъ ноги, и кушать съ общаго блюда руками; ложекъ, ножей и вилокъ не было въ обиходѣ туземца. Те-

перь прошло 50 лѣтъ и почти вездѣ, кромѣ развѣ самыхъ отдаленныхъ горныхъ селенiй или киргизскихъ ауловъ, можно найти и столъ и табуретку и европейскія принадлежности для стола. Руками ужъ ѣсть не приходится.

Измѣнилось и самое угощеніе. Туземцы сохранили свой дастарханъ—подачу сластей и чая прежде завтрака или обѣда, но это только формальность, желаніе всегда быть готовымъ къ пріему гостя и ни минуты не заставить его ждать угощенія. Дастарханъ къ приходу гостя стоитъ на столѣ, вы входите и тотчасъ-же подается чай. Сохранивъ дастарханъ по традиціи, туземцы изучили, однако, вкусъ европейцевъ и, приглашая къ себѣ въ гости, стараются предложить русскимъ посѣтителямъ угощеніе для нихъ подходящее. Правда и теперь иногда встрѣчаются, напр., посыпанные мелкимъ сахаромъ пирожки съ говядиной, но это уже рѣдкость, а въ большинствѣ случаевъ все поданное на столѣ ѣсть можно, не насилуя своего вкуса.

Богатые туземцы, приглашая въ гости русскихъ, зовутъ русскаго повара и угощаютъ на славу, разнообразя обѣдъ европейскими закусками и подавая гостямъ вино и пиво.

Только своему любимому кушанью плову наши туземцы отдаютъ особое предпочтеніе и, что-бы ни было за обѣдомъ, въ заключеніе подается непремѣнно пловъ. Случается это иногда и послѣ мороженаго. Что-же дѣлать, приходится мириться съ этой курьезной традиціей.

Какъ общее правило относительно подачи

кушаній, можно принять, что ѣсть за столомъ въ обычаѣ у царей, ѣсть на разостланой на полу скатерти—обычай всѣхъ восточныхъ народовъ, кромѣ арабовъ, которые, вмѣсто скатерти, употребляютъ выдѣланную кожу (суфра).

Посуда для ѣды должна быть деревянная или глиняная, это обязательно. Ѣсть на серебряной или золотой посудѣ грѣшно; посуда мѣдная, желѣзная или оловянная также не дозволена.

Ко времени прихода въ Туркестанскій край русскихъ, въ домахъ нашихъ средне-азіатскихъ туземцевъ было очень немного посуды вообще. Глиняная посуда употреблялась исключительно мѣстнаго издѣлія, а туземные гончары выдѣлывали только блюда, чашки, корчаги для воды и горшки для молока, все однообразной формы, видимо, давно еще усвоенной ихъ дѣдами и прадѣдами. Только блюда и чашки выходили изъ работы кустарныхъ мастеровъ украшенными глазурью съ рисунками, остальные-же сосуды имѣли видъ той глины, изъ которой ихъ выдѣлывали, грубо выдѣлывались и даже плохо держали воду.

Для содержанія масла выдѣлывались такой-же формы, какъ глиняные, сосуды изъ стружки при выдѣлкѣ кожъ.

Чай приготовлялся въ мѣдныхъ кувшинчикахъ (кумганъ), которые для кипяченія приставлялись бокомъ къ огню. Самовары считались рѣдкостью и были достояніемъ только богатыхъ людей. Встрѣчались иногда только такъ называемые бухарскіе самовары, представлявшіе собою тѣ-же большіе кумганы, только съ трубой посрединѣ

и отверстіями для притока воздуха при сожиганіи въ трубѣ угля. Въ этихъ самоварахъ можно было кипятить воду и заваривать чай въ чайникахъ.

Пили чай изъ небольшихъ чашечекъ китайскаго фарфора, привозившихся главнымъ образомъ изъ Кашгара, гдѣ фарфоръ выдѣлывается грубо. Такія-же чашки побольше размѣромъ служили для раздачи супа.

Такой недостатокъ посуды объясняется трудностью доставки всего хрупкаго изъ губерній внутренней Россіи, съ Ирбитской и Нижегородской ярмарокъ и, кромѣ того, малой потребностью въ посудѣ, такъ какъ зажиточныхъ людей въ то время было мало и рѣдко когда въ гости приглашалось значительное число лицъ одновременно.

Съ появленіемъ въ краѣ русскихъ туземцы стали присматриваться къ тому, какъ живутъ ихъ сосѣди, а благосостояніе туземнаго населенія стало расти съ каждымъ годомъ быстрѣй и быстрѣй. Тогда какъ раньше богачомъ считали человѣка имѣвшаго капиталъ въ 10—20 тысячъ рублей, теперь такихъ лицъ считаютъ заурядными лавочниками, а комерсантами считаютъ только милліонеровъ. Благодаря притоку денежныхъ средствъ, стали расти и потребности и полувѣковая совмѣстная съ русскими жизнь нашихъ туземцевъ рѣзко измѣнила весь обиходъ ихъ хозяйства, отразившись, между прочимъ, и на ихъ домашней утвари.

Теперь нѣтъ мало-мальски зажиточнаго дома,

гдѣ-бы не было самовара. Невѣстѣ въ приданое самоваръ дается непремѣнно. Глиняная кустарнаго издѣлія посуда сплошь замѣнена фаянсовыми издѣліями нашихъ русскихъ заводовъ, преимущественно Кузнецова и Гарднера. Чай пьютъ изъ стакановъ съ блюдцами и ложечками, блюда подъ мясо и пловъ подаются, или китайскія фарфоровыя, или русскія фаянсовыя, дастарханъ укладывается на стеклянныхъ вазахъ и блюдахъ. Тарелки мелкія и глубокія, ложки, ножи и вилки вошли во всеобщее употребленіе и очень рѣдко уже можно видѣть на столѣ, вмѣсто скатерти, простыню или пикейное одѣяло. Всѣ уже знаютъ теперь, что къ чему идетъ и зажиточный туземецъ старается даже щегольнуть передъ русскими своимъ умѣньемъ жить по-европейски.

Всѣ эти коренныя измѣненія въ укладъ жизни туземцевъ внесло завоеваніе края русскими и ежегодный притокъ русскихъ милліоновъ въ обмѣнъ за хлопокъ, воздѣлываніе котораго все больше и больше развивается въ Туркестанѣ.

Приступающіе къ ѣдѣ должны выждать, чтобы старшій изъ присутствующихъ протянулъ руку къ кушанью, и тогда только сами могутъ тоже начать кушать. Однако, и старшему не слѣдуетъ медлить. Онъ скорѣй долженъ начинать ѣсть, чтобы не заставлять ждать другихъ и кушанье не стыло.

Прежде, чѣмъ приступить къ ѣдѣ, необходимо прочесть установленную для того молитву, или хотя-бы произнести вслухъ: „Во имя Бога, милостиваго, милосерднаго“.

Начинать и кончать ѣду слѣдуетъ непремѣнно солью—таковъ обычай. Прежде, чѣмъ, приступая къ ѣдѣ, взять щепотку соли, необходимо вновь произнести: „Во имя Бога, милостиваго, милосерднаго“.

Соли туземцы наши придаютъ какое-то особое значенiе среди пищевыхъ продуктовъ. У нихъ не говорятъ, какъ у насъ: „я благодаренъ вамъ за вашу хлѣбъ-соль“, а только—„за соль“. Съѣденная въ домѣ соль навсегда обязываетъ человѣка признательности.

Можетъ случиться, что кто-нибудь, по забывчивости, передъ началомъ ѣды не произнесетъ положенной молитвенной фразы „Во имя Бога, милостиваго, милосердаго“. Въ такомъ случаѣ, если и за ѣдой человѣкъ вспомнитъ объ этомъ, ему слѣдуетъ исправить свою ошибку, произнеся: „Во имя Бога и начало и конецъ ѣды“.

Къ ѣдѣ слѣдуетъ относиться со вниманiемъ и не быть во время ѣды разсѣяннымъ. Нѣкоторые ученые признаютъ необходимымъ, чтобы каждый положенный въ ротъ кусокъ пищи сопровождался произнесенiемъ эпитета Божiя: „о, присносущный, о, присносущный“.

Пищу и питье надо брать непремѣнно правой рукой и ѣсть кушанья четырьмя пальцами правой руки, исключая мизинецъ. Однако, если иногда присоединится мизинецъ, то это ничего, только ужъ никогда не слѣдуетъ ѣсть пищу двумя пальцами.

Послѣднее запрещенiе кушать двумя пальцами врядъ-ли необходимо: пожалуй, нѣтъ такой пищи

которую, особенно въ горячемъ видѣ, можно было-бы взять двумя пальцами и положить въ ротъ.

Четырьмя пальцами туземцы отлично справляются безъ ножа и вилки. Почти всѣ кушанья подаются въ измельченномъ видѣ, напр., жаркое всегда кусочками и наибольшую трудность представляетъ разсыпчатая крупа плова; ѣсть пловъ руками умѣютъ весьма немногіе европейцы. А привычный туземецъ очень ловко беретъ какъ разъ четырьмя пальцами правой руки горсточку плова, которую очень удобно затѣмъ скушать сразу, на ладони сжимаетъ крупу въ комокъ и кладетъ въ ротъ, не просыпавъ ни крошки на скатерть.

Ѣсть супъ безъ ложки ужъ совсѣмъ кажется трудно, но и тутъ человѣкъ приспособляется: туземцы мочатъ въ супъ лепешки, наломанныя кусками, супъ отчасти впитывается и съ кусками лепешки руками-же передается въ ротъ, остальное-же выпивается черезъ край суповой чашки, которая подается, какъ у насъ тарелка, на каждаго человѣка. Такими-то пріемами ѣды туземцы свободно обходятся безъ ложки, ножа и вилки, а могутъ держать ихъ только для русскихъ гостей.

Конечно, такіе упрощенные пріемы вкушенія пищи не особенно по душѣ европейцамъ, привыкшимъ уже ѣсть совершенно въ другой обстановкѣ, но если мы вспомнимъ тѣ сравнительно недавнія времена, когда и при дворѣ французскихъ королей вилка только-что входила въ моду и представляла странное нововведеніе, то намъ придется согла-

ситься, что все въ жизни идетъ своимъ порядкомъ, что всѣ народы переживаютъ неизбѣжно всѣ стадіи развитія и вполнѣ послѣдовательно.

Сарты же говорятъ, что только рукой и можно съ аппетитомъ покушать плова, и наши принадлежности ѣды ихъ стѣсняютъ и нервируютъ, особенно, когда неумѣло взятые ножъ и вилка падаютъ за обѣдомъ изъ рукъ.

Когда подали блюдо съ кушаньемъ, сидящіе пододвигаются ближе къ ѣдѣ и располагаются вокругъ блюда. Брать пищу съ блюда слѣдуетъ прямо передъ собой, не выбирая лакомыхъ кусочковъ, лежащихъ на другой сторонѣ блюда, и только фрукты дозволяется брать со всего блюда, что понравится.

Къ хлѣбу и крошкамъ рекомендуется относиться съ особеннымъ вниманіемъ; хлѣбъ туземцы признаютъ продуктомъ священнымъ и принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы хлѣбъ не падалъ со стола на полъ.

Хлѣбъ, прежде чѣмъ начать кушать, полагается разломать на куски, будь онъ лепешка или вѣсовой хлѣбъ русскаго приготовленія. Дѣлается это непремѣнно обѣими руками и честь преломить хлѣбъ для гостей принадлежитъ хозяину угощенія, который исполняетъ это дѣло, не торопясь и аккуратно раскладывая куски хлѣба на скатерти. Какъ сказано было уже выше, ломается столько лепешекъ, сколько приблизительно могутъ скушать гости и, не съѣвъ наломанныхъ кусковъ, неломаютъ новой лепешки, чтобы не было непроизводительной траты хлѣба. Ножемъ хлѣбъ

не рѣжутъ, отъ цѣлой лепешки зубами не откусываютъ, все это считается неприличнымъ.

Не слѣдуетъ хлѣбомъ обтирать жиръ съ рукъ послѣ мясной пищи.

Если во время ѣды изо рта выпадетъ случайно крошка или зерно, то ихъ слѣдуетъ немедленно же вновь положить въ ротъ и съѣсть, — это, по мнѣнію туземцевъ, приноситъ много счастья. Разбросать крошки значило-бы обнаружить свою гордость и самонадѣянность.

Вотъ почему туземецъ, по окончаніи угощенія, очень осторожно свертываетъ съ краевъ разостланную скатерть, на которой кушали, и стряхиваетъ крошки по возможности въ огонь, считающійся средой чистой, или въ воду протекающаго вблизи канала.

Наши туземцы придаютъ такое громадное значеніе бережному и внимательному отношенію къ хлѣбу и считаютъ небреженіе къ нему такимъ тяжкимъ грѣхомъ, что по этому поводу создалась даже легенда, которую позволимъ себѣ привести.

Разсказываютъ, что одинъ купецъ до такой степени разбогатѣлъ, что сначала утратилъ счетъ своимъ капиталамъ, а потомъ началъ серьезно тяготиться своимъ богатствомъ, не зная, куда дѣвать постоянно притекавшія къ нему отовсюду деньги.

Купецъ одѣлилъ деньгами своихъ родныхъ, такъ что и тѣ стали богачами, сталъ благотворить ближайшимъ сосѣдямъ, односельцамъ, совершенно незнакомымъ бѣднякамъ, просто сорилъ

деньгами, но все это не оказало никакого влiянiя на тяготившее его богатство; чѣмъ больше человѣкъ тратилъ, тѣмъ больше посылалъ ему Богъ за его доброту и щедрость и богатство расло не по днямъ, а по часамъ.

Очень страдалъ богачъ и, наконецъ, рѣшился путешествiемъ разсѣять тяжелое нравственное состоянiе *). На верблюдѣ, съ нѣсколькими провожатыми, онъ пустился въ длинное путешествiе по степи и сразу почувствовалъ себя лучше. Онъ сразу отрѣшился отъ всѣхъ удобствъ жизни осѣдло живущаго богача и ему стало легче. Въ пути приходилось сильно утомляться, пить дурную воду, питаться черствыми лепешками и вообще отказывать себѣ во многомъ, но богачъ нисколько не сѣтовалъ на неудобства путешествiя.

Однажды, ѣдучи на верблюдѣ, богачъ почувствовалъ голодъ и вздумалъ, не останавливаясь и не безпокоя никого изъ своихъ спутниковъ, поѣсть лепешекъ, которыя были при немъ въ переметныхъ сумахъ. Доставъ лепешки, купецъ сталъ кушать хлѣбъ съ большимъ аппетитомъ, но или ходъ верблюда былъ очень непокоенъ и сѣдока трясло изъ стороны въ сторону, или просто богачъ привыкъ ко всему относиться легко и невнимательно, но произошло то, чего никакъ не должно было случиться у хорошаго мусульма-

*) Интересно отмѣтить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ описанъ въ газетахъ случай такихъ-же страданiй американскаго миллiардера, который выѣхалъ на своей яхтѣ въ море съ намѣренiемъ не возвращаться ранѣе 20 лѣтъ.

нина—нѣсколько кусковъ лепешки, которую ѣлъ богачъ, незамѣтно для него упали на землю.

Въ тотъ же день, прибывъ на ночлегъ, богачъ узналъ, что среди стадъ его барановъ, пасшихся въ этой степи, начался падежъ и значительная часть барановъ погибла. Богачъ не обратилъ на это извѣстіе никакого вниманія и поѣхалъ дальше, но чѣмъ дальше двигался онъ по своему пути, тѣмъ больше онъ получалъ тревожныхъ извѣстій о неблагополучіи въ его большомъ хозяйствѣ.

Тутъ были и пожары домовъ и лавокъ съ цѣннымъ товаромъ, и нападенія разбойниковъ на его караваны, и бѣгство его довѣренныхъ съ крупными суммами хозяйскихъ денегъ,—все это вело его къ раззоренію и скоро, возвратившись домой, богачъ могъ убѣдиться въ томъ, что въ самое короткое время онъ сталъ нищимъ, или какъ онъ и хотѣлъ, избавися отъ надоѣвшаго ему богатства.

Толкующіе эту легенду обращаютъ особенное вниманіе на небрежное отношеніе богача къ хлѣбу и этимъ именно объясняютъ быстрое изчезновеніе его богатства.

Весь проникнутый уваженіемъ къ хлѣбу, туземецъ никогда не дастъ куска хлѣба своей собакѣ и косо смотритъ на русскихъ, рѣшающихся на такое святотатство и кормящихъ своихъ собакъ хлѣбомъ.

Кушать рекомендуется медленно, не торопясь, такъ какъ торопливость въ ѣдѣ вредитъ пищеваренію и вызываетъ даже слѣпоту. Куски надо брать средніе—не слишкомъ большіе, но и не ма-

ленькіе и, положивъ кусокъ въ ротъ, стараться какъ можно лучше пережевать пищу, а не глотать торопливо плохо прожеванные куски.

Если пища окажется слишкомъ горячей, не слѣдуетъ дуть на нее, а выждать, пока она сама остынетъ, и тогда уже кушать.

Ротъ слѣдуетъ открывать лишь настолько, чтобы помѣстить взятый кусокъ. Положенную въ ротъ пищу слѣдуетъ пережевывать непремѣнно зубами, находящимися съ правой стороны, и ѣсть зубами лѣвой челюсти можно только въ томъ случаѣ, если ѣсть къ тому какая-нибудь другая уважительная причина.

Пока взятый кусокъ не пережеванъ и не проглоченъ, неприлично протягивать руку къ блюду за слѣдующимъ кускомъ, а откусивъ отъ куска, не слѣдуетъ класть вновь на блюдо оставшуюся его часть, или стряхивать приставшую къ рукѣ пищу въ посуду, изъ которой кушаютъ остальные присутствующіе.

Не слѣдуетъ кусокъ жирнаго мяса или что-либо подобное погружать въ поданный на столъ сосудъ съ уксусомъ. Въ уксусъ лучше погрузить хлѣбъ и уже на смоченный уксусомъ кусокъ хлѣба положить кусокъ мяса.

Эта оговорка вызвана тѣмъ, что при туземныхъ угощеніяхъ виноградный уксусъ (сирка) подается въ открытой чайной чашкѣ и, если бы всѣ гости вздумали мокать туда жирные куски мяса, то скоро на поверхности уксуса появился бы слой жира и уксусъ принялъ бы вовсе не аппе-

титный видъ. Конечно, и хлѣбъ мокать тоже не особенно хорошо и поэтому наиболѣе разумные туземцы уже ввели въ свой обиходъ наши сосуды для уксуса и даже цѣлые судки для пряностей. У такихъ хозяевъ гостямъ уже не приходится мокать жирные куски мяса въ чашку съ уксусомъ.

Не слѣдуетъ выколачивать находящiйся въ костяхъ жиръ о хлѣбъ, о край блюда, или о скатерть.

Во время ѣды грѣшно дремать, это себѣ позволяютъ только грубые язычники и четвероногiя животныя. Также не слѣдуетъ во время ѣды возвышать голосъ, говорить непрiятности присутствующимъ, или критиковать предложенное угощенiе.

По возможности, не слѣдуетъ ѣсть пищу одному, потому-что чѣмъ больше рукъ протягивеется къ пищѣ, тѣмъ болѣе Богъ ея посылаетъ на пользу людямъ и благосостоянiе хозяина дома увеличивается.

До самаго конца собранiя слѣдуетъ всѣми силами поддерживать миръ, согласiе и веселое расположенiе духа среди собесѣдниковъ, а вставать слѣдуетъ не раньше, какъ хозяинъ свернетъ скатерть, на которой подавалось угощенiе. Встать раньше дозволяется только въ виду какой-нибудь уважительной причины.

Если случится ѣсть за однимъ столомъ и изъ одной посуды съ одержимыми проказой, песью или чесоткой, не слѣдуетъ обнаруживать мнительности или брезгливости къ этимъ больнымъ,

а во всемъ положиться на Бога, произнося про себя: „Во имя Бога, на котораго полагаюсь".

Конечно, это правило приведено, какъ чистая теорія. Прокаженные всѣ наперечетъ извѣстны мѣстнымъ жителямъ и всѣ мусульмане такъ боятся заразы, что никому не приходитъ въ голову приглашать къ себѣ больного проказой.

Песь, или измѣненіе пигментаціи на рукахъ, болѣзнь, по мнѣнію врачей, совершенно незаразительная, но наши туземцы этому не вѣрятъ и остерегаются песевыхъ больныхъ еще больше, чѣмъ прокаженныхъ.

Больные проказой туземцы обыкновенно подъ давленіемъ общества выселяются въ особыя селенія, называемыя „махау-кишлакъ", по туземному названіе проказы „махау". Селенія эти вовсе не похожи на сколько-нибудь благоустроенныя лепрозоріи, тамъ нѣтъ ни подходящихъ помѣщеній, ни опредѣленнаго довольствія больныхъ, ни медицинской помощи. Обыкновенно „махау-кишлакъ" ютится гдѣ-нибудь на окраинѣ туземнаго города и представляетъ собою огороженный высокимъ глинобитнымъ заборомъ участокъ земли, съ самыми незамысловатыми постройками туземнаго типа. Въ этихъ-то холодныхъ зимой и нестерпимо жаркихъ лѣтомъ помѣщеніяхъ заживо погребаются ни въ чемъ неповинные страдальцы только потому, что они представляютъ своею болѣзнью опасность для общества здоровыхъ людей и это общество сильнѣе, чѣмъ немногочисленные несчастные.

Долгіе годы тянется проказа, всю жизнь свою

больные переносятъ страшныя мученія, пока придетъ избавительница—смерть, и даже самыя насущныя потребности прокаженныхъ остаются неудовлетворенными. Только по близости отъ Ташкента устроенъ довольно сносный лепрозорій для туземцевъ; во всѣхъ же другихъ мѣстахъ прокаженные предоставлены сами себѣ и помощи родныхъ. Родные не всегда въ силахъ достаточно обезпечить больного и потому, при въѣздѣ въ туземный городъ или значительное селеніе, почти всегда приходится видѣть прокаженныхъ мужчинъ и женщинъ съ обезображенными лицами и часто съ отпавшими уже руками или частями ногъ. Эти несчастные громко взываютъ о помощи къ проходящимъ и проѣзжающимъ и надо имѣть каменное сердце, чтобы не бросить мелкую монету въ протягиваемую къ благотворителю деревянную чашку.

Конечно, милостыня прокаженнымъ это только палліативъ. Самое появленіе этихъ больныхъ внѣ ихъ пріютовъ крайне опасно и хотѣлось-бы поскорѣе видѣть всѣхъ больныхъ этой страшной болѣзнью въ хорошо устроенныхъ пріютахъ-лепрозоріяхъ.

Рекомендуя во всемъ положиться на Бога и не бояться зараженія, правила предусматриваютъ, однако, и тотъ случай, когда мнительный человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ твердой увѣренности въ томъ, что, когда онъ во всемъ положился на Бога, то ему уже ничто не можетъ повредить. Въ такомъ случаѣ дозволяется избѣгать совмѣстнаго съ больными принятія пищи.

Вѣжливость требуетъ, чтобы каждый изъ кушающихъ изъ одной посуды съ другими старался лучшіе куски пищи предоставлять другимъ, а самъ не протягивалъ руку за лучшими кусками для себя. Такая уступчивость весьма похвальна.

Если мясо уварено до мягкости, то его не слѣдуетъ рѣзать ножемъ, а слѣдуетъ дѣлить на части руками.

Если въ составъ предлагаемаго угощенія входятъ блюда, представляющія совокупность отдѣльныхъ предметовъ, какъ, напр., финики, винныя ягоды, пирожки, пельмени и т. п., то такихъ отдѣльныхъ частей кушанья каждый изъ гостей долженъ стараться съѣсть непремѣнно н е ч е т н о е число.

Такое правило основано на томъ, что „Богъ единъ и Ему угоденъ нечетъ".

Если поданное кушанье жидкое и его приходится ѣсть ложками, то и число съѣденныхъ каждымъ гостемъ ложекъ также должно быть нечетное. Также, если двое кушаютъ изъ одной чашки одной ложкой, то передавать ложку товарищу необходимо только послѣ нечетнаго числа погруженій въ чашку ложки первымъ начавшимъ кушать. Человѣкъ, если онъ ѣстъ одинъ, долженъ прекращать ѣду непремѣнно послѣ того, какъ проглотилъ нечетное число ложекъ жидкой пищи.

Не слѣдуетъ до краевъ наполнять ложку, когда берется кушанье, это обнаружило-бы увлеченіе пищей; не слѣдуетъ также брать на ложку и

слишкомъ мало, что показываетъ гордость. Лучше всего наполнять ложку до половины.

Надо стараться, чтобы съ ложки не капало на скатерть или одежду; оставшееся въ ложкѣ не складывать обратно въ чашку, изъ которой ѣдятъ другіе; не приближать, подобно четвероногимъ, свой ротъ къ самой чашкѣ, не открывать ротъ при ѣдѣ слишкомъ широко, не вставлять ложку далеко въ ротъ и не издавать, хлебая съ ложки, непріятныхъ звуковъ. Не слѣдуетъ стучать ложкой, когда ее кладутъ на блюдо, и класть на блюдо ложку слѣдуетъ внизъ наружной стороной, чтобы оставшаяся на ложкѣ пища не капала съ нея на скатерть.

По окончаніи ѣды слѣдуетъ облизать пальцы и пальцами-же стереть съ блюда остатки пищи. Неприлично обтирать пальцы объ кожу или скатерть, на которой было подапо кушанье, а омовеніе можно совершить только послѣ того, какъ пальцы послѣ ѣды будутъ облизаны. Облизывать пальцы слѣдуетъ, начиная съ средняго и переходя затѣмъ послѣдовательно къ указательному и большому.

Когда на столъ поданы фрукты, покрытые кожицей, или содержащіе въ себѣ косточки или зерна, то очистивъ плодъ не слѣдуетъ класть снятую кожицу, зерна и косточки на то же блюдо, гдѣ лежали плоды, а отбросить все это подальше. Если собраніе происходитъ въ тѣсномъ помѣщеніи и остатки плодовъ отбросить некуда, то надо завернуть ихъ въ платокъ и такимъ образомъ скрыть отъ взоровъ присутствующихъ при уго-

щеніи; а если платка не будетъ съ собой, то остатки плодовъ слѣдуетъ зажать въ лѣвую руку и, улучивъ минуту, когда никто не смотритъ, отбросить влѣво, остерегаясь, чтобы не попасть кому-нибудь въ калоши, если таковыя стоятъ тутъ-же, въ комнатѣ.

Кстати, о плодахъ: когда наступитъ время созрѣванія плодовъ, полагается прочесть особо установленную молитву о ниспосланіи изобилія и, взявъ первый созрѣвшій плодъ, потереть имъ глаза и поцѣловать, какъ предметъ священный, а потомъ позвать малаго ребенка и отдать ему съѣсть первый плодъ.

Возвратимся къ окончанію угощенія. Когда совсѣмъ окончили кушать, слѣдуетъ очистить ротъ отъ кусочковъ оставшейся тамъ пищи, ковыряя между зубами деревянной зубочисткой. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что кусочки пищи, добытые изъ-за зубовъ языкомъ, слѣдуетъ проглотить, это дозволено, что-же касается остатковъ пищи, добытыхъ изо рта при помощи зубочистки, то такіе кусочки слѣдуетъ выбросить и проглатывать ихъ не дозволено. Не слѣдуетъ ковырять зубочисткой очень глубоко между зубами, чтобы не повредить десны. Слуга, подающій гостямъ зубочистки, долженъ взять ихъ между среднимъ и безымяннымъ пальцами правой руки и такъ протянуть гостю. Въ свою очередь, гость беретъ зубочистку тѣми-же пальцами правой руки и произноситъ при этомъ: „да будетъ Богъ милостивъ къ тебѣ“.

Деревянныя зубочистки имѣются въ каждомъ

домѣ туземца и составляютъ необходимую принадлежность стола; выдѣлываютъ ихъ обыкновенно такъ называемые „кукнари“, т. е. люди подверженные страсти къ потребленію опіума (кукнаръ). Здѣсь не курятъ опій, какъ въ Китаѣ а пьютъ его растворъ, одинаково съ дымомъ одуряющій опіофага. Эти-то люди съ помраченнымъ разсудкомъ, сидя въ сладкомъ забытьѣ въ полутемныхъ комнатахъ, гдѣ они предаются своей слабости, и стругаютъ зубочистки. Дѣлаются онѣ изъ арчи (смолистое дерево, древовидный можжевельникъ, растущій въ горахъ), или изъ аса-мусы (посохъ Моисея), твердаго и гибкаго дерева. Потомъ зубочистки попадаютъ въ продажу на базаръ и стоятъ очень дешево. Иногда, зубочистки украшаются шерстью или шелкомъ въ той части, за которую держатъ рукой.

Передъ принятіемъ пищи и послѣ ѣды необходимо всѣмъ гостямъ совершить омовеніе рукъ и это обставлено довольно сложными формальностями, которыя въ общемъ довольно точно исполняются во всѣхъ мусульманскихъ домахъ.

Слуга вноситъ особый мѣдный умывальникъ, состоящій изъ кувшина съ длиннымъ трубчатымъ носкомъ и таза, верхняя часть котораго покрыта рѣшеткой, чтобы вода могла стекать подъ эту крышку не разбрызгиваясь и чтобы грязной воды не было видно. Такой умывальникъ называется „дастъ—шу“, что означаетъ умывальникъ для рукъ, рукомойникъ.

Приступая къ омовенію рукъ, гость долженъ

опуститься на оба колѣна и, помѣстивъ обѣ руки между колѣнями, вымыть кисти рукъ до запястья съ наружной и внутренней стороны. Вымывъ руки, не слѣдуетъ стряхивать съ нихъ воду, чтобы капли не попадали на одежду, и не вытирать руки о халатъ, для этого подается чистая тряпка или полотенце. Въ крайнемъ случаѣ, если не обо-что вытереть руки, ихъ дозволяется обтирать о свой-же халатъ подъ мышками.

Слуга, подающій воду для омовенія рукъ, войдя въ комнату передъ началомъ угощенія, подаетъ мыться ниже всѣхъ сидящему на правой отъ входа сторонѣ гостю и затѣмъ, послѣдовательно, обходитъ съ умывальникомъ всѣхъ гостей. При подачѣ же воды по окончаніи угощенія, вода для омовенія должна подаваться сначала наиболѣе важнымъ гостямъ по выбору, а затѣъ уже слуга можетъ перейти на правую сторону и подавать воду гостямъ подъ рядъ.

Когда всѣ гости вымоютъ руки, оставшуюся въ кувшинѣ воду слуга долженъ тутъ же вылить въ тазъ, а когда омовеніе начато, не слѣдуетъ выносить изъ комнаты умывальникъ, развѣ только для наполненія его водой, если вся вышла.

Подавая воду, слуга долженъ дѣлать это внимательно и осторожно, чтобы не залить ковра, или платья присутствующихъ за столомъ гостей. Каждому гостю поливаютъ на руки воду въ три пріема: сначала немного воды, во второй разъ побольше и третій разъ еще больше воды.

Необходимо замѣтить, что вообще для омове-

нія мусульмане предпочитаютъ воду тепловатую и не моются мыломъ.

Европейцу, не привыкшему утромъ умываться теплой водой, всегда приходится предупреждать слугу, чтобы и зимой не подавали теплой воды, что особенно непріятно, если приходится умываться въ холодномъ помѣщеніи, или послѣ умыванія тотчасъ выходить на воздухъ. Туземцамъ такое требованіе всегда кажется страннымъ.

Когда всѣ кончили омовеніе рукъ, и передъ угощеніемъ и послѣ его окончанія, произносятся особо установленныя молитвы, въ которыхъ благодарятъ Бога за посланную пищу и просятъ прощенія грѣховъ хозяина дома, всѣхъ присутствующихъ, прислуги и всѣхъ мусульманъ. Если среди гостей есть кто-нибудь высокопоставленный, то онъ и читаетъ молитву, и всѣ прочіе гости только произносятъ „аминь", когда молитва кончена. Если же такого высокопоставленнаго лица въ собраніи нѣтъ, то молитву читать долженъ по правиламъ слуга, подававшій кушанья.

На практикѣ это послѣднее правило исполняется не точно. Никогда слуга молитвы не читаетъ, а произноситъ ее кто-нибудь изъ старшихъ по возрасту гостей про себя, протянувъ передъ собой руки, сложенныя внутренними краями ладоней, и когда кончитъ чтеніе молитвы, проводитъ ладонями рукъ по лицу къ подбородку, какъ будто поглаживая бороду. Этотъ жестъ повторяютъ всѣ присутствующіе и слова „аминь" не произносятъ.

Для питья воды существуютъ свои правила. По возможности, воду слѣдуетъ пить сидя. Изъ

этого правила дѣлаются два исключенія: когда во время паломничества мусульманъ въ Мекку и Медину (хаджъ) подходятъ къ источнику Земъ-Земъ (источникъ Агари), то воду изъ него пьютъ стоя; также стоя пьютъ воду, оставшуюся отъ омовенія, если человѣку послѣ омовенія захочется напиться и въ кувшинѣ его будетъ вода.

На воду не слѣдуетъ дуть. Когда пьютъ воду изъ чашки, неприлично пить ее залпамъ, безъ перерыва, а слѣдуетъ пить въ три пріема, каждый разъ отдѣляя губы отъ края сосуда. Въ первый пріемъ слѣдуетъ сдѣлать только одинъ глотокъ, во второй разъ три глотка и въ третій—пять. Такимъ образомъ и при питьѣ воды надо помнить о преимуществахъ нечетнаго числа глотковъ и придерживаться этого правила.

Передъ каждымъ пріемомъ пищи слѣдуетъ произнести: „Во имя Бога, милостиваго, милосердаго“, а по окончаніи питья воды—„Слава Богу, Господу міровъ“.

Передъ тѣмъ, какъ начать пить воду, необходимо тщательно ее осмотрѣть, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь вреднаго или нечистаго. Во время питья наблюдать, чтобы не пролить капли воды на коверъ или одежду. Можетъ случиться пить воду въ темномъ помѣщеніи, тогда изъ предосторожности слѣдуетъ отверстіе сосуда закрыть тоненькой тряпочкой и черезъ нее пить воду.

Для сохраненія воды слѣдуетъ предпочитать стеклянные сосуды, такъ какъ въ нихъ легко разсмотрѣть присутствіе въ водѣ вредныхъ или нечистыхъ примѣсей и сора.

Если человѣкъ пожелаетъ пить въ то время, когда руки его послѣ кушанья покрыты жиромъ, не слѣдуетъ хватать жирными руками сосудъ, въ которомъ находится вода. Если сосудъ съ ручкой, то еще можно напиться, осторожно взявшись за ручку безымённымъ и мизиннымъ пальцами такъ, чтобы не запачкать жиромъ ручку, если же вода находится въ сосудѣ безъ ручки, то остается предварительно вымыть руки и тогда уже браться ими за сосудъ.

Не слѣдуетъ пить прямо изъ горлышка закрытаго сосуда, а также во время питья касаться губами расколотыхъ мѣстъ на краяхъ сосуда. Въ такихъ мѣстахъ всегда осаждается грязь изъ содержащейся въ сосудѣ воды.

Не слѣдуетъ пить прямо ртомъ изъ пруда или канала. Это непристойно потому, что напоминаетъ способъ утоленія жажды четвероногими животными, которые такъ пьютъ и, кромѣ того, если пить прямо ртомъ, то въ ротъ можетъ вмѣстѣ съ водой проникнуть что-нибудь вредное или нечистое.

Туземцы, не имѣя при себѣ сосуда, которымъ можно было-бы зачерпнуть воды, пьютъ руками, складывая для этого ладони чашечкой; чернорабочіе, имѣющіе при себѣ кетмень, зачерпываютъ воду этой лопатой, имѣющей въ серединѣ небольшое углубленіе, а носящіе лѣтомъ поярковыя китайскаго издѣлія шляпы пользуются для добыванія воды изъ водоема сложеннымъ краемъ этой шляпы.

Все это, конечно, крайніе случаи, въ осѣдлыхъ-

же мѣстностяхъ всегда можно поблизости найти и сосудъ для воды и чашку для питья.

Приготовивъ для питья воду, хотя-бы самому очень хотѣлось пить, слѣдуетъ сначала предложить выпить присутствующимъ. Это имѣетъ одинаковое значенiе съ раздачей милостыни и весьма спасительно. Впрочемъ, такъ поступить обязательно только для наливающаго воду, потому-что въ священномъ преданiи (хадисъ) сказано: „наливающiй пьетъ послѣ всѣхъ".

Напившись изъ чашки, слѣдуетъ предложить своему сосѣду съ правой стороны, даже въ томъ случаѣ, если-бы слѣва сидѣлъ человѣкъ, занимающiй въ обществѣ высокое положенiе.

О подающемъ воду слѣдуетъ помолиться, сказавъ: „о, Боже! пошли этому человѣку силу юности", или произнеся какую-нибудь другую благодарственную молитву.

ГЛАВА VII.

Приличія, соблюдаемыя въ путешествіи и относящіяся къ этому.

Теперь, когда почти всѣ мѣста Туркестанскаго Края соединены рельсовымъ путемъ съ губерніями внутренней Россіи и поѣхать даже въ Аравію для совершенія паломничества мусульманину не составляетъ особаго труда, не легко себѣ представить, насколько сложно было посѣтить какой-нибудь отдаленный городъ прежде, при первобытныхъ путяхъ сообщенія.

Несомнѣнно, въ тѣ времена путешествіе изъ родного селенія или города представлялось въ глазахъ туземца событіемъ небывалой важности и люди сравнительно рѣдко путешествовали безъ крайней къ тому необходимости.

Правила о путешествіяхъ подробно разработаны и насквозь проникнуты совѣтомъ безъ нужды не покидать родного крова, не подвергаться случайностямъ, ожидающимъ человѣка въ пути.

Учители мистицизма допускаютъ необходимость путешествія для человѣка, ищущаго мистическихъ познаній, желающаго достичь нравственнаго совершенства, но и для такой высокой цѣли не совѣтуютъ покидать родину, если среди сво-

ихъ соплеменниковъ человѣкъ въ состояніи найти себѣ достойнаго учителя, способнаго научить его мистической премудрости и воспитать его волю въ послушаніи. Въ такомъ случаѣ лучше человѣку остаться на родинѣ и поступить на службу къ мѣстному наставнику, постаравшись заслужить его расположеніе своею преданностью и усердіемъ къ изученію всѣхъ тайнъ суфизма.

Только, если на родинѣ нѣтъ такого достойнаго учителя, дозволяется человѣку искать премудрости на сторонѣ и совершать съ этою цѣлью путешествіе, чтобы стать ученикомъ какого-нибудь святого въ другомъ мѣстѣ.

Вообще путешествія, по своему значенію, въ зависимости отъ цѣли, съ которой они совершаются, дѣлятся на три категоріи: обязательныя, спасительныя (савабъ), или похвальныя, и дозволенныя.

Къ числу обязательныхъ путешествій относятся прежде всего передвиженія, связанныя съ войной противъ невѣрныхъ съ цѣлью распространенія вѣры Ислама (джихадъ газаватъ); далѣе обязательнымъ считается паломничество къ святынямъ Мекки (хаджъ), входящее въ число религіозныхъ обязанностей каждаго мусульманина, обладающаго къ тому достаточными средствами. Далѣе обязательно совершить путешествіе для свиданія съ родными, если они просятъ пріѣхать повидаться. Обязательно также посвящать въ случаѣ надобности свои силы и покидать свою родину съ цѣлью розыска воровъ и жестокихъ людей, вредящихъ мирнымъ жителямъ своими злодѣяніями.

Наконецъ, также обязательнымъ считается путешествіе съ научной цѣлью, но въ томъ только случаѣ, если въ родномъ городѣ нѣтъ достойнаго человѣка, у котораго можно было-бы учиться.

Знаменитые подвижники суфизма отмѣчаютъ также, что если какой-нибудь дервишъ, вопреки сущности суфійскаго ученія, разбогатѣетъ и замѣтитъ за собой, что сталъ забывать про Бога, то въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ все свое имущество оставить въ родной странѣ, а самому удалиться оттуда. Такое путешествіе обязательно для суфи.

Похвальныхъ путешествій очень много. Къ числу ихъ относится прежде всего вторичное паломничество въ Мекку, послѣ совершенія обязательнаго, паломничество въ Іерусалимъ, путешествіе въ Медину къ памятнику на могилѣ пророка. Также похвальнымъ считается путешествіе съ цѣлью насладиться бесѣдой какого-нибудь знаменитаго шейха, съ цѣлью научиться у него святости и укрѣпиться въ благочестіи. Все эти — путешествія похвальныя.

Дозволеннымъ слѣдуетъ считать путешествіе по торговымъ дѣламъ, если цѣлью его является пріобрѣтеніе для себя и семьи необходимыхъ средствъ существованія и избавленіе себя отъ необходимости жить на счетъ благотворительности; если же путешествующимъ по торговымъ дѣламъ руководитъ желаніе пріобрѣсти богатство, то такое путешествіе грѣшно и причинитъ много огорченій въ день страшнаго суда.

Исполнить это суровое правило нашимъ туземцамъ, по своей природѣ склоннымъ къ занятію торговлей, очень трудно, трудно, кромѣ того, различить, гдѣ кончается необходимость и начинается избытокъ, или богатство. Поэтому многимъ туркестанскимъ купцамъ придется дать отвѣтъ на страшномъ судѣ за недозволенныя путешествія съ цѣлью пріобрѣсти богатство и число такихъ грѣшниковъ растетъ съ каждымъ годомъ.

Также дозволенными считаются путешествія, предпринимаемыя исключительно для своего удовольствія, но только въ томъ случаѣ, если человѣкъ изрѣдка позволяетъ себѣ такія путешествія, было-бы грѣшно только для удовольствія, постоянно путешествовать и вести скитальческій образъ жизни.

Всѣ приведенныя выше правила относительно путешествій касаются только мужчинъ. Женщинамъ путешествовать когда-бы то ни было въ обществѣ другихъ людей воспрещается.

На практикѣ, исключеніемъ является паломничество въ Мекку. Религія и женщинъ обязываетъ однажды въ жизни посѣтить святыни Ислама и потому состоятельныя женщины, особенно въ зрѣломъ возрастѣ, довольно смѣло пускаются въ такое далекое путешествіе, взявъ съ собой какого-нибудь пожилого родственника, уже побывавшаго ранѣе въ Меккѣ. Женщины-хаджи (совершившія паломничество) въ Туркестанѣ не рѣдкость.

По мнѣнію мусульманскихъ ученыхъ, человѣкъ, совершающій путешествія съ искреннимъ намѣ-

реніемъ извлечь изъ нихъ для себя пользу, достигаетъ этой цѣли, такъ какъ, покинувъ на время отечество, онъ не только знакомится съ бытомъ и обстановкою жизни другихъ народовъ, но и обогащаетъ свой умъ научными познаніями. Кромѣ того, путешественникъ имѣетъ возможность посѣтить достойныхъ, праведныхъ людей и многое позаимствовать отъ нихъ, посѣщая ихъ собранія, пользуясь ихъ наставленіями и совѣтами. Самое одиночество и испытанныя въ пути лишенія очищаютъ душу человѣка отъ повседневной сутолоки и даютъ ему возможность подумать о своей душѣ.

Не говоря уже о томъ, что, задумавъ совершить путешествіе, человѣкъ долженъ непремѣнно укротить въ себѣ намѣреніе извлечь изъ путешествія какъ можно больше пользы для себя, онъ долженъ еще передъ отъѣздомъ посовѣтоваться съ умными, опытными людьми относительно задуманнаго имъ дѣла.

Если опытные соотечественники одобрятъ намѣреніе отправляющагося въ путь, то ему слѣдуетъ приступить къ исполненію всѣхъ молитвъ, для этого случая указанныхъ, и чтенію положенныхъ главъ Корана.

Эта молитва передъ путешествіемъ имѣетъ особое значеніе и очень важно исполнить все предписанное, искренно положившись на Бога и прося у него не только помощи въ предстоящемъ путешествіи, но также и указанія, будетъ-ли предположенное путешествіе полезно и спасительно для отъѣзжающаго. Поэтому очень важно

послѣ продолжительной и усердной молитвы, обратить вниманіе на состояніе своего духа. Если послѣ молитвы человѣкъ почувствуетъ въ себѣ увѣренность въ томъ, что Богу угодно предпринимаемое путешествіе, и придетъ въ хорошее, радостное расположеніе духа, то онъ смѣло можетъ отправляться въ путь, зная твердо, что Богъ поможетъ ему и путешествіе увѣнчается полнымъ успѣхомъ.

Окончательно рѣшивъ свою поѣздку, слѣдуетъ непремѣнно на всякій случай сдѣлать завѣщаніе и испросить разрѣшенія на поѣздку у своихъ родителей, а также заручиться согласіемъ кредиторовъ, если отъѣзжающій кому-нибудь долженъ.

Это послѣднее правило совершенно точно соблюдается всѣми мусульманами только при отъѣздѣ въ „хаджъ"—путешествіе къ святынямъ Мекки и Медины. Каждый паломникъ мечтаетъ, какъ о высшей наградѣ, о томъ, чтобы умереть въ священныхъ областяхъ Аравіи во время паломничества и тѣмъ пріобрѣсти право на мѣсто въ раю, наравнѣ съ другими „шахидами"—воинами за вѣру, и праведниками. Поэтому, каждый паломникъ передъ отъѣздомъ дочиста выплачиваетъ свои долги и производитъ раздѣлъ всего своего имущества между своими наслѣдниками, какъ будто его уже нѣтъ въ живыхъ. Конечно, раздѣлъ производится условно, на случай смерти отъѣзжающаго во время паломничества, и наслѣдственныя части не передаются въ дѣйствительности наслѣдникамъ, но все подготовляется такъ обстоятельно, что, въ случаѣ смерти паломника

въ Аравіи, не остается уже никакихъ сомнѣній, какъ покойный желалъ распорядиться своимъ имуществомъ.

Взглядъ на необходимость такихъ приготовленій передъ совершеніемъ паломничества, подсказанный, очевидно, прежними трудностями путешествія въ Аравію, усвоенъ не одними только мусульманами въ Туркестанѣ. Такъ же поступаютъ и мѣстные азіатскіе евреи, отправляясь на поклоненіе святынямъ Іерусалима. Наиболѣе зажиточные евреи, по достиженію преклоннаго возраста, передаютъ всѣ торговыя дѣла свои своимъ наслѣдникамъ и еще за нѣсколько лѣтъ до смерти переселяются на жительство въ Іерусалимъ, чтобы умереть тамъ, гдѣ прошли лучшіе вѣка библейской исторіи. Очевидно, и въ данномъ случаѣ людьми руководитъ желаніе обезпечить себѣ спасеніе души и заслужить мѣсто въ раю. Трудно только сказать, кто кому передалъ эту увѣренность въ важномъ значеніи мѣста погребенія— евреи-ли мусульманамъ, или послѣдніе передали эту мысль азіатскимъ евреямъ въ періодъ совмѣстнаго сожительства въ Азіи.

Для выѣзда слѣдуетъ выбрать „легкій“ день. Самымъ легкимъ днемъ, по преданію, считается четвергъ, но допускается выбирать для отъѣзда и понедѣльникъ, среду или субботу.

Передъ отъѣздомъ необходимо проститься съ женой, дѣтьми, родными, друзьями, знакомыми, сосѣдями, съ тѣми, кому былъ долженъ, и всѣхъ этихъ лицъ надо попросить помолиться о

томъ, чтобы путешествіе было успѣшно и счастливо для отъѣзжающаго.

Въ правилахъ приведены многочисленные моменты и указываются соотвѣтствующія главы Корана, которыя отъѣзжающему надлежитъ прочесть, вставая съ мѣста, выходя изъ дома, садясь верхомъ на лошадь и, наконецъ, во время движенія верхомъ.

Разумѣется, читается и молитва успокаивающая горячую лошадь, приведенная выше, въ главѣ второй. а при вступленіи на корабль необходимо произнести особую молитву.

Во время пути, при каждомъ подъемѣ на гору, произносится „Богъ святъ", а при спускѣ съ горы—„съ восторгомъ вспоминаю имя Твое".

Когда путешествіе продолжительно и человѣкъ, особенно лѣтомъ, вынужденъ совершать верхомъ значительные переходы, всего лучше ѣхать ночью, а день отдыхать, такъ будетъ гораздо легче и для человѣка и для животныхъ.

Всѣ туземцы, когда имъ приходится совершать значительные переходы верхомъ, охотно слѣдуютъ этому правилу, чтобы избѣжать мучительнаго дневнаго зноя, особенно утомительнаго въ безводныхъ мѣстахъ, которыхъ не мало на территоріи Туркестана.

Единственной помѣхой въ этомъ случаѣ является сонъ, который одолѣваетъ человѣка, особенно подъ утро. А, какъ мы видѣли выше, считается непристойнымъ спать или дремать, сидя верхомъ на лошади. Это и не безопасно: не говоря уже о томъ, что дремлющему человѣку недолго упасть

съ лошади, неправильная посадка дремлющаго всадника влечетъ за собою непремѣнно наминки спины у лошади, а это можетъ вызвать даже раны подъ потникомъ и лошадь сдѣлается негодной для дальнѣйшаго путешествія.

Въ правилахъ рекомендуется всаднику, если его клонитъ ко сну, съѣхать съ дороги въ сторону и тамъ слѣзть, такъ какъ на самомъ полотнѣ дороги человѣкъ подвергается большой опасности отъ звѣрей, вредящихъ человѣку.

Звѣри теперь рѣдкость на дорогахъ, но, конечно, здравый смыслъ долженъ подсказать путнику рѣшеніе для отдыха располагаться не на самомъ полотнѣ дороги, а въ сторонкѣ.

Останавливаясь на ночлегъ, путникъ обязанъ прочесть особую молитву о сохраненіи его отъ нападенія хищныхъ звѣрей и тогда ничто не угрожаетъ ему до тѣхъ поръ, пока онъ съ ночлега не двинется въ путь.

Въ дорогѣ человѣкъ можетъ затрудниться въ выборѣ пути, когда хорошенько не знаетъ мѣстности. Правила указываютъ, что на распутьи слѣдуетъ, безъ всякаго колебанія, выбирать дорогу, ведущую вправо, потому что съ правой стороны находятся ангелы, указывающіе путь. Въ пустыняхъ иногда появляются злые духи, угрожающіе путешественникамъ, но стоитъ только громко произнести „азанъ“ (призывъ къ молитвѣ) и духи эти немедленно удаляются.

Никогда не слѣдуетъ путешествовать одному, въ особенности ночью. Число спутниковъ должно быть не менѣе трехъ.

Если вмѣстѣ путешествуетъ много людей, то и на ночлегѣ имъ слѣдуетъ останавливаться поближе другъ къ другу, а если можно, то и въ одномъ мѣстѣ.

Когда изъ одной мѣстности одновременно отправляется въ путешествіе много людей и между отѣзжающими найдется образованный, всѣми уважаемый и знающій правила вѣры человѣкъ, то надо его выбрать старшиной всѣхъ путешествующихъ, если же такого человѣка нѣтъ, то старшиной надо выбирать человѣка щедраго.

Избранный въ старшины долженъ относиться къ своимъ спутникамъ внимательно и снисходительно, долженъ стараться услужить каждому, ни отъ кого не требовать услугъ для себя и не гордиться своимъ положеніемъ старшины среди путешествующихъ.

Если среди путешествующихъ вмѣстѣ окажутся случайно люди бѣдные и безпомощные, то остальные спутники, сильные и состоятельные, не должны покидать такихъ безпомощныхъ людей на произволъ судьбы, а должны помочь имъ и довезти до мѣста, гдѣ они могли бы найти себѣ пріютъ.

Когда изъ числа спутниковъ нѣкоторые, послабѣе, будутъ просить сдѣлать остановку, не надо имъ въ этомъ отказывать, нужно, не оставляя ихъ однихъ, остановится и поддержать ихъ, пока они не присоединятся къ другому каравану.

Когда наняты телѣги или вьючныя животныя для перевозки клади, не слѣдуетъ слишкомъ тяжело нагружать телѣгу или животное, а самое луч-

шее пригласить хозяина перевозочныхъ средствъ самого присутствовать при нагрузкѣ и слѣдить за тѣмъ, чтобы не грузили больше сговореннаго. Къ грубости извозчиковъ надо относиться снисходительно: грубость въ обычаѣ у извозчиковъ. Во время путешествія, во всякомъ положеніи надо быть снисходительнымъ, терпѣливымъ и милостивымъ.

На вьючныхъ животныхъ слѣдуетъ навьючивать тяжести, сообразуясь съ ихъ ростомъ и силою, слѣдить, чтобы животныя не терпѣли недостатка въ пищѣ и водѣ, а останавливаясь на ночлегъ, слѣдуетъ прежде всего развьючить животныхъ, а потомъ уже приняться за другія дѣла.

Отправляясь въ путешествіе, не слѣдуетъ брать съ собой много лишнихъ вещей, а довольствоваться лишь самымъ необходимымъ. Ученые съ древнихъ временъ выработали уже перечень тѣхъ вещей, которыя существенно необходимы путешественнику въ дорогѣ, и ихъ оказывается очень немного. Достаточно взять съ собой одежду, доходящую до колѣнъ, чтобы были покрыты указанныя выше части тѣла (ауратъ), нужно имѣть небольшой коврикъ (джай намазъ) для постиланія во время молитвы, веревку и сосудъ, которымъ можно было бы достать воду изъ колодца, калоши и обувь, которую можно было бы одѣть послѣ предшествующаго молитвѣ омовенія, чтобы обутому стать на коврикъ для молитвы. Слѣдуетъ въ пути имѣть посохъ съ острымъ наконечникомъ, которымъ можно было бы удалить съ дороги все, приносящее человѣку вредъ, и пользоваться для опоры во вре-

мя ходьбы. Для поддержанія въ порядкѣ своего туалета слѣдуетъ взять съ собой гребешокъ, палочку для чистки зубовъ, иголку съ нитками и коробочку съ сюрьмой.

Отправляясь въ страну невѣрныхъ, не слѣдуетъ брать съ собой корана, потомучто священная книга можетъ подвергнутся поруганію со стороны язычниковъ, но, если кто пишетъ письмо мусульманину, живущему въ странѣ невѣрныхъ, то не воспрещается включать въ письмо текстъ Корана, какъ это принято между мусульманами.

Если путешественникъ освѣдомится, что въ одномъ изъ попутныхъ ему городовъ свирѣпствуетъ эпидемическая болѣзь, происходитъ война или возмущеніе, то въ такой городъ не слѣдуетъ заѣзжать. Мѣстные же жители, если бы въ ихъ городѣ появилась эпидемія, не должны покидать постояннаго мѣста жительства. Объ этомъ есть указанія въ преданіи.

Къ шеѣ животныхъ, входящихъ въ составъ каравана, не слѣдуетъ привязывать колокольчики; извѣстно, что ангелы не сопутствуютъ людямъ, пользующимся колокольчиками.

Это правило, вѣроятно, касается только колокольчиковъ, привязываемыхъ безъ всякой нужды, потому-что самые ревностные мусульмане не обходятся безъ большихъ желѣзныхъ колокольцевъ на шеяхъ верблюдовъ, составляющихъ торговые караваны, да и нельзя безъ нихъ обойтись, потому-что многіе верблюды на ночлегѣ далеко отходятъ отъ ставки каравана и ночью, безъ звонковъ, ихъ было-бы очень трудно розыскать.

Не сопутствуютъ ангелы и такимъ путешественникамъ, которые въ дорогу берутъ съ собой собаку или шкуру тигра, льва и другихъ хищныхъ животныхъ. Конечно, это не касается тѣхъ ангеловъ-хранителей (карамъ аль-патибинъ), которые всегда находятся при каждомъ мусульманинѣ и призваны записывать хорошіе и дурные его поступки.

При посѣщеніи путешественниками городовъ и селеній ими соблюдается слѣдующее. Посѣщая чей-либо домъ въ незнакомомъ городѣ, путешественникъ долженъ строго соблюдать приличіе и къ хозяину дома относиться съ уваженіемъ. При входѣ въ домъ, слѣдуетъ произнести общепринятое между мусульманами привѣтствіе, а войдя въ комнату, сѣсть ниже всѣхъ. Если хозяинъ дома попроситъ гостя перейти на высшее мѣсто, необходимо тотчасъ-же послѣдовать приглашенію хозяина и перейти на указанное имъ мѣсто.

Чужестранецъ не долженъ гордиться передъ мѣстными жителями своими познаніями, или высказывать имъ наставленія, какъ слѣдуетъ поступать въ томъ или иномъ случаѣ. Слѣдуетъ остановить хозяина только въ томъ случаѣ, если онъ позволилъ-бы себѣ что-либо противное постановленіямъ вѣры.

Не слѣдуетъ безпокоить хозяина, заставляя его слушать себя, не надо и огорчать его, требуя для себя то, чего у самого хозяина нѣтъ. Неприлично обращаться къ хозяину просьбами о про-

текціи, или затруднять его хлопотами по дѣламъ его гостя.

Совѣты мѣстныхъ жителей, какъ людей, лучше пріѣзжаго знающихъ мѣстныя условія жизни, слѣдуетъ выслушивать со вниманіемъ и, по возможности, слѣдовать этимъ совѣтамъ.

Безъ просьбы хозяина, пріѣзжій не долженъ высказывать передъ нимъ свою ученость, а также не слѣдуетъ утруждать хозяевъ разсказами о своемъ путешествіи, если хозяева этимъ не интересуются и сами не разспрашиваютъ путешественника.

Коренной житель города, въ домѣ котораго ищетъ пріюта путешественникъ, долженъ оказать пришельцу какъ можно больше вниманія, не взирая на то, будетъ ли то человѣкъ значительный, или простой и бѣдный. Этого правила необходимо строго придерживаться потому, что по наружности не всегда можно судить, какого гостя посылаетъ Богъ въ домъ. Многіе святые и благочестивые люди намѣренно скрываютъ свое превосходство подъ грубой и бѣдной одеждой, но, тѣмъ не менѣе, остаются угодными Богу.

Поэтому, если въ домъ придетъ и бѣдно одѣтый чужестранецъ, не слѣдуетъ безпокоить его разспросами о томъ, откуда и куда онъ идетъ, какъ его имя и т. п.

Слѣдуетъ деликатно освѣдомиться, желаетъ ли гость провести время въ обществѣ, или-же предпочитаетъ уединеніе. Въ первомъ случаѣ хозяину надлежитъ постараться развлечь гостя

интересною для него бесѣдою, въ послѣднемъ же случаѣ хозяинъ долженъ поспѣшить отвести гостя въ приготовленное для него помѣщеніе, указать ему мѣсто для омовеній и ретирадъ, а затѣмъ оставить гостя одного.

Если гость, съ дороги, выразитъ желаніе помыться въ банѣ, то хозяинъ долженъ отвести его туда, приказать вымыть грязную одежду и бѣлье пріѣзжаго, а если средства хозяина позволяютъ это, предложить гостю новую одежду и бѣлье; не надо упускать случая исполнить это, если возможно.

Когда пройдетъ три дня и гость отдохнетъ, хозяинъ долженъ спросить его, не пожелаетъ ли онъ поклониться могиламъ умершихъ и посѣтить лицъ, извѣстныхъ въ городѣ своею святостью. Если гость выразитъ желаніе, хозяину слѣдуетъ сопутствовать гостю, если же гость не пожелаетъ, то не надо настаивать на своемъ предложеніи.

Всякое желаніе гостя, если оно не противно религіи, хозяинъ дома долженъ постараться непремѣнно исполнить.

Если гость предполагаетъ остаться на нѣсколько дней, то ему слѣдуетъ дозволить хозяину иногда приходить къ гостю для бесѣды. Конечно, это правило соблюдается только въ томъ случаѣ, если гость считаетъ хозяина дома дѣйствительно ищущимъ знанія, желающимъ научиться. Если же хозяинъ пустой хвастунъ и лицемѣръ, то звать его не надо.

Выше подробно разсмотрѣно, какъ долженъ вести себя путешественникъ въ дорогѣ и на оста-

новкахъ въ пути. Остается сказать о томъ, что долженъ онъ дѣлать при возвращенiи домой, чтобы соблюсти до конца всѣ приличiя.

При возвращенiи изъ путешествiя, какъ только путникъ завидитъ свой родной городъ, онъ долженъ воскликнуть: „О, Боже! дай мнѣ благополучно прожить въ этомъ городѣ и пошли мнѣ все необходимое".

Неприлично прiѣзжать домой, къ своей семьѣ, неожиданно, это даже грѣшно. Слѣдуетъ, подъѣзжая къ городу, послать впередъ вѣстника предупредить домашнихъ о возвращенiи хозяина.

Возвращаться домой ночью непозволительно. Нужно такъ сообразить время возвращенiя, чтобы прибыть домой утромъ или днемъ, около 4—5 часовъ, когда настаетъ время третьей ежедневной молитвы (намазъ-и-асръ).

Въѣхавъ въ свой родной городъ, путешественнику слѣдуетъ прежде всего войти въ свою приходскую мечеть и исполнить положенныя молитвы. Только послѣ этого прiѣзжiй можетъ войти въ свой домъ и привѣтствовать свою семью и домашнихъ слѣдующими словами: „Слава Богу, давшему мнѣ возможность увидѣть васъ снова здоровыми и благополучными".

Женѣ, дѣтямъ, внукамъ, близкимъ родственникамъ и друзьямъ слѣдуетъ привезти подарки, каждому какую-нибудь подходящую для него вещь. Въ домѣ-же слѣдуетъ немедленно распорядиться, чтобы приготовили необходимое угощенiе для приходящихъ привѣтствовать возвратившагося хозяина.

Остающіеся въ городѣ, узнавъ о возвращеніи своего родственника, должны заблаговременно выйти къ нему навстрѣчу и привѣтствовать пріѣзжаго такъ: „Слава Богу, сохранившему тебя въ пути и давшему намъ возможность увидѣть тебя благополучно возвратившимся“.

При возвращеніи паломника изъ путешествія къ мекскимъ святынямъ, или воина, сражавшагося съ невѣрными, привѣтствія пріѣзжему высказываются въ другой, установленной для этихъ случаевъ формѣ.

Войны съ невѣрными отошли въ область преданій, встрѣча-же возвращающихся изъ паломническаго путешествія въ Мекку и Медину туземцевъ вездѣ обставляется торжественно. За нѣсколько станцій по желѣзной дорогѣ и по крайней мѣрѣ за одинъ переходъ по грунтовой дорогѣ выѣзжаетъ толпа односельцевъ встрѣчать „хаджи“ и всѣ наперерывъ стараются приблизиться къ пріѣзжему, получить отъ него благословеніе, привѣтствовать его пожеланіемъ, чтобы паломничество его было угодно Богу.

Всѣ знакомые, поочереди, приглашаютъ къ себѣ вернувшагося паломника, что бы съ интересомъ выслушать его разсказы о путешествіи, и „хаджи“ не жалѣетъ красокъ, чтобы возвеличить вѣру Ислама и поразить воображеніе слушателей описаніями мекскихъ святынь.

Возвращаясь изъ Мекки, паломникъ привозитъ своимъ землякамъ маленькіе подарки, заключающіеся главнымъ образомъ въ небольшихъ жестяныхъ сосудахъ, наполненныхъ водою свя-

щеннаго источника „Земъ-Земъ“, которая, по мнѣнію туземцевъ, помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней, какъ святая вода.

Привозятъ еще финики, особыя трости, съ которыми ходятъ паломники по святымъ мѣстамъ, и другіе мелкіе предметы. Все это принимается и хранится, какъ святыня.

Вышеприведеннымъ исчерпываются правила вѣжливости, которыя должны соблюдать въ общежитіи мусульмане всѣхъ странъ, независимо отъ подданства и національности.

Поражаетъ мелочность и педантичность всѣхъ этихъ подробныхъ предупрежденій о томъ, что можно, чего нельзя, но, въ общемъ, подробныя правила эти достигаютъ своей цѣли и, будучи привиты каждому мусульманину съ ранняго дѣтства, въ результатѣ значительно повышаютъ уровень учтивости въ простомъ народѣ.

П. Н. Красновъ.

Въ житейскомъ морѣ.

1915 г. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 2 р.

ПОГРОМЪ.

1915 г. Романъ изъ Русско-Японской войны. Ц. 2 р.

ФАРФОРОВЫЙ КРОЛИКЪ. ВОЛШЕБНАЯ ПѢСНЯ.

ПОВѢСТИ.

1915 г. 2 рубля.

Своимъ умѣніемъ замѣчательно вѣрно передать перомъ всѣ, какъ крупныя, такъ и мелкія черты нашей офицерской жизни, П. Н. Красновъ уже давно пріобрѣлъ извѣстность. И это понятно: любой офицеръ, даже при самомъ бѣгломъ просмотрѣ беллетристическихъ произведеній Петра Николаевича, немедленно убѣждается, что его повѣсти и романы отнюдь не являются чѣмъ-то вымышленнымъ и вымученнымъ, а отражаютъ, какъ въ лучшемъ зеркалѣ, поэзію и прозу военнаго быта.

Новыя произведенія П. Н. Краснова, какъ и всѣ его произведенія, дышатъ любовью къ нашему дорогому всѣмъ намъ военному дѣлу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, П. Н. далекъ отъ излишней идеализаціи офицерской жизни, что безусловно является очень и очень цѣнной чертой въ его творчествѣ. Въ то же время П. Н. отнюдь не грѣшитъ недостаткомъ видѣть лишь одну худую сторону офицерскаго быта, а потому онъ невольно располагаетъ „военнаго" читателя въ свою пользу. Думается, что подобное же впечатлѣніе получается и у „штатскаго" читателя, который безъ всякаго сомнѣнія тоже можетъ зачитаться беллетристическими произведеніями П. Н. Краснова. *„Вѣстовой"* № 223.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

Петроградъ, Колокольная, 14.

